

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
ЖУРНАЛ ЛИНГВІСТИКИ И ЛІТЕРАТУРОВЕДЕННЯ

1996

STUDIA
SLAVICA 1-2
AVARIENSIA

Guttman Miklós

SLOVAROPISCI IN SLOVARJI

(Razmišljanje ob 15. obletnici Katedre za slovenski jezik
in književnost na Visoki pedagoški šoli Dániel Berzsenyi)

Ob praznovanju 15 - letnega obstoja Katedre za slovenski jezik in književnost iskreno pozdravljam njene sodelavce, slušatelje, bivše diplomante, zdaj že naše kolege. Moj slavnostni nagovor ob tej priložnosti ni izjemen, ampak povsem naraven, saj sem se od ustanovitve katedre posredno, včasih tudi neposredno vključeval v njeno znanstveno delovanje, ki poteka na katedri vse od njenega obstoja. Soglašam z mnenjem nekdanjega, tudi v Evropi znanega profesorja, Sándorja Bálinta z Univerze v Szegedu, po katerem so Slovenci in Madžari polbratje, saj je njihova in madžarska kultura povezani z mnogimi vezmi. Ta ugotitev je zlasti glede jezikovnih stikov še posebej vredna pozornosti.

Zdaj, ob tem visokem jubileju, ne mislimo samo na minula leta kakor tudi slušatelji ni predavatelj katedre ne, ampak, se ozrejo po opravljenem delu in ga ovrednotijo, ocenjujejo pa tudi rezultate in učinkovitost tega dela. Vztrajno ni požrtvovalno delo je omogočilo tudi to, da je pred dnevi lahko izšel zahteven Madžarsko-slovenski in Slovensko-madžarski slovar lektorice na slovenski katedri, docentke Elizabete Bernjak kot sedma knjiga iz serije Moderni slovarji pri Cankarjevi založbi v Ljubljani. Veseli me, da sva lahko skupaj s Karolyem Gadányijem pri slovarju opravila lektorska dela za madžarski jezik in prav to je eden od razlogov, da v teh svečanih trenutkih spregovorim o takem redkem, izrednem delu, znanstvenem podvigu na področju slovensko-madžarskih stikov.

Preden bi se konkretno lotil tega razmišljanja, se mi zdi pomembno, da podam kratek pregled o slovensko madžarskem slovaropisju v minulih desetletjih.

Najprej bi želel navesti misli Dezsőja Kosztolányija, ki v svojem delu "Jezik je naša močna trdnjava" /"Erős várunk a nyelv" takole piše: "Listam po slovarju. Ali je sploh še kaj bogatejšega, bolj živega, bolj srčnega? V njem so vse besede našega jezika... V njem je moja preteklost, moja sedanost in moja bodočnost... V njem je moje življenje." (Kosztolányi: Erős várunk, a nyelv 305.1). Prepričan sem, da so te misli, ki so vzniknile nekaj desetletij prej, še danes veljavne in sodobne.

V približevanju dveh narodov, dveh jezikov je pri nastajanju slovaropisja opravil pionirsko delo Franc Šebjanič, ki je leta 1969 pri Državni založbi Slovenije v Ljubljani objavil svoj madžarsko-slovenski in slovensko-madžarski slovar na skromnih 200 straneh po posameznih zvezkih. Madžarska lektorja sta pri tem bila László Kerekes in Palkó István. Po splošno znanih madžarskih in tedaj

jugoslovanskih stikih, po obdobju zaničevanja, sta bila ta slovarja kljub skromnemu obsegu nenadomestljivi stvaritvi. Tudi s strokovnega vidika sta poskušala uveljaviti za slovarje potrebne leksikalne in gramatične zahteve.

Po izidu omenjenih slovarjev so minila dolga leta, ko je Jože Hradil leta 1982 kot skupno izdajo Državne založbe Slovenije in založbe Tankönyvkiadó iz Budimpešte objavil svoj Madžarsko-slovenski slovar z izbranim šolskim besediščem na 635 straneh. Njegova prednost je v tem, da ima bogato besedišče in upošteva tudi vidike šolskega pouka. Ima zahtevno leksikalno in gramatično sestavo, pri čemer so veliko pripomogli tudi avtorji madžarskega dela slovarja, Istvan Kosaras in Gyula Szabó ter lektorja József Kelemen in Ivan Mokuter. Žal pa vse do danes še ni izšel njegov slovensko-madžarski del, toda po informacijah sodeč, bo tudi ta prav kmalu pripravljeni. Leta 1993 je izšel Slovensko-madžarski družbenopolitični slovar Sándorja Szúnyogha v Lendavi, ki obsega 178 strani, lektoriral ga je József Bokor, recenzirala pa Janez Glažar in Géza Szabó. Delo vsebuje take specifične izraze, ki so v "madžarščini manj znani in se manj uporabljajo". Potrebo po takem besedišču je narekovala javnoupjavna, gospodarska, kulturna idr. razlika med madžarsko in jugoslovansko državo. Predvsem zato in zaradi dvojezičnega poslovanja je bila izdaja tega slovarja tako rekoč nujna. Pretežno vsebuje leksikalne enote in strukture ter se loteva njihovih prevodov, v gramatičnem pogledu pa ne daje posebne pomoči uporabniku, kar najbrž tudi ni bil avtorjev cilj.

Leta 1993 je Francek Mukič, slovenski avtor z Madžarske, objavil v Sombotelu Madžarsko-slovenski frazeološki slovar, ki sta ga lektorirala dr. Vilko Novak in Miklós Halmágyi. Slovar obsega na 460 straneh 22 tisoč frazeoloških enot, tako je bogata zakladnica stalnih besednih zvez, ki je lahko v veliko pomoč pri šolskem delu in prevajanju.

Tako sem prišel do slovarja Elizabete Bernjak, ki je s 1046 stranmi in členjen na madžarsko-slovenski in slovensko-madžarski del najpopolnejše delo v odnosu med omenjenima narodoma in jezikoma. V uvodnem delu slovarja je navodilo za uporabo slovarja, ki daje informacijo o leksikalni in gramatični zgradbi slovarskega besedišča, o kraticah okrajšavah in znakih pri posameznih geselskih člankih. Geselski članski prinašajo tudi frazeološko in terminološko gnezdo. Nedvomno je, da je avtorica opravila velikansko delo, ko se je lotila tako obsežnega, vsebinsko in tudi v zunanji podobi zahtevnega projekta, s katerim so uporabniki dobili v roke slovar, ki je zapolnil večdesetletni, stoletni primanjkljaj: To priznanje so mu izrekli tudi njegovi ocenjevalci, med drugim József Papp in Gabriella Gaál, ki sta o slovarju pisala v časopisu Népújság (9. in 16. novembra 1995). Prepričan sem, da so uporabniki z veseljem pozdravili njegov izid. Med veselje pa se je pomešalo tudi nekaj grenkobe, saj je kljub prizadevanjem avtorice in lektorjev ostalo v slovarju zaradi uredniških, tiskarskih idr. vzrokov nekaj napak, ki lahko delujejo moteče. Navzlic vsemu pa upajmo, da bo v veliko pomoč vsem,

ki ga bodo uporabljali, kakar piše Gabriella Gaál: "... očitno je, da smo s to edicijo prišli do tiste temeljne izhodiščne točke, ki jo je treba širiti, nadgraditi in nadaljevati, in ga končno dopolniti v tak slovar, ki ne bo vseboval samo "najpogostejše besede, ki se uporabljajo na dvojezičnem območju" oziroma slovarske enote, ampak bo poskušal zajeti čedalje več besed iz čudovito bogate zakladnice madžarskega jezika, po drugi strani pa bo vključil tudi posebne izraze s strokovnega področja." (Népújság 16. novembra 1995: 22.1.).

Posebno pozornost zahteva ugotovitev, da so vsi avtorji omenjenih slovarjev - razen Sándorja Szúnyogha - slovenskega maternega jezika. Zato jim pripada še posebna zahvala in priznanje. Ne bi rad še nadalje razčlenjeval znanstvene stvaritve Elizabete Bernjak, zgodovino nastajanja njenega slovarja, njen trud, a bi se ji zato rad zahvalil v svojem imenu, v imenu kolegov in tudi uporabnikov. Čutim, kot da sta se v slovarju srečala Martin Krpan in Miklós Toldi, France Prešeren in Sándor Petőfi, Ivan Cankar in Zsigmond Móricz, slovenski in madžarski narod, in to je vsekakor znanstveni zgled za prijateljstvo, za tolikokrat citirano evropskost v današnjem času.

Mihaela Koletnik

JEZIKOVNE INTERFERENCE V APAŠKI KOTLINI

0. Raziskava o jezikovnih razmerah v govorih v Apaški kotlini zajema področje ob severni državni meji z Avstrijo, in to od Gornje Radgone do Cmureka, kjer še živijo ostanki pred stoletji naseljenih Nemcev. Govore v Apaški kotlini slovenska dialektologija uvršča med slovenskogoriško narečje,¹ ki ga bom predstavila v svoji doktorski disertaciji.² Raziskava govorov v Apaški kotlini je pokazala, da se v obrobni krajih govori slovenskogoriško narečje, pri avtohtonih Apaščancih³ pa prihaja do interferenc med slovenskogoriškim narečjem, slovenskim knjižnim jezikom in nemščino, tj. njihovim maternim jezikom.⁴ Jezikovne razmere v Radgonskem kotu je raziskal M. Križman,⁵ svoje ugotovitve pa je predstavil v knjigi *Jezik kot socialni in nacionalni pojav*.⁶

0.1 Apaška kotlina⁷ skupaj z Zgornjim Murskim poljem, Radgonsko-Kapelskimi goricami in [~avniško dolino sestavlja območje občin Gornja Radgona. To precej široko ravan od Lipniške doline do Mura, od Murskega polja gorice pri Gornji Radgoni, na jugu pa se nanjo naslanjajo Slovenske gorice. Glavno demogeografsko središče Apaške kotline so Apašci.

Na današnje jezikovno podobo v Apaški kotlini so v veliki meri vplivali predvsem zgodovinski dejavniki. Apaška kotlina je bila namreč stoletja naseljena z Nemci, potomci pred stoletji naseljenih kolonistov.⁸ Samo obrobne vasi (Nasova, Lešane) so bile pretežno slovenske. Apaški Nemci so svoj jezik in narodnost ves čas trdno ohranjali, saj so se v glavnem poročali med seboj. Sem je močno segala tudi germanizacija iz Lipniškega polja. Priseljevanje v Apaško kotlino pa se je začelo šele v novejši dobi. V nekaj letih pred prvo in do konca

¹ T. LOGAR, J. RIGLER, *Karta slovenskih narečij* (Ljubljana: Mladinska knjiga, 1990).

² Doktorska disertacija, katere mentorica je Z. Zorko, je v pripravi.

³ Tu mislim na ostanke prebivalstva, katerega materinščina je nemščina.

⁴ V raziskavi sem svojo pozornost usmerila na govorno sporočanje, zato so predmet moje raziskave govorne interference avtohtonih Apaščancev.

⁵ Raziskava ima naslov *Nemški in slovenski govori na murskem obmejnem področju avstrijske Radgone*.

⁶ M. Križman, *Jezik kot socialni in nacionalni pojav* (Maribor: Pedagoška fakulteta, 1989).

⁷ V literaturi se Apaška kotlina poimenuje tudi Apaška ravnina in Apaško polje.

⁸ Prvi močan slovenski in nemški kolonizacijski val se je iz alpskega področja v Panonijo usmeril po zmagi Frankov proti Obrom (l. 796); po propadu Koceljeve kneževine (l. 874) pa se je nemško priseljevanje, ki so ga delno omejili vdori Madžarov (konec 9. st.) nadaljevalo. Glej B. Grafenauer (1964: 411 in 1965: 118).

druge sv. vojne se je sem priselilo največ ljudi iz Prekmurja.⁹ Po osvoboditvi je takratna oblast večinoma apaki Nemcev izselila, namesto njih pa naselila nove prebivalce iz skoraj vseh predelov Slovenije. Največ jih je bilo iz Primorja, z Dolenjskega in iz Bele krajine.¹⁰ Prevladovali so bivši borci narodnoosvobodilne vojske oziroma njeni simpatizerji. V Apaško kotlino je večinoma priseljencev, ki so jih imenovali kolonisti, prišla v začetku leta 1946, nekaj pa še ob koncu leta 1945. Po podatkih je bilo teh družin 512.¹¹ Po prihodu v Apaško kotlino je vsaka družina dobila 3-5 ha zemlje, hišo, gospodarsko poslopje, živino in orodje za kmetovanje. Ker pa novi naseljenci niso znali kmetovati, so številni zapuščali kotlino in se vračali tja, od koder so prišli. Namesto njih so se v Apaško kotlino priseljevali ljudje iz sosednjega Prekmurja. Do leta 1960 se je izselilo okrog 40% priseljenih družin.¹²

Cerkvenoupravno je apaka župnija,¹³ ki se je razvila iz radgonske prafare, do l. 1787 pripadala salzburškemu škofu, nato pa sekovski škofiji s sedežem v Lipnici in nato v Gradcu. Leta 1923 je bila dodeljena lavantinski škofiji. Marijina cerkev je bila l. 1445 župna. Od srede 19. stoletja do l. 1909 so bili župniki Slovenci, ki so po močnosti vnašali slovensko v cerkvene obrede. Tako je bila do l. 1924 slovenska pridiga v cerkvi le enkrat mesečno, nato pa je tedanji zavedni kaplan Stanko Lah dosegel, da je bila glavna maša ob nedeljah slovenska. L. 1929 je bila organizirana tudi protestantska verska skupnost.

Pouk v Apašah, ki je od l. 1804, je bil do l. 1929 samo v nemščini. V okviru samostana so šolske sestre l. 1879 ustanovile dekliško osnovno šolo, ki je l. 1925 postala javna. Od l. 1921 dalje, ko so bili v Apašah tudi slovenski učitelji, pa je bil pouk za nemške otroke v nemščini, za slovenske pa v slovenski; nemški otroci so imeli po eno uro dnevno slovensko in obratno.

Do osvoboditve so tako v Apaški kotlini večinoma govorili nemško. Danes pa se tukaj govori vzhodno slovenskogoriško narečje, prekmursko narečje in deloma tudi druga narečja, ki so jih priseljenci prinesli s seboj. V govoru avtohtonih Apašancev pa se prepletajo elementi slovenskogoriškega narečja, slovenskega knjižnega jezika in nemškega, tj. njihovega maternega jezika, in to na glasoslovni, oblikoslovni in skladenjski ravnini ter v besedišču.

⁹ Prekmurci, ki so se priselili do 2. sv. vojne, so posestva kupovali, saj je bila zemlja na tej strani Mure cenejša. Tako se je v Apaško kotlino priselilo 31,7 % vseh trajno izseljenih Prekmurcev. Glej L. Olas (1963: 15-33).

¹⁰ Glej A. Melik (1957: 228).

¹¹ Glej Večer (1996: 66/10).

¹² Glej op. 5.

¹³ Na ime župnije je vplivalo dejstvo, da so bila tukaj nekdanj posestva benediktinskega samostana sv. Pavla v Labodski dolini. Ime v obliki Appestal razlagajo iz abbatis stallum, tj. opatji dvorec. Prim. M. Ljubša (1925: 7).

1 Lešanski govor

1.1 Naglas in kolikost

Slovenskogoriški govori ne poznajo tonemskega naglaševanja. V vzhodnem slovenskogoriškem narečju je ohranjeno kolikostno nasprotje med starimi dolgimi cirkumflektiranimi in akutiranimi samoglasniki. Poleg skupnih slovenskih naglasnih pomikov je izvir(en tudi umik s konnega zloga na prednaglasni kratki samoglasnik: `ena\$ ÷ #`ena, noga\$ ÷ #nóga, m/gla\$ ÷ #megla. Najmlajši so :

- umik s cirkumflektiranega dolgega konnega, zlasti odprtega zloga za zlog proti začetku besede: #do:úba, #xujdo, #lexko, #o:údali, #pera, #sa:mo, #tefko, #vüxa;
- umik s kratkega cirkumflektiranega zaprtega zloga za zlog proti začetku besede, tudi na predlog: #bi:la, p #rinas, p #reve~, #zá~nen.

1.2 Samoglasniški sestav lešanskega govora

1.2.1 Dolgi naglašeni samoglasniki

Sistem dolgih naglašanih samoglasnikov sestavljajo monoftongi in diftongi:

i: ü: u:
é: ó:
e: ʔ o:ú + ®
a:

Izvor dolgih naglašanih samoglasnikov

i: × cfl. i (#bi:ja, do #bi:li, #xi:tro, lo #vi:li, #mi:, #ri:{, s #vi:nsko, #ti:sti, vo #di:li, #zi:t), tuji i (#fi:rma, #ki:ble, #ri:bati, #ri:xtar, #ti:ntŃ #kásř), po mlajšem naglasnem umiku naglašeni i (#bi:la, #i:skali, #ti:{alo), v imenih (Ber #ti:la, Ma #ri:ja, #I:da)

ü: × cfl. u (d #rü:go, #dii:kne, #lü:kne, #lü:pati, s #pü:sta, #tü:di, #vü:ra), po mlajšem naglasnem umiku naglašeni u (po #sü:{lo, #pü:sli)

u: × cfl. ů, (#du:k, #pu:ni, #vu:k, #`u:ti)

é: × cfl. | (#dé:n, #lé:n, #sé:bo), cfl. Ć (de #sé:t, de #vé:t, i #mé:, #jé:tre, #pé:t, p #lé:sati), cfl. e (~e #bé:la, je #sé:n, #lé:t, #pé:~, pe #pé:ja, #é:st), e pred j (#fé:jst, g #ré:jo, p #ré:ja), po mlajšem naglasnem umiku naglašeni e (na #ré:dli, pre #sé:jati, #sé:jali), v prevzetih besedah (k #ré:da, p #lé:x, p #ré:{pan, t #ré:gari)

ó: × o pred l (#bó:l{a, ni #kó:l, o #kó:l, #pó:l, #só:l), v prevzetih besedah (#ó:nta, #kó:{ta, #pó:l{tre, p #ró:bati)

e:ŋ × cfl. Ĺ (#be:ŋle, b #re:ŋk, #ce:ŋli, ~ #re:ŋve, d #ve:ŋ, k #le:ŋt, #le:ŋs, #me:ŋla, #me:ŋsa, o #be:ŋ{eno, #pe:ŋli, p #re:ŋdi, p #re:ŋk, #re:ŋsan, s #me:ŋn, s #ne:ŋk, s #ve:ŋ~a, #ve:ŋ{, v #le:ŋli, v #re:ŋzana, z #me:ŋs, z #re:ŋzano, z #ve:ŋzde)

o:ú × cfl. o (#bo:úk, bi #lo:ú, #do:úma, me #so:ú, #no:ú~, #po:úlek, #ro:út, s #ko:ús, #o:úla, #to:ú), cfl. Ř (k #lo:úp, #ko:ús, #ko:út, k #ro:ú`a, ok #ro:úk, #so:úsit, s #to:úpa), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni o (#do:úba, #o:údali, s #to:úpla), v prevzetih besedah (k #lo:ú{tra, ko #no:úpla, #so:úda, #o:ú{tar)

a: × cfl. a (do #ma:, d #ja:li, f #sa:kega, #ma:jo, ob #ra:jde, o #ka:pati, p #ra:vijo, z #la:ti), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni a (#sa:mo), v prevzetih besedah (#ca:jt, #fa:jn, #fa:rbali, #xa:kle, san #ta:lne) in imenih (#A:nica, F #ra:nci, #Na:sova, #Za:jlika)

® × cfl. ® (#~®f, #d®f, #k®f, #m®zlo, #p®vi, z #m®`jeni)

1.2.2 Kratki naglašeni samoglasniki

Sistem kratkih nagla{enih samoglasnikov sestavljajo monoftongi:

i	ü	u	
é		ó	
e			+ ®
á			

Izvor kratkih nagla{enih samoglasnikov

i × akut. i (b #risati, gu #~ijo, #xi{a, xo #dili, ko #rito, #miza, #ni{e, po #tica, ro #dili, s #livof, { #tirje, vi #~i, s #pipali), kratki i (bi #li, #din, #mi{, #ni~ #sir, { #li), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni i (p #rinas, p #rivas, #viski, #vislo), v prevzetih besedah (fa #li, f #ri{ka, na{ #timali, #pintar, tro #fili, z #gliha, z #rixta)

ü × akut. u (g #rüde, #küxna, #küpti, #liü{li, #pü~a, #sükala, zas #liü`a, #vütroma, #züti), kratki u (k #rux, #küp, #vün, #tü), v prevzetih besedah (#xüta, #jü`nali, #nücali, { #tübř, #üpa), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni u ({ #ürka, #vüxa)

u × akut. in kratki Š, (#buxa, #dugi, #puna; #pux), o pred µ in n (#kuµi, #kunec, #punva, #una), tuji u (#pucali, #puter, #{uxi, #tuxanti)

é × akut. Ĺ (#délo, #dévali, #létŇcan, #méli, m #léli, #négda, no #réli, o #bésli, po #jéli, #réza, se #déli, s #léka, s #vétki, t #réba, v #lékli, `e #lézni), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni e (#jéma, #lépo, raz #déljeni, #sédit), v prevzetih besedah (#ék, #kétna, #léder, p #rédganca)

ó × akut. Ř (#góba, #kó~a, #tó~a), n. akut. o (#bótra, #cóta, #hóda, #kó{, k #róp, #móker, #ósen, #óstro, #pót, p #rósín, so #bóta, #vóla, #vózijo, za #bódna,), sekundarno nagla{eni o (#bó`i~, #dóbro, #gór, #ó~a, #pótok, s #nópe,

#tóplo, #vóda), o pred j in r (#cój, #dój, st #rój; #nór, s #pór), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni o (#kótali, na #ló`eno, #ósrano, #pózna, za #ósta), v prevzetih besedah (#dóxtar, p #lóxi, p #róter)

e × akut. in kratki Ć (#jezik, p #reli, s #re~a, te #leta; #ve~, #zet), n. akut. e (k #met, #nesa, #pelan, #seden, #zelje, #`enska), sekundarno nagla{eni e (#ena, #mene, #nesen, #rekli, #sestra, s #pekla, #teklo), kratki, n. akut. in sekundarno nagla{eni | (#de{, #pes, #te{; #lexki, #me{a, s #nexa, #zemen; #megla, #tema), Ĺ pred m in n (#Nemci, #nem{ko, #semen; x #ren, Slo #venci, slo #vensko), e pred r (#~erka, la #terna, mo #derno, #peremo, ve #~er), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni e (#lexko, #le`at, ot #seljeni, # te{ko, v #reteno, #`enla), tuji e (#fertik, #jesix, p #re{a, #`egen), v imenih (#Segofci)

á × akut. a (b #ráda, #~ákati, #dále, g #láva, #jábu~na, k #láli, le #`áli, #málo, #mázali, pi #já~a, p #r`á li, s #vájali, v #dára, #zádi, z #váli), kratki a (b #rát, #jás, k #ráj, m #rás, p #ráf, { #káf, #záj, zd #ráf), po mlaj{em naglasnem umiku nagla{eni a (#ták, #kák), v imenih (K@ #`ánovi, #[ávNca) in prevzetih besedah (#fá{ank, f #lá{a, of #náli, #vága, #`ákř)

® × akut. ® (#~®ta, #d®`a, #g®do, o #b®µeni, #v®ga, #v®sta)

V le{anskem govoru je tudi neka pojavov modernega samoglasni{kega upada. Do onemitve nenagla{enih samoglasnikov, zlasti i: #xódlá, m #latli, s #ve:¶tlo, Ĺ: #védli, #vidla in |: #mánř, #órbezř prihaja le v zvezi z zvo~niki, pri ~emer lahko nastaneta tudi zlogotvorna ř in Ń: #kářř, #edŃ, za #bódŃli. Drug upad je redek: #májo; #kák, #ták.

1.3 Soglasni{ki sestav obsega zvo~nike l, r, m, n, j, µ, v (z variantama f in ú) ter nezvo~nike p, t, k, s, {, b, d, g, z, ` , ~, f, c, x.

Praslovanski Š, srednji l in l #so sovpadli v srednji l. L # je ohranjen samo v besedah #ólje in #zelje.¹⁴ V l je pre{el tudi Š pred soglasnikom; -Š se v nagla{enem zlogu izgovarja kot -ú/-ja: d #jjáú, g #núú, p #ra:ú; #bi:ja, do #bi:ja, fa #li:ja, m #léja, s #méja, za #~é:ja, sicer pa kot -a: #déla, #xóda, k #lá~a, #leta, #máza, #pela, #reka, s #ve:¶ta, #vida. R je kot v knji`nem jeziku. R #> r: me #sára, #rixtara, #fo:ú{tara; ~rĹ- in `rĹ-: ~ #re:¶da, `re #beta. Disimilaciji: r-r > n-r (z #ma:ntrani) in r-r > j-r (#fa:jmo{ter). Kon~ni -m prehaja v -n : k #rávan (daj. mn.), p #rósin, #re~en, s #ti:stin; m-n > m-l: #gü:mila; analogo~ni n: b #remen, #semen. Rinezem: #me:¶senc. N # > n, na za~etku besede in med dvema samoglasnikoma > µ: #lü:kne, p #re:¶dni, s #to:úpna; #uega (rod. ed.), #µiva; b #láue, p #ráue, s #vi:ue. V je `vz: ~ #lóvek, ne #vésta, #véter; s #vi:nske, v #rézali, le pred nezvene~im

¹⁴ V besedah olje in zelje je fonem /lj/ sekundarnega izvora. V večini slovenskih narečij se je razvijal enako kot prvotni lj. Ohranila so ga le redka narečja, med njimi tudi slovenskogoriško. Prim. Tudi F. Ramovš (1924: 69).

nezvo~nikom in na koncu besede je *f*: *f* #~a:si, *f* #sa:k, *f* #sipali, #if~na; *f* *k* #le:¶t, *f* #páci, *f* #umi; #bo:úgof, { #nópsf, zd #ráf. V vzglasju besede pogosto onemi: #~a:si, #sa:ki, s #tánli, nastopa pa tudi kot proteza: #vü:xa, #vü:ra, #vüste; *v-m* > *l-m*: #lámp; -ú < Š ostaja v dolo~enih skupinah (glej zgoraj). Metateza: #mu:jti, #bu:jti. *J* se pojavlja tudi kot novonastali prehodni glas: #xujdo, #na:jla, #vüjzda. *P*, *t*, *k*, *b*, *d*, *g* in *x* so dobro ohranjeni. Nezvo~niki imajo razvrstitev kot v knji`nem jeziku. Primarna *dl* > *l*: #filo, #vilce. Disimilacija *tl* - *dl* > *l*: *c* #vela, *fk* #rála, #pála, *p* #reli, *po* #jéla. V soglasni{kem sklopu zaradi la`jega izgovora *t* lahko onemi: #k@sni, #lü:~no. Prim. {e: *tl-dl* > *kl-gl* (*pok* #lá~li, #ku~ti, *g* #le:¶tva), *dn* > *gn* (*g* #nes), *ts* > *c* (#lü:cki), *tk* > *k* (#ka:úci). *Z*, ` pred nezvene~imi nezvo~niki in na koncu besede pred premorom > *s*, { . *Sk*- > {*k*- ({*k* #riµa); *s*~ > {~ ({ #~in #scati #), {~ > { (#ni{e, #pi:{e, #ti:{alo). *Z* pred µ > ` (*z* #m@`µeni, ` #µin); *sz* > *z* (#zü:jen); iz po upadu *i* > *s* (*s* po #tóka, *s* { #tále). *F* se premenjuje z *v* (glej zgoraj); v starej{i}h in mlaj{i}h prevzetih besedah: *fa* #li, #fa:rba, #fa:jmo{ter, #fertik, *f* #lá{a, *f* #ri{ka, { #káf.

1.4. Oblikoslovje

1.4.1 Samostalniška beseda

1.4.1.1 Samostalnik

V ed. so ohranjeni vsi trije spoli. @. obliko imajo nekateri sam. s. sp. (#ja:jca, #ókna, #pera), v mn. pa sam. s. sp. postanejo ali ` . ali m. sp. Mo{kospolski so v dv. sam. s. sp., ki osnovo podalj{ujejo s -t.

1.4.1.1.1 Moške sklanjatve

Sam. *l. m. sklanjatve* se sklanjajo po naslednjem naglasno nepremi~nem nagl. tipu: *b* #rát -o -a -i -a/-o -i -on; -i -of -on -e -ax -ami; -a -of -oma -a -ax -oma. Po nepremi~nem naglasnem tipu se sklanjajo tudi samostalniki knji`nega kon~ni{kega naglasnega tipa : #de{ #de`a, #pekř #pekla. Premi~ni: #bó`i~ bo #`i~a, ~ #lóvek ~lo #véka ter me{ani naglasni tip: #bo:úk bo #ga:, #mo:ú{ mo #`a:, *s* #ne:¶k sne #ga:, toda tudi #le:¶s le #sa: in #le:¶sa, #lé:t #lé:da sta dobro ohranjena. Samostalniki, katerih osnova se kon~uje na govorjeni samoglasnik, v sklonih z neni~to kon~nico osnovo podalj{ujejo z -j: #áta #áteja, #Ma:rko #Ma:rkeja, samostalniki na -r pa svoje osnove ne podalj{ujejo: *m* #li:nar *m* #li:nara, *pa* #pi:r *pa* #pi:ra, *pas* #tir *pas* #tira. V im. ed. enozlo`ni samostalniki v mn. in dv. osnove ne podalj{ujejo z -ov: *c* #ve:¶ti, *c* #ve:¶ta;

#zi:di, #zi:da. V rod. ed. se nagla{ena kon~nica -u ni ohranila: s #ve:¶t, sve #ta:, #zi:t #zi:da. Po 2. m. sklanjatvi se sklanja sam. o~a: #ó~ -a -e -i -o -i -o. Samostalnikov 3. m. sklanjatve ni najti, samostalniki 4. sklanjatve pa se sklanjajo po pridevni{ki sklanjatvi tipa ti/ta m #la:jfi -ega.

1.4.1.1.2 Ženske sklanjatve

Samostalniki 1. ` . sklanjatve se sklanjajo le po nepremi~nem naglasnem tipu. Kon~nice v 1. ` . sklanj. odstopajo od knji`ne norme le v daj. in or. dv.: ##xi{ -a -e -i -o- i -o; -e -o -an -e -ax -ami; -i -o -oma -i -ax -oma. Tako se sklanjajo tudi: #megla #megle, #tema #teme in samostalniki tipa g #láca g #láve, #kósa #kóse, #no:úga #no:úge,¹⁵ #vóda #vóde, redko vo #dé:. Samostalniki 2. ` . sklanjatve se sklanjajo po nepremi~nem naglasnem tipu: #mi{ -o -i -i -o -i -jo; -i -i -an -i -ax -ami; -i -i -oma -i -ax -oma. Kon~nice v daj., mest. in or. mn. ter dv. so enake kon~nicam 1. ` . sklanjatve. Me{ani naglasni tip je {e ohranjen: k #lo:úp klo #pi:, #pé:~ pe #~i:, vendar `e d #ve:¶ #pé:~i, #re:¶~ re #~i:, #ti:r ti #ri:. Samostalnikov 3. ` . sklanjatve, npr. G #ré:tř, #Mi:ci, je malo, 4. sklanjatev pa je enaka ` . prid. sklanjatvi.

1.4.1.1.3 Srednje sklanjatve

Samostalniki s. spola lahko ohranjajo svoj spol in sklanjatev le v ednini, saj se v dvojini in mno`ini femininizirajo ali maskulinizirajo. Pri ne{tevnih je s. sp. ohranjen: ka #mé:µe, #li:~je, m #le:¶ko, `e #lézo. Sklanjatveni vzorec: #lét -o¹⁶ -a -i -o -i -on; #le:¶t -e -o -an -e -ax -ami; #lét -i -o -oma -i -ax -oma. Premi~ni naglasni tip je ohranjen pri samostalnikih, ki svojo osnovo podalj{ujejo s -t: #tele -o te #let -a -i -o -i -on; te #let -i -of -on -e -ax -ami; te #let -a -of -oma -a -ax -oma. Samostalniki, ki osnovo podalj{ujejo z -n, svoj spol ohranjajo (#te{ko b #remen, #süxo #semen), podalj{evanja osnove s -s ni; ti samostalniki se namre~ femininizirajo `e v ednini: ~ #re:¶va ~ #re:¶ve, #pera #pere. Mno`inski samostalniki s. spola so pre{li med `enske samostalnike: #d@ve, #jé:tre, p #lü:~e. Med ni~to sklonljive samostalnike s. sp. se {tejeta #jésti #hrana # in #piti #pija~a #. Tretja sklanjatev posamostaljenih pridevnikov je enaka pridevni{ki sklanjatvi.

1.4.1.2 Samostalniški zaimki

Osebni zaimki poznajo naslednjo sklanjatev naglasnih in naslonskih oblik: #jás, #mene me, #meni mi, #mene me (za #mene), p #rimeni, z #mé:no; #mi:/ #me:¶, #nás nas, #nán nan, #nás nas (za #nás), p #rinas, z #na:mi;

¹⁵ Mešani naglasni tip je ohranjen samo v im. in tož. mn.: no #gé:.

¹⁶ Samostalnik *leto* ima v ed. in dv. odraz staroakutiranega, v mn. pa cirkumflektiranega jata.

#mi:dva/ #mi:ja/ #me:ŕ, #na:ji naji, #na:ma nama, #na:ji naji, pri #na:ji, z #na:ma;

#ti:, #tebe te, #tebi ti, #tebe te (za #tebe), p #ritebi, s #té:bo;

#vi:/ #ve:ŕ, #vás vas, #ván van, #vás vas (za #vás), p #rivas, z #va:mi;

#vi:dva/ #vi:ja/ #ve:ŕ, #va:ji vaji, #va:ma vama, #va:ji vaji, pri #va:ji, z #va:ma;

#un, #mega ga, #memi memi, #mega ga (za #mega), p #ripen, ` #min; #una,

#me:ŕ je, #me:ŕ ji, #mo:ú jo (za #mo:ú) pri #me:ŕ, ` #mo:ú;

#óvi/ #óve, #óvix je, #óvin min, #óve je (za #óve), pri #óvix, z #óvimi;

#óvid #va:/ #óvid #ve:ŕ/ #óvid #va:, #óvixd #ve:ŕx je, #óvimad #vema jin, #óvid

#va: je, pri #óvixd #ve:ŕx, z #óvimad #vema.

V mest. ed. in mn. se naglas umakne na predlog *pri*. Povratni osebni zaimek ima naslednjo sklanjatev: #sebe se, #sebi si, #sebe se, pri #sebi, s #sé:bo.

Vpražalna zaimka *g* #do:ú/ #ké:ri in #káj opravljata tudi vlogo oziralnih zaimkov. Poljubnostna zaimka sta #ké:ri #kdo # in #káj, vlogo nedolo~nega zaimka pa poleg #néke opravljata tudi posamostaljena pridevni{ka zaimka #ne:ŕkini, redkeje nek #té:ri. Nikalna zaimka sta #ni{e, #ni~, celostna *f* #sa:ki/ #sa:ki in *f* #se, drugostna *d* #rü:ŕgi, *d* #rü:ŕgo, mnogostna pa #dósti #ké:ri, #málo #ké:ri.

1.4.2 Pridevniška beseda

1.4.2.1 Pridevnik

Pri pridevniku prevladuje dolo~na oblika tudi za nedolo~nost. Kategorija dolo~nosti se lahko izra`a s ~lenom *ti/ta*, ki se ne sklanja: *ti/ta sta #ré:j{a, ti/ta #za:dni*. Sklanjatev pridevnika je kot v knji`nem jeziku. Sklanjatev za mo{ki spol: #dóbr -i -ega -en/-emi -ega/ -i -en -in; -i -ix -in -e -ix -imi; -a -ix -ima -a -ix -ima. Za srednji spol je posebna oblika le v im. in to`. ed., druge kon~nice so enake kot v m. sklanjatvi. Sklonske kon~nice za vse tri spole sovpadajo tudi v dv. in mn., le v im. mn. in im. ter to`. dv. se sklanjatev pridevnikov ` sp. razlikuje od sklanjatve pridevnikov m. in s. sp.

Pridevniki se stopnjujejo z "bolj": #máli #ból #máli #náj #ból #máli ali z obrazili: #dóbra #bó:j{a #náj #bó:j{a; #véka #vék{a #náj #vék{a.

1.4.2.2 Pridevniški zaimki

Svojilni zaimki: #mój, #mója, #mójo, *t* #vój, *t* #vója, *t* #vójo, #megof/ #mengof, #mé:ni, #ná{, #vá{, #mixof ter povratni svojilni zaimek *s* #vój se sklanjajo po pridevni{ki sklanjatvi. D ruge oblike so {e: #móji, #móje; #mójid #va:, #mójid #ve:ŕ; od #óvix #njihov #, od #na:ji, od #va:ji, od #óvixd #ve:ŕx #njun #.

Kazalni vrstni zaimki so #tóti -a -o, #ti:sti -a -o, #óvi -a -o, kazalni kakovostni pa #táki -a -o. Kazalni koli~inski zaimek ni znan, pa~ pa poznajo koli~inski

prislov #t/lko. Oziralni zaimek je #ké:ri, vpra{alna #káki -a -o in #ké:ri -a -o. Poljubnostni in oziralnopoljubnostni zaimki so po obliki enaki vpra{alnim zaimkom, mnogostni zaimek je #dósti/ #málo #ké:ri -a -o, drugostni d #rü:gi -a -o, nedolo~ni pa #néki/ #nék{i -a -o. Celostni zaimki so f #sa:ki -a -o, #ce:¶li -a -o in o #ba:.

1.4.2.3 Števniki

Glavni {tevniki: #eden/ #en, #ena, #eno; d #va:/d #ve:¶, d #ve:¶x, d #vema, d #va:, pri d #ve:¶x, z d #vema; tri #jé:/t #ri:, { #tiri, #pé:t, de #sé:t, d #va:jsti, #end #va:jsti, t #résti, d #va:no #ósÑ de #sé:t, s #to:ú, #ta:úÑt. Sklanjatev glavnih {tevnikov ima pridevni{ke kon~nice. Vrstilni {tevniki: ti/ta #p@vi -a -o, ti/ta d #rü:gi -a -o, t #ré:tji, { #t@ti, #peti, d #va:jsti, s #to:úti. Lo~ilni in mno`ilni {tevniki so redki. Samomno`inski samostalniki se {tejejo z glavnimi {tevniki: #ene d #veri.

1.4.3 Glagol

Glagol ni do`ivel velikih sprememb. S knji`nim jezikom se razhaja v predpretekliku, ki se ne uporablja. Dele`ij na ~, -aje, -e in -{ v le{anskem govoru ni. Dele`nik stanja na -l in dele`nik na -{i nista znana, dele`nik na ~ pa je redek (obi~ajno postane pridevnik): no #sé:~a #`enska, ` #gé:~a #vóda. Spregatev glagola se od knji`ne razlikuje le v 1. os. dv.: #délan -{ -a; -ma -ta -ta; -mo -te -jo. Enako se spregajo: #dán, #ve:¶n, #je:¶n; sen/sÑ si je, sma sta sta, smo ste so. Glagolom s korenem na ~ se dodaja nedolo~ni{ko obrazilo -ti (#gór ob #le:¶~ti, #ku~ti). Glagoli VI in V/I prehajajo med glagole V/2: #dávlen, ki #pü:vlen, pla #~ü:vlen. Glagoli s korenem na -k, -g: #ku~te, #pe~i. V dv. in mn. obliki dele`nika na -l za s. sp. se je posplo{ila mo{ka oblika: g #nála; g #náli, po #té:gÑla; po #té:gÑli, dvojniska oblika dele`nika na -l za ` sp. pa je enaka mno`inski obliki: ki #pü:vale; ki #pü:vale, no #sile; no #sile.

1.4.4 Prislov

Prostorski: #cój, #dále, #dáú~, #dój/ #dól, do #ma:, f #páci, f #{umi, f #Segofcax, g #dá#/ #dá, #gé:j in #gi #kje #, #gór, #góri, je #sé:ni, k #me{i, k #ráj, na #do:úm, na #za:j, #nigi #nikjer #, #ni:kan, #nór, #nórta, #nó:t®, o #ko:úli, #po:úlek, #po:úno #~i:, p #re:¶di, p #re:¶k, s #po:út, #sin #sem #, s #pór, #tá, #tán, #tü, ve #~er, #vün, #vüni, #vünta, #zádi.

^asovni: #~a:si #v~asih in takoj #, e #no:úk/ed #no:úk, f #~era, g #nes, na #pámetvo, #náx, #nájp #ré:j, #négda, ni #kó:l, op #petix, po #léti, po #zimi, p #re:¶t, pri #ca:jti, s #ko:ús, v #zimi, #vütroma, #záj, z #mé:ron, #te.

Vzro~ni: #té:ga #vólo, zana #lá{, za #to:ú.

Lastnostni: #~i:sto, #dóbro, #dósti, #dóstik #rát, f #küp, g #la:sno, #xujdo, #kák, #lü:~{no, #lexko, #lépo, #málo, nafsk #ri}, #nem{ki, #pár, po #~a:si, po #dó:~, po #málen, (s) #~i:sta, sk #ri`on, #ták, #te{ko, #t|lko, #ve~.

Brez -j so: f #~era, g #dá/ #dá, #négda.

Stopnjujejo se opisno ali z obrazili: #lü{no, #ból #lü{no, #náj #ból #lü{no; ##dugo, #du`e, #náj #du`e.

Nem{ki vpliv: #cój #dévali, #cój o #be:~{eno, #cój v #le:~{a; #dój ot #ce:~{da, #dój #pucati, #dój pok #lá~ti; f #küp po #me:~{sli, f #küp pok #lá~li; #gór pri #jéla, #gór #vésli; #nór za #bijali; #vün #réza, #vün s #tisnilo, #vün s #to:úpa.

1.4.5 Predlog, ~lenek, veznik in medmet so kot v knji`nem jeziku. Posplo{ene in stalne so le velelnice za velevanje `ivalim, za pozdrave ipd.: #xóp, s #tü:ja, #jé:j, #dü:je; #bo:úk #da:j, #dóber #dé:n, #lexko #no:ú~, z #bo:úgon; p #rósín.

2 Govor v Apačah in Lutvercih¹⁷

Po Weinreichu sta dva ali ve~ jezikov v kontaktu, ko jih izmeni~no uporablja ista oseba; ta je tako tudi mesto stika.¹⁸ Do jezikovnega stika in potrebe po razumevanju ter obvladovanju dveh jezikov lahko prihaja znotraj enega samega jezika (pri enem samem govorcu, ki obvlada ve~ zvrsti, ali med socialnimi skupinami); dvojezi~nost se za~enja ob stiku razli~nih jezikov.¹⁹ Pridemo lahko do spoznanja, da je ve~ina govorcev ve~jezi~nih, to pomeni, da obvlada ve~ jezikovnih sistemov, ki lahko pripadajo istemu diasistemu (npr. obvladovanje krajevnega govora A₁ in knji`nega jezika A) ali razli~nih diasistemov (npr. obvladovanje krajevnega govora A₁, knji`nega jezika A in knji`nega jezika B).²⁰ Jezik posameznika (idiolekt) se namre~ pod vplivom starosti, {olske izobrazbe in okolja (posameznik preide iz prvega jezika /jezik primarne socializacije/ v jezik druge socializacije) nenehno spreminja. Pojav ve~jezi~nosti spremljajo interference. Po Weinreichu²¹ je interferenca vsak odklon od norme enega ali drugega jezikovnega sistema v govoru ve~jezi~nega govorca, ki se pojavlja kot posledica njegove doma~nosti z drugim jezikovnim sistemom. Do interferenc prihaja na glasoslovni, oblikoslovni in skladenjski ravnini ter v leksiki, pogoj zanje pa so razlike v jezikovnih sistemih, ki prihajajo v stik.

Pri informatorjih, avtohtonih Apa~ancih, sem sku{ala ugotoviti medsebojni vpliv (interference) med slovenskogori{kim nare~jem, knji`nim in nem{kim, tj.

¹⁷ Glasoslovni in oblikoslovni sestav je kot v lešanskem govoru. Poglavitni predmet raziskave so govorne interference.

¹⁸ U. Weinreich, Sprachen in Kontakt. München: Beck, 1977.

¹⁹ B. Pogorelec (1984: 67).

²⁰ Ž. Gruden (1976: 72).

²¹ Glej op. 17.

njihovim maternim jezikom. Nem{~ina je njihov primarni jezik, slovenskega knji`nega jezika so se ve~inoma nau~ili v {oli, slovenskogori{ko nare~je pa je jezik okolja, v katerem `ivijo. Pri razvrstitvi interferenc²² sem se zgledovala po {tudiji U. Weinreicha *Jeziki v stiku*.

2.1 Interference na glasoslovni ravni

2.1.1 Interference iz knji`nega jezika v nare~je

1. Monoftongizacija diftongov e:ʃ in o:ú: #bé:le, #lé:t/ #le:ʃt (rod. mn.), #mé:la #imela #, #mé:sca/ #me:ʃsca (rod. ed.), #mé:sli/ #me:ʃsli, #né:/ #ne:ʃ, ob #lé:ke/ob #le:ʃke, od #ré:ske/ od #re:ʃske, #pé:li/ #pe:ʃli, p #ré:k/p #re:ʃk, #ré:~/ #re:ʃ~, #ré:f~ina, #ré:s/ #re:ʃs, s #né:k/s #ne:ʃk, s #ré:dna, v #lé:tax, #vé:n/ #ve:ʃn, v #mé:s/v #me:ʃs; bi #ló:/bi #lo:ú, bla #gó:, ce #ló:, #dó:ma (rod. ed.), g #dó:, gos #pó:t/gos #po:út, #kó:s, me #só:/me #so:ú, #mó:ka, #mó:{, #nó:~, ok #ró:gla, #pó:lek, po #mó:~, s #kó:s, so #ró:dnikom, #ó:la/ #o:úla, tes #tó:, #tó:/ #to:ú, v #dó:vec/v #do:úvec, #vó:gla, za #tó:/za #to:ú, ze #ló:;

2. Izguba zaokro`enosti pri samoglasniku u: d #ru:gi/d #rü:gi, #xudo, #juxo, klo #buk, k #rux/k #rüx, #kuxo, #kupo/ #küpo, #nuna/ #nüna, po #nudili, #pusto, s #kup, #suxa/ #süxa, #tu/ #tü, #tu:di/ #tü:di, #vun/ #vün, z #budo, #zunaj, #`u:pnik;

3. Pojav knji`nega (ob nare~nem) refleksa za |%, |A, Š,, in prednaglasni u: #da:n/ #dé:n, #sa:bo/ #sé:bo, z #ma:no/ #mé:no, #va:s/ #vé:s; #la:xko/ #lexko, #ma:{a/ #me{a; #do:úgo/ #dugo, po ne #do:ú`nem, #po:ún/ #pun; pus #ti:li/pis #ti:li, zgu #bila/zgi #bila;

4. Izguba zaokro`enosti pri kratkem a: b #lato, b #rada, #~akati, klo #base, ko #la~, le #`ali, #mati, #malo, #naglo, os #tati, pe #lali, p #lavo, s #kakali, s #pala, #taki, t #ravnik, #vaga, #vana, z #raslo, z #vala; b #rat, #jas, m #ras, #tam, #zaj;

5. Ohranjene so skupine lj, nj, {~ in kon~ni m: #dalje, ljud #jé:, pel #jali, ve #selje; #kónja, n #jiva, s #vi:nja/s #vi:ma zas #li:{anje; dvo #ri{~e, #ni{~e, pokopa #li{~e, z #ra:{~eno, `up #ni{~e; #délam, k #ravam, #nam, #nósim, #tam, z b #ratom, z #na{im.

2.1.2 Interference iz nemškega jezika v nare~je

Zvene~i soglasniki b, d, g, ` , z in v izgubijo zven: op #le:ʃke, o #p@na, ot p #ráta, pe #se:ʃde, pompa #di:rali, #punkar; po #to:ú~, #tále, #ta:ú, to #má~i, #tósti, t@{av #la:nstva, t #rü:go, t@ #`áti; kos #ti:lri, k #ráx, k #ré:, k #ré:mo; #le{a, s #lü{a, s #m@{ene, #{enske, #{ito, {i #véli, { #lert; #m@slo, #pósni, pri #jásni, ras #la:gati, #rásret, sa #dósta, sad #ru:~ni, #sáj, sas #li{ali, #semlevit, #sidali, #sima, s #me:ʃs, s #na:la.

²² Te so pri nekaterih informatorjih bolj, pri drugih pa manj opazne.

2.2 Interference na oblikoslovno-skladenjski ravnini

2.2.1 Pranos skladenjskih razmerij

V slovenski jezik se prena{ata zlasti nem{ki besedni red in vezava.

2.2.1.1 Besedni red

Glagol je pogosto na koncu povedi tako kot v nem{ini: ... #jas #lexko ci #ga:ro ka #din. ... sen si #cuk® na #basala #nó:t®. #Déklice pa v samos #ta:nu so se o #~i:le. ... pa #take k #ro:úpÑce smo #méli. ... pet #najs #o:úkÑ je #xi{a #me:¶la . #Te pa je #ó~a v #A:ústriji #bi:ja. ... je #mógo #tü p #re:¶k #iti. ... #te p® k #meti #vüni #déla. K #ráve sen na Plit #vici #me:¶la. ... so #móje f#se pok #ráli, #te sen #ni~ #ve~ #ne:¶ #me:¶la. #Te sen #náx pres #co:út p #re:¶k p #ri{la. S #m®{eno #répo so me sd #rávli. D #va:jstega #léta je krale #vina p #ri{la. #Un je pa #pi:re #ne:¶ #do:úba. P #ré:j so #lü:di #fé:jst k #me{fi { #li. ... #ki:ndro #tako #mó~no so #méli.

2.2.1.2 Glagolska rekcija

Najpogostej{a je napa~na vezava s to`ilnikom namesto z rodilnikom: ... #mi: #ré:f~ino #ne:¶smo #~u:tli. ... #ne:¶sen x #te:¶la #móje s #ta:r{e pa, pa, b #rata ... pis #titi. #Ne:¶so #méli obla #~ila. #Ró:~no #délo smo se naf #~ile. ...pa #nemajo #ó~o pa #ne:¶ #máter. ... #ne:¶ #móga #tóti #remen no #siti. ... je par klo #bü{Ñce #do:úba. #Ni~ #ne:¶ s #ne:¶k bi #lo:ú. ... s #na:la {e ot #fo:úlo. ... #ne:¶ #me:¶la ot #ro:úke. ... pa f#si z #eno sk #lédo #jéli. P #rávo #ka:vo smo #ne:¶ #póznali.

Napa~na vezava z imenovalnikom namesto z dajalnikom: ... pa so me { #párxet #cój #da:li. #Jás sen F #ra:nci #ne:¶ #móglá #re~ti ... Sen F #ra:nci #vüsta #cój d® #ála.

Napa~na vezava z imenovalnikom namesto s to`ilnikom: ... pa #ena #~erka #ma:. ... sen #móglá k # ráva #fé:jst #fo:útrati. Sen #xi:tro F #ra:nci sg #ra:bla ...

Napa~na vezava z imenovalnikom namesto z mestnikom: #bi:la pri #mója { #vé:gerca. ... ka #ne:¶ v #lágar #bi:ja. ... pri gos #po:út [#ta:jntli so bi #li. “ #Jas sen {e #bi:ja #Jugos #la:vija,” je #reka. Je #bi:ja #náx v lasa #ré:t. ... s pe #cikř g #léda, ka ...

2.2.2 Spreminjanje slovnične lastnosti besede oz. širjenje njene skladenjske

vloge po vzor~nem jeziku

Pod vplivom nem{ine je nekaterim besedam spremenjen spol: ... so #tóto #mo:úst #sidali. ... #te #náx p #ri{fo #to:ú se #li:tef.

Nem{ki vpliv se ka`e tudi v rabi osebne zaimka tam, kjer bi v sloven{~ini zaradi stilne zaznamovanosti pri~akovali ni~ti osebni zaimek: *G #da smo #mi: b #li is #sé:ljeni ... #Mi: ot #róci smo b #li ... #Mi: smo `e #méli k #rave ... #Mi: smo se pre`i #véli #sami*, v rabi svojilnega zaimka namesto povratnega svojilnega: ... *#lexko g #ré: s #mójo go #vórnost. #Jás sen s #mójo go #vórnost { #la*, v rabi nedolo~nega ~lena: ... *smo #méli eno #táko po #sé:stvo. ... pri eni gos #ti:lmi smo bi #li. ... pa ene #táke po #gá~e smo #pekli. ... sen p #ri{la k eni kme #ti:ji ... Ja enix #pé:t, #é:st d #ni: ... je #méja eno s #taro #u:ro ... ter pogosti rabi trpnika: ... #te #un #jé:ti #bi:ja. ... mi je #re~eno bi #lo:ú ... F #se je b #ló: zap #lé:njeno. ... je b #ló: #ti:stok #rat `e od #zé:to. ... je b #ló: z n #jim z #gu~ano. ##Un je #bi:ú #tak spofto #vani. ... d #rü:go zap #lé:úeno bi #lo:ú f #se. F #ri{ni k #rux se #pe~e. Opu{~ata se morfem se pri povratnih glagolih: #Jás sen #dósta se #li:la po s #ve:ti ... pa sen #tán #dóli poro #~ila ... #Te sen d® #go:ú~ na #záj do #mo:ú #pelala. ... ~e mi #káj sgo #di in morfem si: Sen #misla:“ #Káj ~e me #nedo ... #Sa:mo #to:ú #re:ite k #rüx!, redkeje tudi nikalnica: #Sa:mo #méli so pa #ni~.*

Interference iz slovenskega knji`nega jezika v nare~je: knji`na kon~nica -u/(-o) v daj. in mest. ed. m. sp.: *f #kótlo, k m #li:no/m #li:ni, #na{emo st #rico; f k #lo:ú{tru, na #Du:najo, na m #li:nu, na po #tóku, pri #Pó:cingaru, v g #ra:do, v #ko:úto, v #Lurdu.*

2.3 Besedne interference

Na ravni besedi{~a se vpliv nem{~ine ka`e v:

- neposrednem prenosu tuje besede, kjer so zlasti opazne izposojenke: *#cuk®, fa #milja, g #vant, #ki:{te, k #ló:{ter, ko{ #talo, #kü:n{tmo, #ma:ntrati, #nucala, #pa:úza, #puter, spa #kiro, #infati, #u:pa, { #paravec, { #pilati, {t #rik, {t #rikati, #talala, #ta:ú`Ñt, z #rixta, #akli, ` #nü:ra in popa~enke: #ajn #tóp, #aus #gus, b #rift #ró:gar, #fa:jna, #firtř, #jé:nar, #pé:gla, pe{ #té:k, p #ré:nali, #pucati, #rajt #pu{, #ra:úfank, #ru{t, { #mu:glati, { #rita, { #tánfali, { #tuntnarji, #u:xi, #tánf® #danfar #, #vajncar*, nekaj pa je slovni~nih besed (~lenki, vezniki), ki imajo povezovalno ali ~ustveno vlogo: ... *ja, freilich, #to:ú smo ... #náx pa do #mo:ú, entweder ~e smo #ne:ite ...;*

- reprodukciji zlo`enke ali besedne zveze; kalki so mo~no preplavili govornico: *#Kak si #te #ti: na #tó: p #ri:{la? ... bi ja sk® #bi: #méli za #mene. ... #vé:dno je b #ló: de #narja. ... #~üjemo od #Ma:jndla. ... #to:ú ste #vi: #ne:ite #~utli ot #re:ite~ine #ni~. #Dósta smo s #ko:úzi #da:li. ... je p #ri{fo kot v #do:úvec. ... #tü:j #ce:ite #me:ite s #ko:úzi p #ri{a. ... so se #mógli iz #mixove #vere #vün #zéti. ... #sa:mo t #ri: s #me:ite { prig #nati. ...smo #méli za za` #nü:rati. ... #mój b #rat je #bi:ja za x #lapca. ... #sa:mo #to:ú #kó{ta #pe:ites. ... #neman #káj po #védati. #Jás sen #ne:ite #me:ite la st #ra:x. ... pa #ne:ite bi #lo:ú za #küpiti. ... ~ #lóvek je st #ra:xi `i #véja. ... sen ga #ne:ite*

#póznala #ve~ pri g #la:si. ... kot fa #vó:ltar je #bi:ú. ... si #ti: b #la za #kü:arco ...; #dól post #re:řlin, #dój sb #risala, #dól zam #lélo, #dól zgo #rélo, f #küp v #dárli, #gór #lépiti, #gór o #be:řsli, #gór ob #le:řkli, #gór ot #p@la, #gór #pisano, #gór #rásli, #gór #réza, #gór zdi #gáva, k #ráj #t@kali, k #ráj #zé:li, #nó:t@ v #me:ř{a, #vün #kópala, #vün #küxali, #vün po #véda, #vün se #li:t, #vün s #to:úpla, #vün #tepli, #vün zra #~una.

V govoru avtohtonih Apa~ancev lahko naletimo tudi na kodno preklapljanje (iz sloven{~ine v nem{~ino): ... no, #kak se #ta: #linja `e #re~e, *Demokrationslinie. Auf ein Kaffee und Kuchen. Kinder kommen auf ein Kaffee und Kuchen.* #Póťř pa so #méli #ti:sto, ka so z #birali, *Winterhilfswerk*, #né:. *Winterhilfswerk je #tó: b #ló:, ja. Tó: je #ón Prozentrechnung, na #pamet. #Mi: smo #tü:j, die Klasse müssen wir aufräumen, se #vé:da, #vé:dno sta b #le d #ve:ř #to:ú smo se lo #vi:li:* " *Ini, ani, u, draussen bist du.*" ... pa #un {e #vida, #tü #en #a:úto sto #ji. ... muss sein je bi #lo:ú. ... je muss, je #mógo po #kázati. ... #tóti g #ra:t je #bi:ú, #tóti Jugend.

Interference iz slovenskega knji`nega jezika v nare~je so redkej{e. Poleg nare~nih se uporabljajo tudi slovenski knji`ni izrazi: *be #sé:da/ #re:ř~, #da:n/ #dé:n, #da:nes/ g #nes, govo #ri:li/ #gu~ali, #ka:va/ka #fé:, #laxko/ #lexko, #mó:ka/ #mela, pro #da:li/ o #dali, #punca/ dik #lina, #sa:bo/ #sé:bo, #usnje/ #léder, #va:s/ #vé:s.*

POVZETEK

Raziskava o jezikovnih razmerah v govorih v Apa{ki kotlini zajema podro~je ob severni dr`avni meji z Avstrijo, in to od Gornje Radgone do Cmureka, kjer {e `ivijo ostanki pred stoletji naseljenih Nemcev. Govore v Apa{ki kotlini uvr{~amo k vzhodnemu slovenskogori{kemu nare~ju, {ir{e pa k panonski nare~ni skupini. Zna~ilna zanje sta izguba tonemskih nasprotij in ohranjeno kolikostno nasprotje med starimi dolgimi cirkumflektiranimi in akutiranimi samoglasniki.

Sistem dolgih nagla{enih samoglasnikov le{anskega govora sestavljajo *i:, ü:, u:, é:, ó:, e:ř, o:ú, a:* in @, sistem kratkih nagla{enih samoglasnikov pa *i, ü, u, é, ó, e, á* in @. Soglasni{ki sestav obsega zvo~nike *l, r, m, n, j, µ, v* (*f* in *ú*) ter nezvo~nike *p, t, k, s, ř, b, d, g, z, ` , ~, f, c, x*. Od knji`nega sestava se razlikuje le v posameznih razvojih: *l # > l, -ř > -ú/ -ja* v nagla{enem zlogu, sicer *-a; -m > -n; n # > n/µ; v* je `vž, pred nezvene~im nezvo~nikom in na koncu besede je */ř/*; skupini *~rL-* in *`rL-*; rinezem; *dn > gn; tl, dl > kl, gl; {~ > {.*

Samostalniki s. sp. lahko ohranjajo svoj spol in sklanjatev le v ednini, saj se v dvojini in množini femininizirajo ali maskulinizirajo. Pri ne{tevnih je s. sp. ohranjen. Daj. in mest. ed. m. sp. imata kon~nico *-i*, daj. in or. dv. za vse spole kon~nico *-oma*, mest. in or. mn. za vse spole pa kon~nico *-ax* oz. *-ami*. Pri pridevniku prevladuje dolo~na oblika tudi za nedolo~nost. Predpreteklika in dele`ij nare~je ne pozna. V 1. os. dv. *-ma*; nekdam brezpriponski glagoli so priponski.

Glasoslovni in oblikoslovni sestav govora v Apa~ah in Lutvercih sta kot v Le{anah. Pri avtohtonih Apa~ancih prihaja do interferenc na glasoslovni (monoftongizacija diftongov, izguba zaokro`enosti pri *u* in *a*, ohranjanje *lj*, *nj*, {~ in *-m*, izguba zvena pri zvene~ih soglasnikih), oblikoslovni in skladijski ravnini (besedni red, glagolska rekcija, raba nedolo~nega ~lena in trpnika) ter v besedju (izposojenke, popa~enke in kalki) med slovenskogori{kim nare~jem, ki je jezik okolja, v katerem `ivijo, slovenskim knji`nim jezikom, ki so se ga ve~inoma nau~ili v {oli, in nem{kim, tj. njihovim maternim, primarnim jezikom.

NAVEDENKE

1. **Bogo GRAFENAUER**, 1964, 1965: *Zgodovina slovenskega naroda I, II*. Ljubljana: DZS.
2. **@iva GRUDEN**, 1976: Prispevek k spoznavanju jezikovne situacije tr`a{kih Slovencev. *JiS*, {t. 3.
3. **Matija LJUB[A**, 1925: Zemljepisni razvoj `upnij v pra`upnijah Ptuj, Velika Nedelja in Radgona. *^ZN*, XX. 7.
4. **Aleksander MELIK**, 1957: *[tajerska s Prekmurjem in Me`i{ko dolino*. Ljubljana: SM.
5. **Ludvik OLAS**, 1963: Migracije Prekmurcev v {tajerski del Pomurja. *Geografski vestnik XXXV*. 15-33.
6. **Breda POGORELEC**, 1984: K vpra{anju bilingvizma in diglosije iz slovenske izku{nje. V: *Dvojezi~nost - individualne in dru`bene razse`nosti*. Ljubljana.
7. **Fran RAMOV[**, 1924: *HG II. Konzonantizem*. Ljubljana: U~iteljska tiskarna.
8. **Ve~er**, 1996: Apa{k kotlina - obljubljena de`ela. *Ve~er* LII/66. 10.

LITERATURA

1. **Mirko KRI@MAN:** *Jezik kot socialni in nacionalni pojav.* Maribor: Pedago{ka fakulteta, 1989.

2. **Fran RAMOV[:** *HG VII. Dialekti.* Ljubljana: U~iteljska tiskarna, 1935.

3. **Jo`e TOPORI[I^:** *Obliko(slo)vna obremenitev slovenskih zvo~nikov. Zbornik razprav iz slovanskega jezikoslovja. Tinetu Logarju ob sedemdesetletnici.* Ljubljana: SAZU, 1989.

4. - - : *Slovenska slovnica.* Maribor: Zalo`ba Obzorja, 1984.

5. **Uriel WEINREICH:** *Sprachen in Kontakt.* M~nchen: Beck, 1977.

6. **Zinka ZORKO:** *Dalj{anje akuta v severovzhodnih slovenskih nare~jih. Slavisti{na revija XLI/1 (1993). 193-207.*

Miklós Mezősi

„DIVINE JUDGEMENT” IN ALEXANDER PUSHKIN’S
BORIS GODUNOV

❄ THE FIRST half of this title, put between quotation marks, is uttered by the young monk, Grigory, in the concluding line of the scene in the cell of the Chudov monastery in Pushkin’s historical tragedy:

Boris, Boris! Everything trembles before you.
No one will dare even to mention
The fate of the poor child..
And in the meantime a recluse in a dark cell
Is writing a terrible denunciation of you right here,
And you will not escape the judgement of people,
Just as you will not escape *divine judgement!*¹
(italics mine: M.M.)

As it will become clear in the course of the drama (and can be conjectured as early as in the monastery-scene), the „people’s judge” of Boris Godunov will be this young monk.

We are, however, primarily interested in the nature of this *divine judgement*, i.e. in the path which Boris covers between his coronation and his death. Boris Godunov steps onto this path in the beginning of the play. After the coronation, in the Kremlin-palace follows Boris’s vow in which the poet gives a delicate and precise hint at the sin which the Tsar has on his conscience.² We learn from Boris’s monologue in the scene at the palace that something is weighing on his mind („But there is no happiness for my soul.”). What this is is revealed by the end of the monologue; for him who attentively follows the play it becomes evident that the allusions hidden in poetical images all refer to the source of Boris’s guilty conscience: the murder of the Tsarevich Dimitry. These allusions are important for us not mainly because we *learn* something by them since they convey no new *information*. So far we have already been informed of the child-murder, of Boris Godunov’s part in it, and how the truth about the crime had been suppressed, from two sources (Shuisky in the first scene of the play and

¹ The English translation of the passages quoted from *Boris Godunov* is mine.

² For the interpretation of the tsar’s vow, see my article *The Boris Godunov-problem*, *Studia Slavica Savariensia*, 1994/2.

Pimen's narrative in the monastery). What is said in this monologue is important from a different point of view. The function of this particular monologue is to turn the attention of the recipient to Boris's guilty conscience and to serve as a poetical means to express that truth which is a crucial point in *Boris Godunov*—as well as, as Béla Hamvas realized it, in quite a number of works of art: „How convenient it would be if you could knock down somebody, take his money and make a career for yourself. What would happen if I could kill for my career? Macbeth and Richard III had tried; it has been about the same with them as with Raskolnikov.”³ And let us add: as with Boris Godunov.

The way Boris begins his monologue and the way his state of mind gradually develops in the course of this monologue appears to show exactly what the drift of the passage cited from Béla Hamvas is: a man cannot base his existence upon killing or ruining another man with impunity or without any consequences. Especially not if the man in question is the sovereign; the situation is even more serious because the human being killed was a child and he *would be* the legitimate sovereign—if he were alive. Pushkin has chosen the action of his drama so that the basic situation, i.e. the „career” built upon a murder, is much graver in his work than if „only” an „everyday” murder were concerned, committed by an everyday man. The second and longest part of the monologue manifests that in this situation „making a career”, which in the case of Boris Godunov amounts to reigning, has become entirely impossible. The remorse that has so far been suppressed in his conscience destroys as a plague his heart and ruins everything that is around him or is linked with him: his private life as well as his power, the faith in his statesmanlike probity as well as the peace of his nation.

It is worthy of note that the poet has placed this monologue in the first half of the drama (of the 23 scenes this is the seventh): thus it ends the first third of the play. This monologue shows the first signs of Boris's downfall which is, however, not without antecedents: from the Tsar's vow (in the scene at the Kremlin-palace) we could learn that something heavy lies on his heart.

It deserves attention to note that whenever Boris appears on the stage and begins to speak, it looks as if he were carrying some heavy burden on his heart. It is usually irrespective of *what* he says; we have this impression so much the more due to *how* he speaks. As though he were rolling crushing weights ahead (like Sisyphus, his fellow-sufferer, that certain cliff in the nether world); this is marked by the „heavy” phrases that relatively so frequently occur in his vow („I undertake *great* power with *fear* and humility”, „how *difficult* is my task!”, etc.).

³ Béla Hamvas, *Patmos III* [Patmosz III], p. 129. Budapest, 1992.

One of the principal functions of this passage, garnished with these weighty phrases, is to prepare the recipient what to expect of Boris Godunov and the play. Notably, that he is meeting a personality of no everyday stature who finds himself in no everyday situation. This weighty character is facing a bitterly struggle; since he had committed his horrible crime, he is in such a position in which there is a very limited scope for him to act and, as we will see, he will not be able to escape from this position *alive*.

By the time we have reached the end of the first third of the play, we have the dramatic situation in embryo before us⁴ and the main motif is also about to unravel. We have witnessed the dialogue between Shuisky and Vorotinsky, and Pimen has related his Uglich story; we have followed Boris's monologue which artistically consummates the two former elements: of what up to this point we have only had *factual* information, the poet has placed with this monologue in the substance of the *tragedy*.

The next time we meet Boris Godunov on the stage is the scene at the Tsar's palace. From the point of view of the plot this one is a key scene because in it does he come to hear of the pretender emerging, i.e. of the external danger that threatens his rule. The internal disaster which, as we will see, endangers the Tsar in his very existence, is alluded to by Boris's „slips of the tongue” right at the beginning of this scene, spoken by him to his son Feodor and his daughter Xenia:

Maybe I have *angered* the Heavens,
I wasn't able to manage your happiness.
(italics mine: M.M.)

(At the beginning of the scene Xenia is wailing for her fiancé who died unexpectedly and of whose death „the unhappy father” is „accused by the deceitful rumour”.) It may strike an attentive recipient that this *chance* remark of Boris is not at all spoken by chance: it shows that the Heavens may have been *angered* on account of something. What it is we may well know from Shuisky's dialogue with Vorotinsky as well as from Pimen's Uglich narrative but above all from Boris's monologue a significant part of which dwells on the various misfortunes that befell the Tsar (including the loss of his daughter's fiancé).

⁴ *In embryo* because at this stage of the drama we may yet only suspect the conflict between Boris and Grishka from the latter's words (presumably spoken in a whisper) at the end of the scene in the cell. However, the situation (the logic of the events) is all the more obvious since in the scene that immediately follows we learn that Grishka has defrocked himself and that he is "going to be tsar in Moscow".

Boris's tongue slip is at the same time an allusion to that passage in the scene at the Chudov monastery when Pimen thus explains why Russia will never have such a Tsar as Ivan the Terrible's son, Feodor was:

We have *angered* God, we have been sinful:

By appointing as our ruler a regicide.

(italics mine: M.M.)

Boris addresses another „slip” of his tongue to his son as the latter is studying a self-made map of Russia:⁵

One day, perhaps *not too far off*,

All the provinces which you have now

So smartly put on paper

Will be under your rule. (italics mine: M.M.)

Boris's words have an astonishing effect because this motif—viz. that power is *soon* going to pass to the offspring of the sovereign—will recur in the scene of the tsar's death („now you will begin your reign”). A question arises at this point: why does the tsar say to his son, in this very situation, that he is going to be the monarch—*not too far off*? Maybe Boris Godunov is guessing his own fall that is coming to pass soon? Or he may happen to be in possession of such information as we, recipients of the play, do not? I believe we must search elsewhere for the answer. The point here is not that Pushkin attributes such a knowledge to his hero (a sort of an ability to foresee the future) which, on the one hand, would puzzle the recipient and, on the other, would endow this scene with a mystical character. No, this „slip of the tongue”—just as the one addressed to Xenia—has a much more „prosaic” function, if I may use this word here (in fact, of course, this function is not at all „prosaic” but rather *poetical*). These two chance remarks of Boris have a *compositional* function: their task is to introduce into the scene the theme of Boris's sin and hereby to keep it constantly alive. It is noteworthy that a kind of symmetry can be observed in the choice and the arrangement of the two remarks: one of them alludes to the murky past, while the other is pointing into the vague future—with a trembling hand. Godunov addresses each of these remarks to one of his children, and in all probability it is not a matter of mere chance which one is said to whom. Boris

⁵ Karamzin in his *History of the Russian State* makes mention of the map of Russia which Feodor, the Tsarevich drew with his own hand and which was later published by a certain "German called Herard" under the name of the Tsarevich in 1614.

directs his remark, reminding of his guilty past that evokes the anger of heaven, to that Xenia whose betrothed has been carried away by death. We can now see how the two *dark* motifs are interlinked: the murder in the tsar's past on the one hand and the great misfortune (also a death) that befell his beloved daughter on the other (this latter the sovereign to a certain extent takes on himself).⁶ With this the two motifs become even more firmly interlinked. Boris addresses his remark, referring to the future, to his son because he is going to *succeed* him; it will become clear by the end of the play how ephemeral that reign will be—and how fatal for the young monarch.⁷

The monologue which ends this scene appears to „behave” as a mirror to Boris's mood: it is built up in such a way that its composition in itself indicates the tsar's state of mind. The first three lines contain the physiological description of this state of mind:

Phew! I feel terrible!... Let me catch my breath...
I felt my blood rush to my face—
And then it slowly faded...

The rest of this short monologue, as regards its structure, reveals the psychological process indicated in these three lines. The monologue makes it palpable how Boris „catches his breath”, after his „blood rushed to his face” on hearing the news about the Pretender. In the second part of the monologue we can find the equivalents of the individual elements of the description in the first three lines. Thus the sentence „I felt my blood rush to my face” is picked up a few lines below by the following one and a half lines: „But who is he, my terrible enemy? / Who is against me?”. If we consider the mood of these two questions, they both recall the image of „blood rushing to [Godunov's] face”. We may feel the sigh of relief in the last line of this monologue („Ah, heavy art thou, cap of Monomach!”). It is an exact mirror of the first line: both lines start with *heaviness*, *gravity*⁸ and end with relief. The last line, however, gets this meaning only in the light of the foregoing: this is the function of the line „blow at this phantom—and it no more exists” which serves to introduce the relief following the anxiety (accompanied by a hot flush) upon the emergence of the

⁶ See my article *The Boris Godunov-problem* where I analyse Boris's monologue. This scene itself with Xenia appears to pick up that segment of Godunov's monologue in which the tsar enumerates the various disasters and calamities that befell him and his reign, among them what happened to his daughter's bridegroom.

⁷ The young Feodor Borisovich Godunov occupied the throne for scarcely two months: his father died on April 13, 1605 and he was assassinated on June 10 in that very same year.

⁸ In the Russian text in both lines stand forms of the word *tjzhelyj* meaning *heavy*, *weighty*.

pretender after the sovereign has believed to support duly this relief with common-sense arguments:

Who has fallen upon me? A mere name, a shadow;

Is it a shadow that is going to rip off my purple?

Or a voice is going to plunder my offsprings?

What a fool I am! What did I get so scared of?

The next stage of the expiation is the scene *The Duma of the Tsar*. The main element in this scene is the patriarch's narrative about the miraculous recovery of the blind old man's eyesight. In the course of the play this is the first instance that somebody publicly, in the presence of the tsar, hints at the latter's crime.

The patriarch's intention is to assure the people that the „tsarevich” who has just emerged is in fact a pretender because the true tsarevich is dead whose spirit has been endowed by the Lord with a miraculous healing power. However, the pontiff's weapon misses the mark; it hits somebody else than it meant to. It hits Boris Godunov right in the middle, and this brings about *general confusion* in the Duma (this is Pushkin's stage direction). After the patriarch's speech is over, Shuisky rises to speak and his words („Father, who knows the ways of / the Most High God?") strike us as biting irony—not so much on Shuisky's behalf but on the poet's. This question of Shuisky has a twofold meaning: it introduces, on the one hand, the prince's doubts who does not wish „to turn a sacred relic into a weapon in earthly affairs” (he *pretends* that anyway). On the other hand, however (and this *is* a bold poetic device), with the question put in Shuisky's lips Pushkin suggests that although the patriarch relates his narrative with the purpose of affirming and defending the position of the sovereign, even he does not know „the ways of the Almighty God” and therefore his intention misses the mark perfectly.⁹

The next time we meet Boris Godunov on the stage is the scene before the Vasily Blazhenny Cathedral. Despite that it is a relatively short scene and the tsar himself speaks only two sentences altogether, this passage is in many respects of key importance. From it we learn that the people has ranged itself with the Pretender and indignantly rejects that „they sang an eternal memory for the tsarevich”. Consequently, the „*sacred relic* has been turned into a weapon in earthly affairs” after all—though not in the way suggested by the patriarch (italics mine—M.M.).

⁹ This kind of device, used frequently by Greek tragedians, is called *tragic* (or *dramatic*) *irony*.

What is of paramount importance in this scene, however, is when the holy simpleton, Nikolka and the tsar meet face to face. This is a crucial encounter in the play—from the points of view of both the dramatic action and the poetical composition. What regards the action, Godunov's scene with Nikolka is that stage of increasing the dramatic tension which immediately precedes the outburst. We have already seen that in Boris' monologue an unambiguous *allusion* is made to the child-murder (there the tsar is on his own); in the scene *The Duma of the Tsar* the dead tsarevich is referred to publicly and, finally, in the scene before the cathedral Nikolka, the *holy simpleton*¹⁰ openly accuses Boris of having the tsarevich Dimitry murdered.

The scene with Nikolka is a crucial point in the play because this passage on the compositional plane is the archetype of the closing scene. For the Simpleton has exactly the same attitude to Godunov as the people will have to the new Power at the end of the play. *Twice* he upbraids the tsar for the child-murder; for the second time he uses the metaphor of the biblical King Herod, thus emphasizing his own being sacred:

...Order to kill them, just as you killed the little tsarevich.

and:

No, no! Tsar Herod shouldn't be prayed for:

the Blessed Virgin forbids that.

The people remains silent *twice*, too, in the closing scene: first when it becomes aware of the death of the Godunov family and secondly when it is ordered to cheer the new monarch. In both scenes we are staggered twice. We view both these scenes in the same state of deep agitation; thus the Simpleton prepares the ground for the people's rejecting the new Power five scenes later. Nikolka's straightforward answer is in fact a challenge to Power, just as the obstinate way of the people's being wrapped in silence at the very end of the play. This parallel construction of our poet is from the view of the composition a salient proof that the soul and the conscience of the people (similarly to Mussorgsky's opera¹¹) are embodied in the Simpleton. The biblical allusion in Nikolka's gesture of refusing to pray for the tsar, as I have pointed out above,

¹⁰ In describing the Simpleton ("Enters the h o l y s i m p l e t o n wearing an iron cap, hung round with shackles and surrounded by children"), Pushkin follows Karamzin almost word for word who, in his work referred to above, devotes a paragraph to these lunatics, who at that time were regarded as holy and could often be seen in the streets of Moscow (op. cit., vol. X, chapter IV).

¹¹ In Mussorgsky's *Boris Godunov* the close links between the Simpleton and the people are conveyed, naturally, by the music itself.

serves to stress his being sacred and intangible. The poet uses this motif to indicate the gravity of the situation and hereby is this scene embedded in the process of the *divine judgement* delivered on Boris Godunov.

We meet Godunov for the next, and last, time in one of the last scenes (*Moscow. The Palace of the Tsar*). He has won (a temporary) victory over the pretender but he is fully aware that he will not get far with it:

He is defeated, but what have we gained by that?

We crowned ourselves with a wreath of a vague

[victory.

He has collected his dispersed troops anew,

And is threatening us from the walls of Put'ivlo.

In this situation Godunov, „despising the murmur of the high-born mob”, appoints Basmanov as his commander-in-chief. Basmanov, who is not very much known to that „high-born mob”, of course approves the decision of the tsar since he sees in it a good opportunity for his own rise to power. The poet gives a brief monologue into the mouth of the newly authorized commander-in-chief to expound this. However, Basmanov's ardent hopes are soon to be cooled down by the news about the dying tsar.

Previously, in the dialogue between Basmanov and the tsar, there is a momentum that deserves attention. Basmanov is trying to soothe Godunov who is worried about the public disturbance (incited by the pretender) with two brief but apt allegories about „the swift stallion [which] bites its bridle” and „the young lad grumbling against his father's authority”. Godunov takes the hint and gives the following smart reply—also in the form of an allegory:

Sometimes a stallion may *throw* its rider.

(italics mine—M.M.)

A question may be asked at this point (as we asked a question above when in the palace the tsar made a „slip of the tongue” before his son, Feodor): does Godunov know something *in advance*? The answer is, as it was above, *no* (though he calculates upon all possible contingencies) because his decision just made, i.e. that he appointed a competent person to take command of the armed forces, as a matter of fact does not mark the ruler who is about to lose power. True, he may have failed to gauge the situation when he refused to lead his people *himself* against the pretender and thus missed his opportunity to show his nation in his own person that *he is present* when his throne and country are in

jeopardy.¹² When he accepts the glove, flung down to him by the pretender, Boris Godunov succumbs on account of his attitude to what forms the basis of his legitimacy—the people.

As Boris lets his tongue slip in the palace before Feodor („One day, not too far off perhaps, / All the provinces [...] / Will be under your rule.”), he makes a similar tongue slip to Basmanov with his parable about the rider. The poetical function of the latter is that when we have reached the end of the play (after „the swift stallion [which] bites its bridle” had indeed „thrown its rider”), we will see Boris Godunov’s false, and futile, steps taken against the Pretender in the mirror of how the drama concludes. All these „slips” of Godunov’s tongue behave as a *musical theme* that refers to destiny. Whenever we „catch” the tsar in such a slip of the tongue, that points to his fate.

Basmanovs dreams about his would-be brilliant political career awaiting him is interrupted by the confusion aroused by Godunov’s dying.¹³ The tsar is brought in who wants to remain alone with his son. With the following great monologue will Boris Godunov’s destiny be fulfilled. The monologue consists of three well separable parts: farewell from the tsarevich; the paternal—and political—testament; and the final part in which the dying tsar prepares for the initiation ceremonies for being made a monk (as it is customary at such times) and takes the oath of the boyars on the new tsar, Feodor.

The opening of the first part refers to the topic of the farewell and the testament respectively: „Let us embrace, my son, each other, saying farewell „

¹² This is how Karamzin draws up the balance of the duel between the false-Dimitry and Boris Godunov. But the problem of "what happened", since it is less "philosophical and weighty" than the question of "what *may* happen" (Aristotle, *Poetics* IX), would lead us into the realm of historical scholarship and thus lies beyond the domain of this essay.

¹³ In the description of the confusion around Godunov's dying Pushkin follows Karamzin practically word for word: he uses nearly the same words as the historian. Karamzin so describes the tsar's death: "13 aprilja [...] krov' hlynula nego nosu, ushej i rta..." ("13 April [1605] blood *gushed forth* from [Godunov's] nose, ears and mouth...") Pushkin's description goes as follows:

Na trone on sidel i vdrug upal,
Krov' hlynula iz ust i iz ushej.

("He was sitting on the throne when he suddenly fell off...
Blood was *bubbling forth* from his mouth and ears.")

The second line of the Pushkin-citation is a fairly good example how firm a grip our poet has on his language: he managed to put Karamzin's words written in prose in blank verse, the metre he used, so that we meet practically each of Karamzin's words in the verse.

and „You will soon begin your reign”. Similarly, reference is made to the initiation ceremony, too: „Oh my Lord! I will soon stand before you...” The two sentences „You will *soon* begin your reign” and „Oh my Lord! I will *soon* stand before you” (italics mine—M.M.) refer to events that are going to take place in the very near future. The speaker in these two sentences almost at the same time turns to the two addressed: his son and God. The parallelism is stressed by the time adverb pointing to near future: *soon*. For Boris his son is „dearer than the salvation of his soul”, therefore he addresses his son *before* he addresses God. With this the poet gives the keynote that determines the course of the whole monologue. In the tsar’s farewell from this world his last—political—will dominates which he leaves to his son. The line „I have achieved absolute power” picks up the first line of the monologue which took place in the tsar’s palace. (This line is a word-for-word repetition of the latter.) As the monologue goes on, the half-line „Do not ask me *by what means...*”¹⁴ (italics mine—M.M.) alludes to the main theme of the monologue just mentioned above, the sin committed by Godunov, just as the other half-line—„You are guiltless—that is enough”—to his guilty conscience. This line evokes the sin committed as well as the problem of doubtful legitimacy. The tsar believes to remedy the latter by leaving the throne to his *innocent* offspring:

...You will be a *lawful* ruler.

I, only I can be responsible before God.

(italics mine—M.M.)

With these lines starts Godunov’s political testament. The first and perhaps most important part is the one in which Boris warns the tsarevich of the danger that threatens him and compares his own policy followed in handling this danger with Feodor’s chances to accept the challenge of the „strange pretender”. „The reign is left to [Feodor] *in stormy days*” (*v dni burnye* in the Russian text; italics mine in the English translation—M.M.): this is an unambiguous reference to the danger which occurred with the emerging of the pretender, a very sensualistic poetical grasp of the situation. The turbulent situation is connoted throughout by the word *storm* or related phrases such as *mjatezh*, „revolt, turbulence”; *groznoj*, „big storm”. The following two lines explicate the expression *stormy days*:

He is dangerous, the strange pretender,

¹⁴ This half-line at the same time picks up that moment in the tsar's palace when Godunov, having learnt of the pretender who is usurping the name of the dead tsarevich, sends his son out of the room so that he do not learn anything about the circumstances his father came to power. Neither does he let Feodor ask: *Dovol'no: ty ne vinen*. ("You are guiltless -- this is enough.")

He has armed himself with a terrible weapon...

This is the gist of the „pretender-syndrome” for the Godunov-dynasty: the self-appointed „tsarevich” is dangerous because he questions what gives the basis of legitimacy for the Godunovs and for this he has significant support in the country. If the tsarevich is alive, why Boris Godunov is the tsar?

In the next four lines Godunov draws the balance of how he managed to overcome the danger that was threatening his throne:

I, who have been skilled in reigning for long,

Could subdue revolt and turbulence.

They trembled of fear before me;

Treason dared not make its voice heard.¹⁵

Godunov here compares himself, the hard-handed statesman, „who has been skilled in reigning for long”, with the inexperienced young tsarevich who has to meet the same challenge as he had to. The phrases *oni drozhali* („trembled before me”) and *ne derzala* („dared not”) set Boris Godunov before us in the position of power just as the second line of the citation where the verb „subdue” shows an iron-handed ruler who *holds* the state *in his hand*.¹⁶ It appears though that his words that refer to Feodor („How will you / put out revolt, unravel treason?”) are much less linked with the notion of strength and might; these words do not at all show that strong hand of the father. Godunov places his son’s fate in the hands of God:

But God is great! He may make a youth wise,

He gives strength to *weakness*...

(italics mine—M.M.)

The use of the word *weakness* speaks for itself: the figure of the tsarevich is linked with the notion of innocence, frailty—of weakness and in this light his

¹⁵ These four lines, if torn out of their context, might as well be interpreted as if the dying tsar would say some *general* admonitions to his succeeding son. It is true that a sovereign (statesman) always has to be alert because of the intrigues against him. But there is the *context* here from which it is unambiguously clear that the text is about the "turbulence" stirred up by the emergence of the pretender and the "treason" in the footsteps of that turbulence.

It deserves to remark that the expression "skilled in reigning *for long*" (italics mine -- M.M.) refers to that Godunov had de facto been the first man in the empire long before his coronation: after the death of Ivan the Terrible Boris Godunov was appointed the governor of Russia.

¹⁶ The Russian original is even more expressive: the poet uses the word *uderzhat* which means *hold in one's hand, hold back (with one's hand), restrain*.

having been murdered at the end of the play acquires a deeper significance. The question the dying Boris asks his son—„How will you / put out revolt, unravel treason?”—is a *mirror* of the line „I could subdue revolt and turbulence” but the former lacks the self-assurance of a hard-handed ruler which is characteristic of the latter. The verb in the expression „put out revolt” brings in the image of the blazing fire where the word *revolt* has a connotation of „fire”. Thus this image evokes the motif of *storm* that sweeps through the drama. The main motif in this part of the text is that of *storm* which will, at the end of the play, destroy the entire Godunov-family.

The advices of the dying Godunov, with which he furnishes the tsarevich, all testify how deeply he is concerned about the future of his son—and his empire. Regarding its poetical function perhaps one of the most important of these advices is the one in which Boris warns the tsarevich against „merging in sensualistic joys from [his] youth”. This fatherly admonishment picks up that part from the scene in the Chudov-monastery when in the cell Pimen says something like this to Grigory. As it has become clear from the scene of Marina and the Pretender, the advice of the wise chronicler-monk falls on dead soil. The parallelism of the two scenes is also indicated by that in both the relation of master and disciple is specially emphasized; in both scenes the „master” leaves as his last will his oeuvre (Pimen leaves the chronicle, Godunov the throne). Pimen teaches Grigory how to go on writing the chronicle and in the scene which takes place in the palace of the tsar Boris *expressis verbis* speaks of learning and knowledge.¹⁷ When we reach the end of the play, we will see how deep a truth did the dying tsar formulate: Grishka (the Pretender) who obviously did not „preserve [his] sacred chastity, innocence and haughty pudency”, „merging in sinful, sensual joys [...], [has become] severe and *bloodthirsty*” (italics mine—M.M.) and this costs the young tsar, Feodor, his life.

There is another allusion in the monologue of the dying Godunov: „When a woman’s face stirs our blood”. Here the poet is probably alluding to Pimen’s admonition to Grigory: „your young blood is playing up” and „...women’s

¹⁷ It is the "sketch of the Muscovian territory" that is spoken about (see also fn5) and Boris Godunov's comments to it:

"How nice it is! the living fruit of knowledge!" and

"Learn, my son; knowledge comprises
The experiences of swiftly flowing life. [...]
Learn, my son, and you will understand
Better your rulership."

deceitful love / charms me only from afar". The two motifs, *blood* and *woman(ly)*, which are separate in Pimen's speech, are linked together in Boris' monologue. This all the more emphasizes the compositional parallel of the two scenes.

The paternal admonition about love-passion picks up that part of Boris' first great monologue where the tsar compares the nature of power to erotic passion.

This is how the admonition, put in the dying tsar's mouth by the poet, hits back as a poetical boomerang which is *seemingly* nothing more than a warning on behalf of a father who is worrying about the fate of his son.¹⁸ Of course it is, but at the same time, as we have seen, it is much more than that.

It signifies the defencelessness and weakness of the tsarevich as he falls on his knees and beseeches his father—hopelessly:

No, no, live and rule us for long:

The people and we will perish without you.

The tsar answers with a sentence that breathes *darkness* and *cold*—the darkness and cold of death:

It is all over: my eyes are darkening,

I feel the cold of the grave...

The phrase „it is all over” can be interpreted as not Boris Godunov's but the *poet's* comment to the second line of the tsarevich's beseeching. It may mean the following: „Maybe the people will not perish but *you* (sc. the Godunov-family) surely will.” Of course, this comment is only addressed to us and not the tsarevich. Perhaps this is the reason why Godunov, when has the boyars swear allegiance to Feodor, appeals to his youth and innocence:

My friends, Basmanov, I plead on the verge of the grave,

Serve him earnestly and truly!

He is so *young* and *spotless*.”

(italics mine—M.M.)

This is the last straw Godunov grasps at in his desperate supplication: he appeals to that his son is innocent. He uses the same words to mark the tsarevich

¹⁸ As regards its poetical nature, the dramatic point of the play at the end, or when earlier Godunov meets Nikolka, the simpleton, is built up similarly.

as in his admonition about erotic passion. (In the original text we find *porochnyh* „evil, wicked”, *mladye* „young” and *neporochen* „not evil”.)

After this the tsar has the boyars swear an oath of allegiance to his son, asks pardon for „public and secret wrongs” and, before he dies, „starts the initiation ceremony of becoming a monk” (this is Pushkin’s stage direction). This is how the *divine judgement* is fulfilled on Boris Godunov which Grishka Otrepiev, as a monk, has foretold and of which he turns out to be the tool.

György Orosz

**DAS ALSO SIND DIE FREITAGE
APOKRYPHEN, GEISTLICHE VOLKSGESÄNGE**

In den geistlichen Volksgesängen der orthodoxen Russen findet sich der Freitag in zwei Erscheinungsformen. In den Volksgesängen, die als „Freitag“ betitelt sind¹, erscheint dieser Tag in personifizierter Form als Frau Freitag (Pjatnica), deren Gestalt in gewisser Hinsicht mit der Hauptgöttin Mokoš des von Vladimir Svjatoslavič I in Kiew errichteten heidnischen Pantheons in Verbindung gebracht werden kann.²

Der Kult der Frau Freitag, obwohl er manche Züge der vorchristlichen heidnischen Glaubenswelt der Slawen beibehalten hatte, verschmolz eigentlich mit der Tradition, die sich um die Person der griechischen Märtyrerin, der Heiligen Paraskeva (‘Freitag’) herausgebildet hatte.³ Die Gestalt von Frau Freitag deckt sich aber in manchen Fällen mit der der Hochheiligen Gottesgebärerin des Christentums.

Ein Teil der sich auf den Freitag beziehenden Verbote (z. B. darf man an diesem Tag nicht aus Asche Lauge sieden, Wäsche waschen und spülen, das Kind baden) gelangte in die Glaubenswelt des Volkes bei den Russen, aber auch in die geistlichen Volksgesänge, sicherlich aus der Apokryphenliteratur.

In den russischen geistlichen Volksgesängen und Prosatexten, die den Titel „Von den zwölf Freitagen“ tragen, lernen wir den Freitag in einer ganz anderen Rolle kennen.⁴ Als Ausgangspunkt für die kultische Verehrung der zwölf Freitage diente bei den Russen die apokryphe Schrift „Sage von den 12 Freitagen“, die überlieferungsgemäß dem Heiligen Klemens, einem Römer, zugeschrieben wird.⁵ Unter den zahlreichen Schriften, die unter seinem Namen erhalten sind, gilt nur eine einzige als authentisch: der „Brief an die Korinther“.⁶ Die apokryphe Schrift „Sage von den 12 Freitagen“ des Heiligen Klemens, deren religiös-kultureller Hintergrund der römische Katholizismus war,

¹ Bessonov 1861-1864: II/6. 160-174., No 592-604; Kireevskij 1983: I. 137-138., No 293.

² Ivanov 1984: 240-245.; Rybakov 1981: 386-388.; Tokarev 1988: II. 602-603.

³ L'vovskij 1902: II. 198.; Tokarev 1988: II. 602.; Maksimov: 1903: 516.

⁴ Bessonov 1861-1864: II/6. 120-157., No 579-586. (Volksgesänge), No 587-590. (Prosatexte); L'vovskij 1902: II. 197-198. (ein Prosatext); Maksimov 1903: 510-512. (ein Prosatext); Kireevskij 1983: I. 220-221., No 491. (Volksgesang).

⁵ Veselovskij 1876: 328.

⁶ Vanyó 1988/a: 97-99., Vanyó 1988/b: 103., Szántó 1987: I. 58.

verbreitete sich überall in Europa.⁷ Die Texte der Klemens-Gruppe kommen als Varianten auch in französischer, provenzalischer, lateinischer, griechischer, deutscher, ungarndeutscher, italienischer, englischer und ungarischer Sprache vor.⁸

Die Sage von den zwölf Freitagen des Jahres hat aber auch einen anderen Typ. Das ist die Eleftherios-Gruppe. Diese Bezeichnung beruht darauf, daß der Liste der Freitage ein einleitender Teil vorangeht, der den Glaubensstreit zwischen dem Christen Eleftherios (Elefterie, Jelevferij, Jalferij) und dem Juden Terasios (Terasie, Tarasie, Tarsej, Tarasij, Taraska) beschreibt.⁹

Die russischen geistlichen Volksgesänge gehören zu der Klemens-Gruppe, aber auch ein Teil der Prosatexte zählt dazu.¹⁰ Den indirekten westlichen Ursprung der Volksgesänge und der Sagen verrät auch die Tatsache, daß der Name des Papstes Klemens aus Rom in ihnen oft erhalten blieb.

In der altrussischen Literatur waren auch die Sagen von den zwölf Freitagen der Eleftherios-Gruppe vertreten.¹¹ Das Vorhandensein des Eleftherios-Typs bei den Rumänen bezeugen manche Textvarianten, und er findet sich in Ungarn bei den Rumänen auch heute noch.¹²

Die in den verschiedenen europäischen Sprachen vorhandenen Textvarianten der Eleftherios-Gruppe sind auf eine byzantinische apokryphe Geschichte zurückzuführen, deren Hauptinhalt folgendes ist: wie erwarb sich der Christ Eleftherios das Geheimnis der zwölf Freitage von Malho, dem Sohn des jüdischen Glaubensstreiters, der Terasios heißt.¹³ Die Eleftherios-Geschichte byzantinischen Ursprungs überschreitet die Grenzen der slawischen Länder und überhaupt der Orthodoxie und gelangte nach dem katholischen Deutschland. Hier diente er im Mittelalter für Hans Rosenplüt (XV. Jh.) als Grundlage für das Verfassen eines Fastnachtspieles („Ein disputaz eins freiheits mit eim Juden“).¹⁴

Die gemeinsame Quelle der verschieden europäischen Textvarianten der Eleftherios-Gruppe war eine antike Geschichte, die die Rivalität zwischen Griechen und Römern zum Thema hatte.¹⁵ Deren Hauptfiguren wurden in den Freitagstexten der Eleftherios-Gruppe von Terasios und Eleftherios abgelöst. An

⁷ Veselovskij 1876: 328-329.

⁸ Ibid. 329-334.

⁹ Veselovskij 1876: 334., 346-347, 349-350.

¹⁰ Ibid. 346-347.

¹¹ Buslaev 1861: 485., 500-501., 503. In Šćapov 1859: 449 i sled.; Tichonravov 1861: 70-78.

¹² Cartoian 1938: 181-182.; s. noch die rumänische Handschrift aus Ungarn: IATĂ ISTORIA CIELOR 12 VINERI... CITICHAZ ANUL 1962. XII. 15. (Ich habe diesen Text von Zsuzsanna Erdélyi bekommen.)

¹³ Tichonravov 1861: 69.

¹⁴ Ibid. 67-69. Er bezieht sich auf das Werk: Fastnachtspiele aus dem fünfzehnten Jahrhundert. III. Stuttgart, 1853. p. 1115-19.

¹⁵ Ibid. 67.

die Stelle des als Grundstruktur geltenden griechisch-römischen Wettstreits trat der jüdisch-christliche Glaubenszwist. Der aus dem orthodoxen byzantinischen Kulturkreis in die europäischen Länder transplantierte Text entwickelte sich auf neuer Grundlage weiter. Im Prozeß der literarischen Adaptation veränderten sich die Namen der Hauptpersonen folgendermaßen: der dumme Römer = Eleftherios, und später skomoroch bei den Russen, Freiheit bei den Deutschen; der griechische Philosoph = Terasios (mit seinen deformierten Namen), beziehungsweise einfach nur der jüdische Philosoph.

Die russischen Eleftherios-Sagen stehen hinsichtlich der an die Freitage anknüpfenden kirchlichen Feste und - meist alttestamentlichen - biblischen Geschichten den rumänischen Texten ziemlich nahe, während ein anderer Gesichtspunkt, die Streitigkeit in Form von Gestikulation und Tätlichkeit den russischen und den deutschen Stoff miteinander in Beziehung bringt.

Die aus Byzanz nach Rußland transplantierten Texte der Eleftherios-Gruppe konnten sich im Volksmund nicht zu geistlichen Volksgesängen weiterentwickeln, weil sie wegen ihrer komplizierten Struktur und ihres steifen Stils dafür nicht geeignet waren. Sie existierten und verbreiteten sich in schriftlicher Form und dadurch bewahrten sie die spezifischen Züge der Sprache der altrussischen Zeit. Die mit Indulgenz-Verheißungen versehenen Freitagslisten der Klemens-Gruppe, die westlichen Ursprungs sind, hatten einen Text von kurzem Umfang und von einfacher Struktur. Die sich an die Freitage anknüpfenden - vorwiegend neutestamentlichen - Geschehnisse erhielten in ihnen meist eine kürzere Formulierung. Im Schmelztiegel der orthodoxen Volksfrömmigkeit, wenn es auch so sehr merkwürdig scheint, sind die russischen Volksgesänge aufgrund der aus dem römischen Katholizismus entlehnten apokryphen Freitagstexte zustande gekommen. Aus diesen wurde im Prozeß der Russifizierung, wie auch aus den Sagen das katholische Wort „Indulgenz“ vollkommen ausgesiebt, weil die dadurch bezeichnete westliche katholische Praxis für die orthodoxen Russen nicht annehmbar war.

Die Freitagstexte dienten grundsätzlich in der christlichen Welt zur seelischen Erbauung der Gläubigen, aber sie wurden auch zu magischen Zwecken von denselben Leuten gebraucht.¹⁶ Wenn man die Schlußformeln der europäischen Textvarianten der Klemens-Gruppe miteinander vergleicht, kann man feststellen, daß die russischen Schlußformeln eine viel reichere und mannigfaltigere Fundgrube von frommen und irdischen Gütern bietet, als die betreffenden europäischen Parallelen. In den russischen Texten trifft man auf eine solche Fülle irdischer Güter und der Schutz- und Abwehrpraxis, daß ohne Übertreibung gesagt werden kann: die russischen geistlichen Volksgesänge und Sagen mit dem Titel „Von den zwölf Freitagen“ verschoben sich im Unterschied

¹⁶ Jeleonskaja 1917: 18.

zu den europäischen Textvarianten in größerem Maße in die magische Gebrauchssphäre.

Bibliographie

1. Bessonov, P.A. 1861-1864: Kaleki perechožie. Sbornik stichov i issledovanie. II. Moskva
2. Buslaev, F. 1861: Istoričeskie očerki ruszkoj narodnoj slovesnosti i iskusztva. Tom I. Russkaja narodnaja poezija. Sanktpeterburg
3. Cartoian, N. 1938: Cărțile populare în literatura românească. Vol. II. Epoca influenței grecești. Cu 15 planșe afară din text. București
4. Ivanov, V.V. 1984: Nyelv, mítosz, kultúra. Budapest
5. Jeleonskaja, Je. N. 1917: K izučeniju zagovora i koldovstva v Rossii. Moskva
6. Kireevskij, P.V. 1983: Sobranie narodnych pesen. Zapisi P. I. Jakuškina. Tom I. Leningrad
7. L'vovskij, L. 1902: Pjatnica v žizni ruszkogo naroda. In: Živopisnaja Rossija. II.
8. Maksimov, S.V. 1903: Nečistaja, nevedomaja i krestnaja sila. Sanktpeterburg
9. Orosz György 1992: Nagyorosz egyházi népénekek a mágikus praktikákban (A „Legszentebb Instenzülő álma”). In Acta Academiae Paedagogicae Nyíregyháziensis, 13/E. 165-186.
10. Orosz György 1993: A pogány-keresztény vallási szinkretizmus kérdései a nagyorosz egyházi népénekek tükrében. Nyíregyháza, 1-97.
11. Orosz György 1993: „Add nekik a te szent nevedet”. Zarándok-énekesek és énekes vándorkoldusok a Kijevi Ruszban. In: A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. XXX-XXXI. Miskolc, 235-255.
12. Orosz György 1994: Pilger, singende Wanderbettler im altrussischen Staat. In: Acta Ethnographica Hungarica, 39 (3-4), pp. 381-393.
13. Orosz György 1996: Nézzetek rám szemetekkel, hallgassatok fületekkel. Nyíregyháza, 1-88.
14. Rybakov, B.A. Jazyčestvo drevnich slavjan. Moskva
15. Ščapov, A.P. 1859: Russkij raskol staroobrjadstva. Ohne Ort
16. Szántó Konrád 1987: A katolikus egyház története. I. Budapest
17. Tichonravov, N.S. 1861: Slovo o vere christianskoj i o židovskoj. In: Letopisi ruszkoj literatury i drevnosti, izdavaemye Nikolaem Tichonravovym. III. Otdelenie II. Moskva, 70-73.
18. Tokarev, Sz.A. (főszerk.) 1988: Mitológiai enciklopédia. II. Budapest
19. Vanyó László 1988/a: Ókeresztény írók 1. Az ókeresztény egyház és irodalma. Budapest
20. Vanyó László (szerk.) 1988/b: Ókeresztény írók 3. Apostoli atyák. Budapest

21. Veselovskij, A. N. 1876: Opyty po istorii razvitija christianskoj legendy. IV. Skazanie o 12-i pjatnicach. In: Žurnal Ministerstva narodnogo prosveščeniya. Čast' CLXXXV. Sanktpeterburg, 326-367.

István Póth

MADARSKA PREDSTAVA „KRALJEVA”

V iše godina nakon što je zagrebačko Kazalište Gavella pred budimpeštanskom publikom izvelo Krležinu dramu „Kraljevo”, ista drama je prikazana na mađarskom jeziku u srpnju 1985. u Pečuhu (Pécs), u južnom kulturnom centru zemlje. Još prilikom predstave na hrvatskom jeziku u Budimpešti mađarski kazališni ljudi, stručnjaci scenske umjetnosti, pa i gledatelji mogli su se načuditi neobičnom, impresivnom djelu iz prvog peioda dramske djelatnosti Miroslava Krleže i umjetničkim dostignućima zagrebačkih glumaca.

Prijevod na mađarski je rad istaknutog kazališnog djelatnika György Spiróra, odličnog poznavatelja hrvatske (srpske i poljske) književnosti. On je napisao lijepo prmljenu monografiju o velikom hrvatskom piscu pod naslovom Miroslav Krleža (Budapest 1981). Spiró naglašava umjetničke vrijednosti Kraljeva koje smatra „jedinstvenim remek-djelom”.

Njegova knjiga, njegovo ushićenje Krležom i osobito njegovom dramom, a svakako i uspjeh hrvatske predstave u glavnom gradu, vjerojatno, pridonijeli su tome da je priređena izvedba na mađarskom jeziku u Pečuhu, u sveučilišnom gradu s važnim umjetničkim spomenicima, i tradicijom. Ovdje je Kraljevo prikazano na otvorenoj pozornici pod vedrim nebom među ruševinama „Tettye”. „Ovu vrtoglavu viziju, ovu dramsku tehniku koja djeluje na simultanim poprištima, može se zamisliti samo na ljetnoj pozornici. Zato je to bila odlična zamisao: Krležino djelo postaviti među ruševine „Tettye” iz turskog doba. Ovdje, na po samom sebi tajanstvenom licu mjesta, među krivudavim zidovima, mogla se uobličiti prirodna sredina ove igre: proštenje. Čim smo stupili među ruševine, dočekalo nas je pravo staro seosko, malogradsko proštenje sa pečenjarnicom, pivnicom, vinotočjem, prodavačima - pa se igra polako, takoreći neprimjetno, uobličila, zgusnula, prelazila u drugi okoliš. Na kraju predstave pak ova druga okolina vratila se natrag, opet takoreći neprimjetno, u proštenje, u ritam vrtećeg, razbuktalog šarenog kola, u veselu terevenku. U međuvremenu odigrala se pak drama o životu, o smrti, o ljubavi i velikim nacionalnim pitanjima ...” - piše kritičar lista Pestmegeyi Hírlap (List Peštanske županije) 10. 8. 1985.

Na premijeri u Pečuhu sudjelovali su glumci iz Kaposvára (sjedište županije Somogy), članovi Pečuškog sveučilišnog amaterskog kazališta i naročito uspješno plesni ansambl „Baranja”. Plesači ove - u prvom redu hrvatske

družine - iskoristili su sada jedinstvenu priliku pokazati visoku razinu svoje umjetnosti pod rukovodstvom poznatog koreografa Antuna Vidakovića.

Predstava Kraljeva značila je, pružila je nesvakidašnji, osobiti doživljaj za gledatelje koji su - izgleda i ne sluteći - postali takoreći učesnici dramke radnje. „Pučanstvo svakojakog položaja i stanja, pijano urlajući soldati, tukući se, pa grleći se neočekivano leluju se amo-tamo. Povremeno podiže se po koja glava, blebeta o barabama ili o purgerima, kliče socijaldemokraciji ili deklamira plaćući o hrvatskom bratstvu. Plesači se ponovo i ponovno hvataju za ruke i sve divlje, bezumnije igraju zajedničko kolo živih i mrtvih...” (Film-Színház-Muzsika - Film-Kazalište-Glazba, 24.8.1985.)

Mađarski naslov Szentistvánnapi búcsú (Proštenje na dan sv. Stjepana) prevoditelj je „mađarizirao sretnom idejom” (Dunántúli Napló - Dnevnik Prekodunavlja, 20.7.1985.). „Komad je remek-djelo iz piščevog početničkog razdoblja, koje pokazuje ekspresionističke utjecaje. Po njegovim instrukcijama radnja se odigrava u Zagrebu pred prvim svjetskim ratom u jednoj vrućoj noći 20. kolovoza, na proštenju, gdje se pojavljuje i ukazuje svaki mogući društveni sloj, svaka skupina tadašnjeg još malog grada... Oni se međusobno sudaraju i u međuvremenu tok radnje pojačan folklornom glazbom prelazi u bakanaliju...” (Új Tükör - Novo zrcalo, 11.8.1985.)

„Tišina i ludilo - među ovim krajnostima bjesni kavalkada. U drami nema zbivanja ... samo ekspresionističkih slika ... Mozaici žanr-slika, odlomci dijaloga i monologa, naturalistički i mitski prizori slijede jedan za drugim u komadu Miroslava Krleže koji tako proširuje blagdanski pakao proštenja u univerzalno, da istovremeno točno fiksira hrlenje u svjetski rat na početku stoljeća, životno čuvstvo istočnoeuropskih naroda i malih ljudi, raspirivano bjesnilo orgije u blizini smrti... Nije samo drama neobična, nego i predstava je nesvakidašnja ... Kompoziciju predstave redatelj je razložno i detaljno izradio. Sve se to pokazuje pri povezivanju dramaturških funkcija, koreografskih i proznih detalja, u pokretanju mnogobrojnih osoba, u oblikovanju paralelno tekućih događaja. Koreografija (rad Antuna Vidakovića) koja ima ključnu važnost u predstavi i s njom povezana glazba bazirana na južnoslavenskom folkloru ... Sama produkcija je tamo snažna gdje ples i spektakl stupaju u prvi plan...” (Színház - Kazalište, studeni 1985.)

Prikazivanjem „Kraljeva”, djelovanjem redatelja Lászla Bagossyja kritičari su uglavnom zadovoljni. Neki imaju i pohvalnih riječi za njegovu dostignuće: „... on je usredotočio svoju pažnju na međusobni odnos osoba na pozornici, davajući misaoni višak razuzdanoj orgiji te večeri kao i dan-danas. Divnim osjećajem projicira ekspresivne slike kako ih je o onom svijetu pisac zamišljao i ostvaruje ujedinjeno, živo jedinstvo, skladan stil predstave...” (Új Tükör, 11.8.1985.)

„Režija Lászla Bagossyja ... daje snažan naglasak pustinjačkoj osami ljudskih odnosa. Predočuje u nama veoma aktuelne asocijacije misli pri nizu čudno iskrsavajućih avangardnih slika, pri čudnom erotskom plesnom obredu vašarskog ugođaja i na osnovi ekspresivnih slika koje se očituju u razuzdanom vrtlogu slavensko-južnačke svetkovine Dioniza... (Dunántúli Napló 20.6.1985.)

Nezadovoljan ostvarenjem redatelja je izvjestitelj novina Népszabadság (Narodna sloboda 26.6.1985.), centralnog lista tadašnje vladajuće komunističke partije (Mađarske socijalističke radničke partije). Citiramo nekoliko misli iz ove oštre kritike: „...uvođenje je predugo. Redatelj ni poslije nije uspio riješiti ujedinjavanje same radnje, prizora, poprište proštenja i pozadine, da bi među njima bila iako možda suprotna, ali ipak neka organska veza. To, naravno, ni na otvorenoj pozornici ne možemo očekivati, da bi bijesni psi jurili preko pozornice, kako je to pisac ne samo jednom prilikom želio. No ovdje se sada skoro svaki efekt, ples, prasak, pucanj, bljesak i buka odvaja od igre. Izgleda, aparatura je suviše velika, redatelj nije u stanju ujediniti, urediti elemente u jedinstveni poredak, jedinstveni ritam za čiji se zadatak primio. Nako pak područje proštenja, koje bi trebalo da spaja, sjedinjuje prizore, koje bi trebalo da potkrijepi prijelaz iz naturalnog u fantastično, više razdvaje epizode i time ne samo razlama tok drame, šta više ne omogućuje vjerovanje u fantastiku, u besmislice. „Svoja razmatranja kritičar je završio ovako: „No Kraljevo je zaslužilo pak dobru predstavu”.

Unatoč ovoj kritici, unatoč možda ne baš najboljem postavljenju na pozornicu publika je uživala u predstavi. Prevoditelj pa i organizatori kazališnog događaja htjeli su približiti Krležino djelo mađarskim gledateljima već i samim naslovom Szentistvánnapi búcsú (Proštenje na dan sv. Stjepana), podsjećajući na prvog ugarskog kralja, među čijim nasljednicima se nalaze i zajednički hrvatsko-ugarski vladari. Zajedništvo, neki međunarodni odnos, internacionalni karakter osjećali su - čini nam se - i gledatelji. Jedan kritičar npr. kaže: „Koreografskom suradnjom Antuna Vidakovića počela je večer lijepim folklornim programom Plesnog ansambla Baranja i pri tome nisu nimoišli ni to, na što ni kod Krleže nema aluzije, da smo promatrači i slušatelji zajedničkog svetkovanja više narodnosti, pri kojem su i Mađari zainteresirani.” (Népszabadság 26.7.1985). Uspješnoj predstavi mnogo su doprinjeli koreografija visoke umjetničke razine Antuna Vidakovića i osobito glazba brzog, temperamentnog ritma koja je organski pratila smjenjivanje slika i kovitljanje masa.

Nakon budimpeštanske predstave Kazališta Gavella iz Zagreba mogli su ovom prilikom kazališni gledatelji u Pečuhu vidjeti „Kraljevo” na mađarskom jeziku. Krležino djelo pustopašnog kovitljanja, vrtloga pijanica, malogradskog ološa, purgera, soldata i prostitutki imalo je snažan dojam na publiku i na kritičare. Bujno, nevjerovatno brzo neobuzdano kolo, žustri ritam glazbe imali su

takav utjecaj na kritičare da su skoro sasvim zaboravili autora drame. Mnogo su pisali o neobičnoj, čudnovatoj, temperamentnoj igri, o kovitlanju masa na pozornici, a na pisca su takoreći zaboravili. Većinom su hvalili redatelja, ističući da je vješto koristio mogućnosti široko postavljene pozornice, na kojoj je umješno komponirao gibanje masa, pojavljivanje najrazličitijih lica sa svojim u pijanstvu izrečenim mislima, željama i snovima izniklih iz njihovih uskih, neiživljenih životnih mogućnosti.

Neobičan komad, predstavljen u nesvakidašnjem ambijentu, sa zbivanjima vrtoglavog tempa, kovitlanjem nepreglednih šarenih masa, s još nikada viđenim nikada osjećanim ugođajem, obdario je nezaboravnim doživljajem sve one koji su imali mogućnosti pogledati ovu pečušku predstavu.

Miran Štuhec

ERZÄHLSITUATION IN DER HISTORIOGRAPHISCHEN ERZÄHLUNG

0. Die historiographische Erzählung gestaltet ihre Bedeutung auf zwei Ebenen, auf der Ebene der Fabel und des Sujets und auf der Ebene des historischen Diskurses, wobei das dichotomische Verhältnis von Fabel und Sujet für die vorliegende Abhandlung weniger bedeutsam ist. Der zeitliche Aspekt der Fabel bringt zwar sowohl die zeitliche mehrfache Ausrichtung als auch ihre Mehrschichtigkeit zum Ausdruck, aber die Fabel verläuft im Grunde linear von ihrem Anfang bis zu ihrem Ende. Der historische Diskurs ist eine höhere Ebene der Erzählung, auf der sich das Wissen und das Bewußtsein herausbildet, daß dies keinen Selbstzweck erfüllt, daß seine Bedeutungen nicht zum Ursprung zurückführen, sondern auf etwas außerhalb seiner selbst gerichtet sind, daß die Erzählung eine Re-Konstruktion zwar irreversibler, auf der Zeitachse angeordneter Ereignisse darstellt, er bildet eine unmittelbare Verbindung zwischen der *res gestae* und der *historia rerum gestarum*. Das Erzählen ist so eine sekundäre Stufe im Entstehungs- und Funktionsprozeß des historiographischen Textes. Es ist eine Modellweise der Gestaltung und Vermittlung des historischen Diskurses.

Die Unterscheidung zwischen Erforschen und Erzählen hat eine notwendige Dichotomie zur Folge: die historische Erforschung wird durchgeführt mit der entsprechenden Methode und dem notwendigen wissenschaftlichen Instrumentarium, das historische Erzählen hingegen gemäß der Regeln der Narration, die auch den stilistisch-sprachlichen Aspekt mit einschließen. Die Übereinstimmung von historischer Tatsache und historischem Faktum hängt natürlich vor allem von dem ersteren ab.

Das narratologische Modell des historiographischen Erzählens umfaßt mittelbar auch die Phase der Materialsammlung (Cohn 1995: 108), die ihrem Charakter nach zwar extratextuell, ihrer Rolle nach aber an den Text selbst gebunden ist. Dem Funktionszusammenhang zwischen der sogenannten extratextuellen Basis und der Erzählung wird gerade deshalb besondere Bedeutung zuteil, weil er darauf hinweist, daß die historische Erzählung keine Erzählung *sui generis* darstellt, sondern eine Erzählung, die von der extratextuellen Wirklichkeit ausgeht, die man wegen der kategorischen Verpflichtung gegenüber dem Fachgebiet zu einem Bild gestalten muß, das mit etwas außerhalb seiner selbst übereinstimmt. Der Zusammenhang zwischen historischer Tatsache, dem Erzähler und dem Leser bringt nicht nur den

Wissenschaftler oder den Erzähler-Historiographen in eine besondere Lage, sondern auch den Leser. Der Inhalt der geschichtlichen Tatsache bestimmt in großem Ausmaß seine eigene Vorstellungsform (Luthar 1993: 97), der Erzähler ist demnach begrenzt und begrenzt in seinen Vorstellungen ist auch der Leser, denn der historiographische Text ist so organisiert, daß er auf diskursiver Ebene keine Beliebigkeit zuläßt, sondern die Rezeption einer besonderen und im voraus bestimmten narrativen Strategie unterordnet. Im Grunde genommen handelt es sich sowohl beim Leser als auch beim Erzähler um eine Beziehung der Notwendigkeit, die aus zweierlei hervorgeht, aus der extratextuellen Grundlage und aus der Poetik der historiographischen Erzählung. Die Aufgabe des Narrators besteht nicht nur darin, die historischen Tatsachen zu erzählen, sondern auch darin, die Übereinstimmung ihres Verlaufs in der "Geschichte" mit ihrem tatsächlichen Verlauf unaufhörlich zu überprüfen, wie man ihn mit der Methode der historischen Wissenschaft aus den Quellen ermitteln kann. Der Historiograph als Erzähler erfüllt also neben der gewöhnlichen Rolle auch die Rolle des Korrespondenten. Wie diese Rolle auf extratextueller Ebene zu verwirklichen ist, ist für den vorliegenden Aufsatz nicht relevant, auf der Textebene ist ihr Reflex die Berufung auf die Fachliteratur, die fachwissenschaftliche Autorität, die Anführung von Quellen und ähnliches.

1. Vor allem die Anführung von Quellen auf die Weise, daß diese zum Bestandteil der narrativen Struktur des Textes werden, zieht Veränderungen im Fokussierungscode nach sich und als Folge in der Erzählsituation. Für die Gestaltung der narrativen Struktur des Textes ist die Anführung von Quellen bestimmend, die in der Form von Briefen, Skizzen, Landkarten, Einladungen, Erinnerungen und Auszügen aus Archivmaterial an bestimmten Stellen des Textes auftreten und die Rolle von Naremen übernehmen. Dabei denken wir natürlich vor allem an diejenigen Eingriffe, die funktional in den Erzählstrom eingegliedert sind, die seine Kohärenz nicht zerstören, deren Rolle es ist, nicht unbedingt nur den historischen Diskurs zu formen, sondern auch die Rezeption wesentlich vielfältiger zu gestalten und so die historische Tatsache dem Leser näherzubringen. Wenn wir dabei berücksichtigen, daß den Historiker konkrete Ereignisse und Leute interessieren, daß man kein Ereignis von dem Ort und der Zeit trennen kann, wo es stattgefunden hat (Grafenauer 1960: 9), dann ist eine solche direkte Lenkung der Rezeption nicht ungewöhnlich. Die Quellen, die für Erzähler-Historiographen die sogenannte extratextuelle Basis darstellen, die die Erforschung vergangener Tatsachen ermöglichen, treten unmittelbar auch im Text selbst in Erscheinung und übernehmen eine wichtige Doppelrolle. Jedoch muß man auch die kategorische Begrenztheit des Historiographen berücksichtigen, der eine eventuelle Bildung der Geschichte lenkt, so daß ihn beispielsweise die Einladung zum Tanz der Bürger von Celje nicht zu einer

eigenwilligen Konstruktion des Ereignisses führen darf, die zwar Gefallen fände, aber auf der Ebene des historischen Diskurses höchst problematisch wäre. Ein Erzähler-Historiograph, der die Geschichte erzählen möchte, befindet sich so in einer für den Schaffensprozeß schwierigen Lage, er muß nämlich immer wieder die grundlegende Richtlinie des Faktums mit Blick auf die Fiktion variieren und sich dabei noch an ein passendes sprachliches, stilistisches und narratives Verfahren halten.

2. Die kritische Einstellung ist die Lage des Forscher-Historiographen auf der Stufe, wo er das Material sammelt, kritisch auswertet und analysiert und zu neuen Erkenntnissen gelangt, also die Lage innerhalb der epistemologischen Phase, und stellt eine Art Parallele zum Fokussierungswinkel dar, der Teil seiner narrativen Strategie ist. Aus dem Inhalt oder vielmehr der Natur des kritischen Standpunktes gehen hervor die Diegese und der Fokussierungscode der historiographischen Erzählung, die nicht nur die Vorstellung der Wirklichkeit gestalten, sondern die wirkliche Vergangenheit wieder erschaffen. Gerade die Natur des kritischen Standpunktes und der daran gebundene Fokussierungscode sind das Wesentliche bei der besonderen Situation, wo beide Protagonisten des narrativen Aktes in eine Beziehung treten, in der sich nach Benvenist die Sprache als Rede verwirklicht und die wesentliche Rolle bei der Vertextung von etwas übernimmt, was es "bislang nicht gegeben hat". Angesichts dessen können wir zustimmen, daß in der historiographischen Erzählung die Mimesis, weil der Erzähler überwiegend in seinem Namen spricht, in die Diegese übergeht, so daß es zur Veränderung der Tendenz nach Gestaltung der Vorstellung der Wirklichkeit zur Poetik der narrativen Übertragung des Wirklichen auf das Wirkliche kommt, und deshalb auch in der Komposition der Erzählung ein voraussehbares zeitliches Kontinuum berücksichtigt ist.

2.1. Obwohl die Erzählphase von der epistemologischen Phase abhängig ist, ist schon voraussehbar, daß der Forscher-Historiograph schon im Prozeß der Materialbearbeitung wenigstens zum Teil die Anforderungen des narrativen Verfahrens berücksichtigt, das bedeutet, daß er unter dem Material, wenn nur möglich, auch solches auswählt, was er als Nareme gebrauchen könnte, wie z.B. die Karikatur aus dem deutschen humoristischen Blatt Kikeriki (Studen 1995: 6).

Daß der Historiograph unter dem Material bewußt auch solches auswählt, das die sogenannte narrative Urstruktur enthält, beweist auch die "Komposition" von M. Žvanuts Aufsatz (1989). Den Text unterbrechen nämlich drei Photographien. Die beiden ersten, die Beratung beim Kaiser (380) und der Tanz in der Wiener Hofburg im Jahre 1568 (482), befinden sich hinsichtlich des im Aufsatz behandelten Themas außerhalb seines Bedeutungsfeldes und gliedern sich als solche nicht in die angewandte Erzählstrategie ein; das dritte, das Siegel

Jošt Gallenbergs, stellt aber, weil Gallenberg eine der "Hauptpersonen" des Aufsatzes ist, seinen, für die Narrativität des Textes unentbehrlichen Teil dar.

Die angeführte Feststellung, die vielleicht für einen Teil der Fachwelt problematisch ist, sollen auch die Zitate aus dem Reisetagebuch P. Santoninos (Štuhec 1995: 138) untermauern, die durch entsprechende Eingriffe des Erzählers zu einem geistreichen narrativen Segment abgerundet sind. Die Erzählung tritt gerade durch ihre wohlüberlegte Eingliederung in den Kontext wenigstens ein wenig aus dem behandelten Thema (Badewanne und ihre eventuelle Verwendung) heraus und spielt in origineller Weise auf die Frivolität an:

"Aber waren die Krainer Adligen wirklich solche Schmutzfinke? Gewiß ist etwas Wahres daran. Ähnliche Gefälligkeiten, wie sie im Herbst 1485 Paolo Santonino in der Kräntner Burg Preisseg erlebte, hätte ein Reisender in einer Krainer Burg des 17. Jahrhunderts nicht erleben können. Daß ihn die junge und darüber hinaus noch schöne Gemahlin des Hausherrn auf Geheiß ihres Gatten im Bad *"ganz sanft mit weißen und weichen Händen den Leib bis exklusiv zum Bauch gerieben hätte"*⁶¹, ihm daraufhin *"durch reichliches Übergießen mit Wasser ... die Glieder vom Bauch bis zu den Fersen gereinigt"*⁶² und sich schließlich noch bedankt hätte, *"weil er die erwiesenen Gefälligkeiten so geduldig zu ertragen geruhte"*⁶³, konnte sich nicht ereignen. (Štuhec 1995: 138)

Zur Vertiefung und Verbreitung des behandelten Themas, zur Gestaltung des historischen Diskurses sind die Zitate aus dem Reisetagebuch zwar konstitutiv, aber ihr Wesen ist vor allem bei der Organisation sowohl der narrativen als auch der stilistischen Struktur des Textes erkennbar.

Die Auswahl und die Vorbereitung des extratextuellen Materials für diejenigen Texte, deren Ziel es ist, die Geschichte zu erzählen und nicht nur zu analysieren, ist eine heikle Angelegenheit, denn man muß berücksichtigen, daß der historiographische Text sowohl auf der Ebene des historischen Diskurses als auch auf der Ebene der Erzählung wirken muß, wobei nicht nur die Wahl des entsprechenden stilistischen Verfahrens wichtig ist, sondern auch der angewandte Fokussierungscode. All das bedeutet aber nicht, daß eine gute historiographische Erzählung unbedingt nur dem schon zu Beginn ausgedrückten Wunsch des Autors nach narrativer Vermittlung der Geschichte entsprechen muß. Gewiß unterscheiden sich einige historische Themen nach ihrer "Narrativität", verschiedene Vertextungsmöglichkeiten können sich allerdings auch während der Arbeit selbst ergeben.

Die epistemologische Phase hat einen unmittelbaren Einfluß auf denjenigen Teil der Struktur des Fokussierungscode, der die Glaubwürdigkeit und die Kompetenz gewährleisten muß, die Erzählphase dagegen auf denjenigen, der gemäß der Merkmale des Erzählens und der Regeln der Geschichte die Aneinanderreihung der Ereignisse, das Verhältnis der dargestellten Personen zu diesen und die zeitliche und räumliche Bestimmtheit der einzelnen Segmente in der Erzählung ermöglichen muß. Und nicht zuletzt hat der Fokussierungscode einen unmittelbaren Einfluß auf die stilistische und rhetorische Ebene.

2.2. Für die historiographische Erzählung ist eine Erzählstrategie charakteristisch, die auf einem extradiegetischen Erzähler und einer äußeren und inneren Fokussierung basiert. Die äußere Fokussierung erweitert die Perspektive des Erzählers auf alle Segmente der Erzählung, die innere hingegen reduziert seine Perzeption auf einen ihrer Segmente. Die äußere Fokussierung stellt also die Segmente dar, die fokussiert sind durch den Erzähler-Historiographen, die innere hingegen diejenigen, die durch das Medium der Quellen fokussiert sind.

Aufgrund der besonderen Rolle des Erzähler-Historiographen, die eine kategorische Übereinstimmung mit den Regeln des Fachgebietes lenkt, aufgrund der besonderen Forderungen der epistemologischen Phase, aufgrund der Forderungen der Ebene des historischen Diskurses besteht in der historiographischen Erzählsituation eine besondere Erzählsituation, und zwar die Erzählsituation der kontrollierten Unmittelbarkeit und der damit in Zusammenhang stehende charakteristische Fokussierungscode. Im Grunde verläuft die Rezeption durch die Optik doppelter Linsen, wobei es möglich ist, daß der Erzähler das angeführte System abschafft und in seiner Erzählstrategie wenigstens scheinbar eine entscheidende Rolle unmittelbar auch der Quelle verleiht. Jedoch muß man hier wieder darauf hinweisen, daß der Erzähler der historiographischen Erzählung auch eine Autorität und eine Referenz darstellt, der seine Rolle unaufhörlich aufrechterhalten muß und deshalb seine extradiegetische Lage, die schon aus der epistemologischen Phase hervorgeht und ihm den Überblick über das Ganze gewährleistet, nicht verbergen darf.

Die Erzählsituation setzt sich demnach zusammen aus dem extradiegetischen Erzähler und einem komplizierten Fokussierungscode, der eine äußere Fokussierung des Erzählers ermöglichen muß, sowie drei Arten der inneren indirekten Fokussierung, eine permanente, eine mehrfache und eine veränderliche, und eine innere direkte und permanente Fokussierung. Die innere indirekte Fokussierung, in der Praxis durch ihre drei Varianten zum Ausdruck gebracht, stellt eine Fokussierung mit doppeltem Subjekt oder die Umstände dar, wo der Erzähler extradiegetisch ist, der Fokussator hingegen intradiegetisch. Bei allen dreien handelt es sich um eine Interpretation der Quelle, der Unterschied

besteht allerdings in der Beziehung der Quelle zum Objekt, worauf die Quelle hindeutet. Die innere permanente und indirekte Fokussierung stellt die Interpretation der einzelnen Quelle dar, die innere, mehrfache und indirekte indes die Interpretation der Quellen, die auf dasselbe Objekt hindeuten, die innere veränderliche und indirekte auf die Interpretation der Quellen, die auf verschiedene Objekte hindeuten. Für die Erzählung ist von Bedeutung, welchen Quellentyp der Historiograph gebrauchen wird, denn dieser muß angesichts seines historisch-diskursiven Wertes auch als Narems funktionieren, das bedeutet, daß er nicht nur ein Element der Glaubwürdigkeit ist, sondern auch ein Element, das mit seiner narrativen Urstruktur die narrative Geschlossenheit, den inneren Rhythmus der Erzählung und ihre kompositorische Festigkeit mitgestaltet. Für die historiographische Erzählung ist die Quelle also auch wegen ihrer eventuellen rhetorischen Wirkung wichtig, die sie schon in sich trägt, und der potentiellen Energie, die im Entstehungsprozeß der Erzählung organisierbar sein wird.

Der Erzähler läßt in bestimmten Segmenten der Erzählung die Quelle unmittelbar "sprechen" (Typ der inneren, permanenten, unmittelbaren Fokussierung). Eine solche vollständige Eingliederung der historischen Referenz ist abhängig sowohl von den Bedürfnissen des historischen Diskurses als auch von den Forderungen der historiographischen Erzählung und stellt eine Veränderung der Erzählsituation dar. Die narrative Situation der kontrollierten Unmittelbarkeit, die die Segmente beherrscht, in denen das Besagte eintritt, gewährleistet eine notwendige Objektivität, die wir als philosophische Kategorie oder als grundlegende Forderung des historischen Diskurses verstehen können. Sie ist der Beweisrest einer sonst nicht wiederkehrbaren Vergangenheit, einbezogen in ihre Re-Konstruktion. Die angeführte Veränderung in der narrativen Situation ermöglicht also, daß sich die Rezeption unmittelbar zur Photokopie der Einladung, der Korrespondenz, der geographischen Karte, der Photographie und ähnlichen orientiert. Aber das bedeutet trotz der Unmittelbarkeit, daß die Rezeption vollkommen frei wäre. Der Erzähler-Historiograph gestaltet nämlich das Bedeutungsfeld, innerhalb dessen sich der Leser befindet. Da sich der Erzähler-Historiograph also niemals vollkommen ausschließt, ist auch die unmittelbare Einbeziehung der historischen Referenz ein "Schritt" innerhalb der Erzählsituation kontrollierter Unmittelbarkeit. Eine Neutralisierung aller, für die narrative Situation der Allwissenheit charakteristischen Verfahren verläuft deshalb in begrenzter Form, und zwar bis zu der Stufe, wo sich der Fokussierungscode verändert, wo die Erzählerperspektive vom Schauen durch die mittelbar oder unmittelbar dargestellte Person gelenkt wird, aber nicht weiter als die schon geschaffene, im voraus gestaltete Situation. Ich denke an die Situation, in der dem Leser ein besonderes Recht des Verstehens aberkannt wird und dieses den Forderungen

der wissenschaftlichen oder fachlichen Natur des Textes untergeordnet sein wird.

Dennoch verändert sich in der narrativen Situation der kontrollierten Unmittelbarkeit die Lage des Lesers im Hinblick auf das Erzählte. Sie steht in der Tat dem Ereignis nahe. Wegen der inneren Fokussierung setzt sie sich scheinbar mit dem Erzähler gleich, beide werden nämlich abhängig von der Quelle.

Wegen der spezifischen Lage, die auch die narrative Situation der kontrollierten Unmittelbarkeit ermöglicht, hat der extradiegetische Erzähler einen notwendigen Grad an Zuverlässigkeit (Stanzel 1989: 201). Er erhält und stärkt sie auch durch die Anwendung des entsprechenden wissenschaftlichen Forschungsinstrumentariums (Cohn 1995: 108). Der Erzähler könnte seinen Ausgangspunkt hinsichtlich des Erzählten natürlich bis zu der Stufe verändern, die die Kategorie der Wahrscheinlichkeit bis zu dem Grad relativisieren würde, daß sie in die Rezeption eine Störung einführen würde, die das Schema verändern könnte, wonach die Beziehung zwischen ihm und dem Leser aufgebaut ist. Eine solche Erzählstrategie könnte zwar eine interessante Strukturierung der narrativen Ebene des Textes darstellen, aber zum Schaden der Funktionsweise der Ebene des historischen Diskurses. Daraus ist zweierlei zu schließen, und zwar erstens: die Beziehung zwischen der Narrativität und der Diskursivität des historiographischen Textes bringt ihren gegensätzlichen Charakter zum Ausdruck, der aber dem Historiographen mit bestimmten narrativen Ambitionen und "literarischer" Begabung die Möglichkeit ihrer gegenseitigen Verbindung einräumt, und zweitens: der extradiegetische Erzähler-Historiograph ist begrenzt durch die Lage, die von extratextuellen Kategorien bestimmt wird, der Kompetenz, der Referenz, der Glaubwürdigkeit und der Übereinstimmung mit den Regeln des Fachgebietes.

Angesichts dieser theoretischen Vertiefung in die Erzählstrategie des Historiographen dürfen wir natürlich nicht die Tatsache vernachlässigen, daß historische Quellen ihrer Übersichtlichkeit nach verschieden sind, und daß das Gesagte nur für diejenigen zutrifft, die auch dem nichtinformierten Leser zugänglich sind (nicht zuletzt auch deshalb, weil ihre Einbeziehung in die Erzählung angemessen vorbereitet ist.)

Eine Quelle, die eine starke narrative Urstruktur enthält, ist die Korrespondenz, wie z.B. diejenige zwischen Jošt Gallenberg und Janez Jožef Egk von der Mitte des 16. Jhs. Sie hat eine Dialogstruktur, ist ein authochthones Dokument, weswegen ihre mimetische Beschaffenheit sogar überschritten ist. Sie ist ein Beispiel für die Einbeziehung der historischen Referenz, die nicht nur Informationscharakter hat (Žvanut 1988), daß J.J. Egk häufig krank war, daß sich J. Gallenberg um die Stelle des Krainer Vizthums bewarb usw., sondern auch Fragen von Assoziationen, Erlebnissen und Emotionen aufwirft.

Im Fall der Korrespondenz ist auch zu berücksichtigen, daß diese zwar eine Veränderung des Fokussierungswinkels hervorruft, daß sie eine Abwechslung darstellt, ihre vollständige Einbeziehung bedeutet aber auch, daß die memorierte Realität auf der Zeitachse in mehrere Segmente und zeitliche Situationen eingeteilt ist, die "gleichzeitig" mit dem Vertextungsprozeß verlaufen; das bedeutet, daß die epische Distanz zwischen dem Subjekt und dem Objekt auf eine kritische Stufe reduziert ist. Einen besonderen Aspekt der dialogischen Struktur der Korrespondenz zeigt die Tatsache, daß eine fragmentarische Einheit des Lebenssegmentes nicht von einem Punkt aus gestaltet ist, die Lage des Erzählers bewegt sich vielmehr wesentlich auf der Zeitachse.

Ein interessantes Beispiel für eine Quelle mit ausgedrückter narrativer Urstruktur sind auch die epischen Dichtungen im Text A. Žižeks *Sirota jaz v zaporu živim* (Ich Armer lebe im Gefängnis; 1995); 107 Strophen des Gedichtes *Pesem o teharskem taborišču* (Gedicht über das Lager in Teharje), 7 Strophen der *Restantska* (Arrest) und 19 des Gedichtes *O piskru* (Vom Topf) stellen eine vollkommene Einbeziehung der historischen Referenz oder vielmehr der narrativen Situation der kontrollierten Unmittelbarkeit dar, die dem Leser einen "unmittelbaren" Kontakt mit denjenigen ermöglicht, die nach dem Krieg des Verrates angeklagt wurden. Zu dieser Gruppe gehört auch die Beschreibung der Begegnung Johann Gottfried Seumes mit dem slowenischen Gastwirt (*Šepetavc* 1994: 20).

3. Charakteristisch für die Erzähltexte aus dem Korpus ist, daß der Erzähler-Historiograph mit einer wenigstens annähernd literarischen Geste und scheinbaren Gleichgültigkeit gegenüber den Regeln des Faches den Raum und die Zeit beherrscht sowie die Personen und die darin befindlichen Gegenstände. Die Beschaffenheit der äußeren und der inneren Fokussierung lenkt die narrative Perspektive zur Panorama- und Szenariumartigkeit und, was am wichtigsten ist, zur spontanen Verbindung zwischen der historischen Erzählung und dem historischen Ereignis, die zum Aufbau des historischen Diskurses genutzt wird. Beispiele für Variationen von Faktum und Fiktion, für interessante Parteinahme und Wertung, für abwechslungsreiche Interpretation der Quellen, für subtile Gedankenspiele verschiedener Fokussierungswinkel, für geistreiche und ironische Eingriffe des Erzählers, aber auch für notwendiges wissenschaftliches Instrumentarium und ernsten wissenschaftlichen Zugang sind in der modernen slowenischen Historiographie eine augenfällige und erfrischende Erscheinung. Zu den schon erwähnten Texten gehören wenigstens noch *Sapralot*, *To bo pa močan strel* (Das wird aber ein starker Schuß; Cvirn 1994) und *Kranjska suita za zrcalo, vilico, nož, žlico, kavno ročko, čajnik in njuhalni robec* (Krainer Suite für Spiegel, Gabel, Messer, Löffel, Kaffeekännchen, Teekanne und Schnupftuch;

Štuhec 1994) und Turki so v deželi že (Schon sind im Land die Türken; Simoniti 1990) oder sogar mehrere Texte der Mitarbeiter von Celjes Zeitschrift *Zgodovina za vse* (Geschichte für alle), deren gemeinsames Merkmal die neue (alte) Auffassung der Historiographie ist, die nicht mehr die Qual einer konzentrierten Gelehrsamkeit darstellt, sondern ein lebenslustiges Treiben von Leuten, die alles zulassen und entschuldigen - ausgenommen die Langeweile (Grdina 1994: 68) und damit tatsächlich die Grenze zwischen dem *écrivain* und dem *écrivain* verwischen.

Quellen- und Literaturverzeichnis:

- Mieke Bal**, Prema kritičkoj naratologiji, Republika XXXXIV/7-8 (1988)
- Roland Barthes**, From Work to Text, übers. v. S. Heath (New York: Hilland Wang, 1977)
- Vladimir Biti**, Pripovijedanje, Umjetnost riječi XXVI/1-2 (1982)
- Rajko Bratož**, Krščanstvo v Ogleju in na vzhodnem vplivnem območju oglejske cerkve do nastopa verske svobode (Ljubljana: Teološka fakulteta, Filozofska fakulteta, 1986)
- Dorrit Cohn**, Narratologische Kennenzeichen der Fiktionalität, Sprachkunst, Beiträge zur Literaturwissenschaft XXVI/1 (1995)
- Jonathan Culler**, Priča i diskurz u analizi pripovjednog teksta, Republika XXXX/1 (1984)
- Janez Cvirn**, Kri v luft! Čreve na plot! Oris družabnega življenja v Celju na prelomu stoletja (Celje: Novi tednik, Radio Celje, 1990)
- Jacques Derrida**, Glas in fenomen, übers. v. Z. Skušek, (Ljubljana: ŠKUC, Znanstveni inštitut FF, 1988)
- Lubomir Doležal**, Poetika zapada (Sarajevo: Svjetlost, 1991)
- Peter Gay**, Style in History (New York: W.W. Norton & Company, 1988)
- Gerard Genette**, Discours du récit, Figures III (Paris: Seuil, 1972)
- Bogo Grafenauer**, Struktura in tehnika zgodovinske vede (Ljubljana: Univerzitetna založba, 1960)
- Ustoličenje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev (Ljubljana: SAZU, 1952)
- Igor Grdina**, Problem literarnega zgodovinopisja na Slovenskem, Zgodovina za vse I/1 (1994)
- Mirjana Gross**, Historijska znanost, (Zagreb: Liber, 1980)
- Käte Hamburger**, Logika književnosti, übers. v. S. Grubačić, (Beograd: Nolit, 1976)

- Roman Ingarden**, Das literarische Kunstwerk (Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965)
- Wolfgang Kayser**, Das sprachliche Kunstwerk (Bern: Francke Verlag, 1956)
- Jelka Kernev Štrajn**, Naratološki modeli in dvoravninska koncepcija narativne strukture, Primerjalna književnost XVIII/2 (1995)
- Janko Kos**, Očrt literarne teorije (Ljubljana: DZS, 1983)
- Julija Kristeva**, "Revolution in Poetic Language", The Kristeva Reader, hgb. Toril Moi, (New York: Columbia University Press, 1986)
"Word, Dialogue and Novel", The Kristeva Reader, hgb. Toril Moi, (New York: Columbia University Press, 1986)
- Oto Luthar**, Med kronologijo in fikcijo (Ljubljana: Zps, 1993)
- Brenda K. Marshall**, Teaching teh Postmodern (New York, London: Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1992)
- Arnaldo Momigliano**, Razprave iz historiografije (Ljubljana: ŠKUC in Znanstveni inštitut FF, 1989)
- Shlomit Rimmon Kenan**, Narrative Fiction: contemporary poetics (London, New York: Methuen, 1983)
- Vasko Simoniti**, Turki so v deželi že: turški vpadi na slovensko ozemlje v 15. in 16. stol. (Celje: Mohorjeva družba, 1990)
Knjiga o navideznih zgodovinskih protislovjih, Razmislek o arhivskem gradivu, Delo, KL, 18.6.1995
- Franz Stanzel**, Historie, historischer Roman, historiographische Metafiktion, Sprachkunst, Beiträge zur Literaturwissenschaft XXVI/1 (1995)
Theorie des Erzählens (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989)
Tipične forme romana, übers. v. D. Gojković, (Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1987)
- Andraj Studen**, Pedenarca, ksel, kelnarca, žnidar, Socialnozgodovinska analiza izvora in poklicne strukture stanovalcev izbranih ljubljanskih ulic iz let 1869 - 1910 (Ljubljana: Zgodovinski arhiv, 1993)
Bojimo se, da bo tekla kri: ekscesi ob obisku čeških visokošolcev v Celju leta 1899, Zgodovina za vse II/1 (1995)
Suvremena teorija pripovedanja, hgb. V. Biti, (Zagreb: Globus, 1992)
- Anton Šepetavc**, Pridiga o prijaznih, gostoljubnih, dobrih Slovincih, ki niso vedno (bili) taki, Zgodovina za vse I/1 (1994)
- Marko Štuhec**, Rdeča postelja, ščurki in solze vdove Prešeren (Ljubljana: Studia humanitatis, Znanstveni inštitut FF, 1995)
Kranjska suita za zrcalo, vilico, nož, kavno ročko, čajnik in njuhalni robec, Zgodovina za vse I/1 (1994)
Vsi Tukididovi možje, hgb. O. Luthar, (Ljubljana: Krt, 1990)
- Maja Žvanut**, Korespondenca dveh kranjskih plemičev iz sredine 16. stol., Zgodovinski časopis XXXXIII/4 (1989)

Hayden White, Auch Klio dichtet oder die Fiktion des Faktischen (Stuttgart: Klett - Cota, 1986)

Vrijednost pripovjednosti u predstavljanju zbilje, Rival II/1-2 (1989)

Pripovedna situacija v zgodovinopisni pripovedi

(POVZETEK)

V delu sodobnega slovenskega zgodovinopisja je opazno, da se kot način rekonstrukcije zgodovine uveljavlja narativni koncept. To pa pomeni, da se tudi na tem področju odpirajo nekatera zanimiva naratološka vprašanja. Eno od njih je vezano na t.i. pripovedno situacijo in obsega predvsem tip pripovedovalca in tip fokalizacijskega koda.

Fokalizacijski kod zgodovinopisnih, k narativnosti usmerjenih, besedil mora omogočati videnje iz različnih zornih kotov, soustvarjati pa mora tudi pripovedno situacijo nadzirane neposrednosti. Ta je v pripovedni strategiji pomembna zato, ker omogoča pripovedovalcu-zgodovinopiscu ustvariti okoliščine, v katerih skozi medij vira kot historična referenca "zaživita" pred bralcem zgodovinski dogodek in zgodovinska situacija. Seveda lahko tako deluje samo vir, ki vsebuje narativno prastrukturo, vir skratka, ki bo na pripovedni ravni besedila mogel postati narem, osnovna prvina naracije.

Флорий Бацевич

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ,
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Достоянием лингвистической мысли последних десятилетий стало положение, согласно которому язык, его категории, уровни и единицы можно изучать в двух аспектах: семасиологическом и ономасиологическом.

Семасиологический подход является традиционным и наиболее разработанным в науке о языке. В самом общем виде его сущность можно определить так: получатель (слушающий, читающий или исследователь) имеет в своем распоряжении готовый звучащий или письменный текст (в широком смысле этого слова), то есть определенным образом, по законам конкретного языка оформленную совокупность языковых средств, за которыми стоит определенная информация (о “состоянии дел” во внеязыковой действительности, идеях, чувствах, эмоциях и т.п. автора этого текста), то есть значения, смыслы, и он (потребитель, получатель) должен их понять, проанализировать. Иными словами, воспринимающие готовый текст должны его “дешифровать” (“декодировать”), а для этого они употребляют репродуктивные виды коммуникации - слушание, чтение, - то есть в своей речемыслительной деятельности двигаются “от воспринятой формы сообщения к стоящим за ними понятиям, идеям, суждениям, эмоциям и т.п.”.

Сущность ономасиологического аспекта в самом общем виде можно определить так: перед говорящим стоит проблема (в виде интенции или четкого замысла): как правильно (а часто и образно) и какими средствами выразить определенную информацию (о “состоянии дел” в объективной действительности, системе идей, образов, чувствах, эмоциях и т.п.), чтобы она была по мере возможности адекватно воспринята получателем (слушателем, читателем). Иными словами, отправитель информации должен перевести ее в систему языковых знаков (то есть определенным образом “закодировать”) и подать в той форме, которая в среде носителей данного языка считается понятной, правильной, образной. Употребляя продуктивные (“активные”) виды коммуникации, важнейшими из которых считаются говорение и письмо, отправитель речевого сообщения в своей речемыслительной деятельности двигается “от идеи (интенции или замысла) к конкретной форме ее реализации в речи”. Исходя из этого,

можно утверждать, что направление семасиологического и ономасиологического подходов к языку, его категориям, уровням и единицам является прямо противоположным.

В лингвистической литературе последнего времени утвердилась мысль, что динамическому характеру речевой деятельности, языку в процессе коммуникации наиболее полно отвечает ономасиологический подход [10, с.14; 15, с.15; 17, с.32-45], поскольку он сориентирован на продуктивные (“активные”) формы коммуникативной деятельности¹.

Постулирование ономасиологическому подходу к анализу фактов языка преимущественно динамического характера опирается на тот бесспорный факт, что уже простейший акт коммуникации включает номинацию и предполагает ее наличие и, следовательно, при “ономасиологической постановке вопроса на первый план выступает аспект, связанный с функционированием слова как имени” [15, с.15]. В частности, сравнивая семасиологический и ономасиологический подходы к изучению единиц языка, Г.С.Щур связывает семасиологический аспект с исследованием онтологии языка безотносительно к говорящему индивиду, а ономасиологический - с речевой практикой индивидов [30, с.110], то есть с аспектом функционально-коммуникативным.

В настоящее время объектом исследования общей ономасиологии являются все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной, или репрезентативной, функции. Сам же ономасиологический подход к языку понимается как динамичный аспект изучения единиц и категорий всех уровней, роли последних в номинативной деятельности говорящего, их смыслового задания, цели употребления в конкретном высказывании (тексте). Подобный анализ должен предваряться установлением тех онтологически-бытийных сущностей, которые эти средства обозначают в реальном (или мыслимом как реальный) мире. Иными словами, ономасиологический подход является межуровневым, поскольку исследует роль единиц разных уровней в едином речемыслительном процессе создания высказываний (и шире - текста). Однако в современном языкознании предоставлена и более узкая трактовка ономасиологии, понимаемой лишь как учение о процессах названия словом и лексической объективации понятий [см. об этом: 18, с.345; 17, с.37-38].

Коммуникативный и функциональный подходы выдвинули перед ономасиологией ряд новых задач и в первую очередь проблему исследования того, как окружающий человека мир отражается (категоризуется) в слове и как отраженные в слове онтологически присущие миру

¹ “Семасиологический подход связан с исследованием онтологии языка, а ономасиологический - с особенностями его функционирования” [31, с.7].

признаки реализуются в речевой деятельности участников коммуникации. А это уже новый, функционально-ономасиологический аспект исследования, выводящий на установление специфических **типов** значения номинативных единиц, **категорий** функционирующей в пределах высказывания лексики. Этим ономасиология вводится в круг проблем функциональной (и шире - коммуникативной) лингвистики.

Применение ономасиологического (в его отражательном аспекте) подхода к лексическому составу языка связано с определенными успехами в области создания идеографических словарей и многочисленных описаний семантических полей (СП), лексико-семантических групп (ЛСГ) и тематических групп (ТГ) разных языков². В отражательно-онтологическом плане, позволяющем использовать выделенные классы номинативных единиц для нужд функционально-коммуникативного описания языков с позиций говорящего, лексические составы языков практически не изучены. Такое положение во многом объясняется тем, что принципы ономасиологического подхода разработаны в значительно меньшей степени, чем принципы подхода семасиологического. Между тем, для описания языка с точки зрения говорящего, а также для нужд коммуникативной лингвистики крайне необходимо изучение закономерностей функционально-отражательного согласования имен разных семиологических типов (прежде всего идентифицирующих и предикатных) в высказывании, особенно при построении его предикативного центра. Именно в процессе построения последнего осуществляется переход знаков к высказываниям, о принципиальной невозможности познания закономерностей которого писал в своё время Э.Бенвенист [9, с.89]. Между тем, как отмечалось в “Тезисах Пражского лингвистического кружка”, “слово, рассматриваемое с точки зрения функции, представляет собой результат номинативной языковой деятельности, неразрывно связанной ... с синтагматической деятельностью” [25, с.223].

В формировании структуры высказывания огромная роль принадлежит определенным **классам** лексических единиц, ибо абстрактные синтаксические образцы несвободны от лексического материала и эта несвобода, как подчеркивают авторы “Русской грамматики”, колеблется “от более или менее очевидных тенденций к преимущественному использованию определенного лексического материала до ... открытости этого образца лишь для слов отдельных лексико-семантических разрядов и даже только отдельных слов” [22, т.2, с.11-12]. Однако, как отмечает Ю.С.Степанов, проблема

² Укажем обобщающий труд по данной проблеме, где детально описана “стратегия” идеографической лексикографии и дана обширная литература, касающаяся СП, ЛСГ и ТГ ряда языков [13].

лексических вхождений в структурные схемы предложения еще не стала предметом специальных исследований [24, с.14, 29], хотя референтные классы имен совместно с различными типами предикатов в древности определяли и во многом продолжают определять структуру индоевропейского предложения.

Зависимость смысла предложения от референциальной принадлежности слов, составляющих пропозитивное ядро последнего, отмечали А.А.Потебня, А.М.Пешковский, А.А.Шахматов, И.И.Мещанинов и другие (см.подробнее об этом в [7, с.32-33]). В рамках коммуникативного синтаксиса эту зависимость подчеркнула Г.А.Золотова, сформулировав положение о разном семантическом результате участия в организации предложения слов различных лексико-семантических категорий [12, с.31]. Сопоставляя предложения с субъектами разных таксономических классов *Дети играют; Собака лает; Боль утихает; Тревога растет; Огонь разгорается; Шум усиливается* и другие, автор убедительно показывает, что под общей формулой $N^1 + V_{fin}$ скрываются различные сущности: деятель и действие; отвлеченное имя со значением состояния (лица или природы) и глагол со значением фазисного осуществления или количественного изменения; предмет и его процессуальный признак (качество, состояние) или его изменение и т.п. [12, с.31-32]. Однако, утверждая, что имена субъектов в подобных высказываниях отличаются своей категориальной семантикой, Г.А.Золотова еще не раскрывает природы этих отличий. Кроме того, даже в пределах одной и той же структуры, например, “деятель и действие”, скрываются разные денотативные сущности имен: *Дети играют* - “Люди” (действие осознанное, целенаправленное), *Собака лает* - “Животные” (действие инстинктивное). Более того, имя на первый взгляд одного отражательного класса может скрывать разные сущности (ономасиологические статусы), формирующие разные коммуникативные типы предложений: *Дерево растет* - “Растение”; *Дерево гниет* - “Вещество в определенном состоянии”; *Дерево упало* - “Тело”. Иными словами, требуется детальная отражательная типология единиц, формирующих структуру высказывания.

Таким образом, в самом общем виде можно очертить основные проблемы ономасиологического анализа лексики: это динамический подход к номинативным единицам, учитывающий их отражательную специфику и типологию на уровне онтологически-бытийных категорий, с ориентацией на аналоговый аспект высказывания.

Ономасиологическая грамматика (и шире - ономасиологический подход к языку) может быть двух типов: структурной и функциональной [11, с.108]. Оба направления исходят из нужд говорящего, однако, на наш

взгляд, отличаются исходными моментами и целями анализа языкового материала. Функционально-ономасиологическое направление имеет своей исходной точкой интенцию (замысел) говорящего в виде когнитивно обработанного мира, то есть представленного как фреймы, “сценарии”, положения дел. Говорящий, опираясь на эти сети отношений между предметами (“вещами”) окружающего его мира и, соответственно, их имена, по законам данного языка производит “сцепление” последних и строит речевые высказывания. Эти высказывания могут быть стандартными, то есть воспроизводимыми, но могут содержать в себе какие-то новые соотношения единиц, которые, пройдя сквозь “сито” языковых норм, откладываются в языке, формируя новые системные отношения. Иными словами, коммуникативная “траектория” движения говорящего (а вслед за ним и исследователя) такова: “когнитивно обработанная информация о мире → функционирование избранных единиц в речи → готовые высказывания → новое (или прежнее) соотношение языковых единиц в структуре языка”. Структурно-ономасиологическое направление - это прежде всего путь исследователя, который имеет своей исходной точкой систему и структуру языка и движется следующим образом: “языковая структура → функционирование ее составляющих в речи → новое (или прежнее) соотношение единиц в структуре языка”. Представляется, что нуждам изучения языка с максимальным учетом стратегий говорящего, то есть исследователям, идущим в русле когнитивной парадигмы, наиболее полно отвечает функционально-ономасиологический аспект рассмотрения языкового материала.

Идею о необходимости создания “функциональной ономатологии” (функциональной ономасиологии) и функционального синтаксиса как двух важнейших направлений лингвистических исследований языка с учетом коммуникативных потребностей говорящих, выдвинул В.Матезиус [19; 20]. Он считал, что языковая стилизация (то есть создание высказывания, отвечающего замыслу говорящего) состоит из двух стадий (актов): отбора номинативных элементов и создания органического целого, то есть предложения [19; с.228]. „Если представить себе нормальное возникновение коммуникативного высказывания..., то ему предшествует расчленение реальной действительности на отрезки. Эти отрезки по необходимости получают языковое наименование еще до формирования предложения, в котором отдельные слова, обозначающие отдельные элементы действительности, вступают во взаимные отношения, определяемые типом предложения” [20, с.448].

Однако замысел создания функциональной ономатологии, который должен был учитывать участие в процессах номинации человеческого

фактора, со временем претерпел существенную метаморфозу и, по сути дела, остался неосуществленным [26, с.101-102]. Это произошло в силу того, что намеченное уже В.Матезиусом довольно жесткое противопоставление процессов выбора и комбинации языковых средств в дальнейшем было еще более усилено: изучение комбинаторной деятельности и ее формальной техники отошло в сферу синтаксиса предложения, в ономотологии (ономасиологии) же стали изучаться средства и способы номинации, техника словообразования и т.п. Противопоставление номинации и предикации, а точнее функционально-ономасиологического подхода к лексике и грамматике не случайно: оно исходит из того, что грамматика исследует содержательные структуры языковой системы; лексика же не замкнута языком и тесно связана с экстралингвальной действительностью (со “средой” в понимании А.В.Бондарко), с интерпретационно-когнитивными проблемами речепорождения. Соответственно, функционально-ономасиологическая грамматика исследует функционирование грамматических средств в направлении “языковая система → речь”, функционально-ономасиологическая лексикология (если пользоваться термином “лексикология” применительно к номинативным средствам речевой деятельности) должна изучать интерпретационно-отражательные структуры (единицы и категории) лексики в их функционировании в речевой деятельности говорящего, то есть “от когнитивно обработанной информации о мире → к речи”. Однако оба направления функционально-ономасиологического исследования языковых средств тесно связаны, поскольку, например, созданию функциональной ономотологии (в отмеченном выше понимании В.Матезиуса) “должно, без сомнения, сопутствовать исследование номинативного аспекта предложения и подведение синтаксического фундамента под семантику” [26, с.102], что связывает проблему лексической номинации с содержанием и целью коммуникации [2, с.43]. Однако эта связь в исследованиях языка практически до последнего времени не учитывалась. Отдельные аспекты такого подхода заложены в трудах Н.Д.Арутюновой, Ю.С.Степанова, А.А.Уфимцевой, Н.Ю.Шведовой и некоторых других исследователей [см.: 3; 4; 23; 24; 27; 28; 29].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным говорить о функционально-ономасиологическом **направлении** и исследования языка в целом, его уровней, категорий и единиц и функционально-ономасиологической лексикологии как специальном **разделе** функциональной лингвистики, изучающем номинативные средства работающей языковой системы под углом зрения использования их говорящим для построения высказывания в целом и его предикативного центра в частности. По нашему

мнению, функционально-ономасиологическое изучение лексики как самостоятельного объекта исследования должно опираться на анализ номинативных средств языка в динамическом аспекте речетворчества и предполагать установление системоформирующих категорий, отражающих специфику когнитивно-языковой объективации говорящим мира в языковых единицах (когнитивно-отражательный аспект) и речевую реализацию отраженных в слове свойств познанного участка действительности в процессе реческазывания (функциональный аспект) для построения коммуникативной единицы и текста, рассматриваемых преимущественно с точки зрения аналогового синтаксиса. Указанные аспекты неразрывно связаны, ибо функционирование слов в качестве членов предложения является следствием функций, которые развиваются сперва в отдельных актах называния [14, с.28].

Доминирующим направлением анализа выступает направление “от значения (смысла) → к формам реализации в высказывании”. При этом могут использоваться элементы анализа “от формы → к значению”, когда речь идет об общих семасиологических и ономасиологических категориях.

Сформулированное понимание функционально-ономасиологической лексикологии предполагает установление ее важнейших понятий и категорий, в том числе касающихся типологии номинативных элементов работающей языковой системы. В частности, создание такой типологии способствовало бы отражению номинативного аспекта последних - свойства слов вычленять и называть элементы внешнего и внутреннего мира человека, семасиологического аспекта - установления тех признаков лексического значения, которые определяют их употребление, а также коммуникативно-знакового аспекта, отображающего способность слов обозначать мир, представлять его в речевых актах.

Опыт подобной типологии представлен в наших работах [см.: 5; 6; 8], в которых устанавливаются классы глагольных предикатов русского языка в зависимости от функционально-отражательной природы имен субъектов. В частности, выделяются глагольные предикаты деятельности, проявления, протекания, функционирования, нахождения и некоторые другие, имеющие имплицитный характер. Указанные классы предикатов связаны между собой оппозитивными и неопозитивными отношениями [см.подробнее: 8, с.65-93].

Разработка функционально-ономасиологической типологии лексических единиц - одна из важнейших задач, возникающих при изучении формирования номинативных средств действующей языковой системы. Она будет способствовать познанию закономерностей коммуникативного взаимодействия выделенных классов в аспекте построения говорящим

высказывания, в частности, его предикативного центра. Важнейшими проблемами также являются: изучение специфики организации высказываний с именами и предикатами разных функционально-ономасиологических классов; познание закономерностей проявления тропов и фигур в функционально-ономасиологическом аспекте и, конечно, изучение проблем становления системности исследуемого объекта. Применительно к лексико-семантическому уровню языка это означает изучение того, как функционирующие в высказывании элементы претерпевают различные речевые семантические изменения и как эти изменения влияют на внутриязыковые семантические связи элементов словаря. Эта задача вытекает также из отмечавшегося выше узкого понимания ономасиологии как аспекта, направленного на изучение закономерностей возникновения имен в живой речи, в актах синхронного функционирования языка. Иными словами, функциональная ономасиология двунаправлена в системе координат “Язык←→Речь”; само же исследование должно двигаться в направлении от опосредованного мышлением человека отражения мира в слове → к функционированию этого слова в высказывании и через это функционирование → к возможным семантическим модификациям и через них → к результатам, откладываемым в языке, то есть к становлению новых системных отношений в пределах словаря языка. В отмеченном аспекте проблематика функциональной ономасиологии тесно соприкасается с проблематикой функциональной семасиологии³. Отличаясь многими проблемами, задачами, целями, подходами в исследовании лексики, они вскрывают механизмы “живой жизни” языка и его словаря, рождение, становление новых смыслов и значений, их оттенков в конкретном употреблении, влияние новообразований на наличествующие структурные отношения в языке.

Что же касается основных понятий функциональной ономасиологии, то таковыми мы считаем функционально-ономасиологический тип значения, функционально-ономасиологический статус слов и функционально-ономасиологическую группу слов как важнейшую категорию системной организации словаря языка в аспекте речепорождения [см. подробнее: 8, с.20 и дальше].

Из сформулированного выше определения функционально-ономасиологической лексикологии следует, что она является разделом

³ Д.И.Руденко по этому поводу справедливо замечает, что “само понятие “ономасиологического” имплицитно содержит в себе как собственно языковой (семантический), так и “онтологический”, денотативный аспект” [21, с.68]. Г.С.Щур подчеркивает полезность и даже необходимость совмещения отмеченных подходов для решения ряда лингвистических задач [31, с.12].

коммуникативной лингвистики, изучающей номинативные средства языка с позиций говорящего, то есть отвечает задачам создания “активного словаря”. Создание “активных грамматик” и “активных словарей” предполагает такое описание языка, при котором все его единицы, категории и уровни находятся в динамическом, коммуникативном единстве, сопряжении, то есть **интегральное описание языка**. Под интегральным понимается такое описание языка, в котором грамматика и словарь настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию [1, с.57].

Функционально-ономасиологическое изучение лексического состава конкретного языка не может вестись без учета функционально-отражательной специфики составляющих его слов разных лексикограмматических разрядов, то есть частей речи, понимаемых как проекции в мир языка разных по своей сути объектов реальной действительности [16, с.109]. Однако отражательный и, соответственно, когнитивно-интерпретационный аспект остается одним из наименее исследованных, поскольку, как справедливо подчеркивает Е.С.Кубрякова, еще “со времен Аристотеля мало кто занимался специально изучением вопроса о том, что именуют отдельные части речи, к обозначению каких объектов мира они обращены и к каким фрагментам действительности относится та или иная часть речи. Между тем слова светятся отраженным светом вещей” [16, с.109] и изучение способов расчленения действительности и своеобразия ее отражения в языке составляет одну из наиболее интересных страниц в исследовании системы языка. Изучение природы наименования словами разных частей речи представляется важным также для уточнения и развития и самой теории номинации.

Использованная литература:

1. **Апресян Ю.Д.** Интегральное описание языка и толковый словарь//Вопросы языкознания. - 1986. - №2.
2. **Арутюнова Н.Д.** Коммуникативная функция и значение слова//Филологические науки. - 1974. - №3.
3. **Арутюнова Н.Д.** Предложение и его смысл. - М., 1976.
4. **Арутюнова Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. - М., 1980.

5. **Бацевич Ф.С.** Функціонально-ономасіологічний аналіз лексики //Мовознавство. - 1989. - №1.
6. **Бацевич Ф.С.** Функціональна типологія прихованих семантичних категорій дієслівної дії//Мовознавство. - 1990. - №5.
7. **Бацевич Ф.С.** Функціонально-отражательное изучение лексики (на материале русского глагола): Текст лекций по спецкурсу. - Львов, 1992.
8. **Бацевич Ф.С.** Функціонально-ономасіологічне вивчення лексики: теоретическіе і практическіе аспекти (на матеріалі російського глагола). - Львов, 1993.
9. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. - М., 1974.
10. **Гак В.Г.** К типологии функциональных подходов к изучению языка//Проблемы функциональной грамматики. - М., 1985.
11. **Даниленко В.П.** Ономасіологічне напрямлення в історії граматики//Вопросы языкознания.- 1988. - № 3.
12. **Золотова Г.А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982.
13. **Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. - М., 1976.
14. **Кацнельсон С.Д.** Содержание слова, значение и обозначение. - М.; Л., 1965.
15. **Колшанский Г.В.** Некоторые вопросы теории языка в гносеологическом аспекте//Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.
16. **Кубрякова Е.С.** Части речи в ономасіологіческом освещении. - М., 1978.
17. **Кубрякова Е.С.** Номинативный аспект речевой деятельности. - М., 1986.
18. **Кубрякова Е.С.** Ономасіологія//Лингвистический энциклопедический словарь, - М., 1990.
19. **Матезиус В.** О системном грамматическом анализе//Пражский лингвистический кружок. - М., 1967 (а).
20. **Матезиус В.** Язык и стиль//Пражский лингвистический кружок. - М., 1967 (б).
21. **Руденко Д.И.** Имя в парадигмах “философии языка”. - Харьков, 1990.
22. **Русская грамматика.** - Т.1-2. - М., 1980.
23. **Степанов Ю.С.** Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). - М., 1981.
24. **Степанов Ю.С.** Индоевропейское предложение. - М., 1989.
25. **Тезисы Пражского лингвистического кружка//Пражский лингвистический кружок/Под ред. Н.А.Кондрашова.** - М., 1967.

- 26. Телия В.Н.** Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. - М., 1981.
- 27. Уфимцева А.А.** Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. - М., 1986.
- 28. Шведова Н.Ю.** Лексическая классификация русского глагола// Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. - М., 1983.
- 29. Шведова Н.Ю.** Русские бытийные глаголы и их субъекты//Слово и грамматические законы языка. Глагол. - М., 1989.
- 30. Щур Г.С.** Теории поля в лингвистике. - М., 1974.
- 31. Щур Г.С.** О семасиологическом и ономасиологическом подходе в лингвистике//Вопросы лингвистики. Вып. IV.- Томск, 1975.

Наталия Видмарович

ИДЕАЛ КРАСОТЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Среди древнерусских памятников особое место занимает агиография. Попав на Русь в первых переводах с греческого и древнеболгарского языков вскоре после крещения Руси, агиография стала наиболее популярным жанром и оставалась излюбленным чтением русских на протяжении почти 700 лет. Причин этому имеется множество, но мы могли бы прежде всего указать на необычайную гибкость и емкость этого жанра, несмотря даже на достаточно жесткие правила композиционного построения, которого должны были придерживаться агиографы, а также на сам - тоже строго определенный и каноничный способ показа как святого, так и окружающей действительности.

Тем не менее, “в форме жития или легенды излагалось самое разнообразное содержание: и подвиги святых, и крупные исторические события, и семейные мемуары, и различные любопытные похождения” (Буслаев: II, 171-172). А преобладание в житии каких-либо определенных тем и мотивов диктовалось назначением жития и описываемым героем: если речь шла о княжеском житии, то оно могло включать в себя элементы воинской повести и исторического рассказа (ср., например, **Житие Александра Невского**, **Житие князя Довмонта** и др.), насыщенность бытовыми деталями проступала там, где говорилось о повседневной жизни монастыря (ср. **Житие Феодосия Печерского**). Житие могло быть вообще лишено каких бы то ни было исторических и даже биографических сведений, если речь шла об энкомионе, то есть похвале. Житие кроме того могло отличаться полемической направленностью и даже критической заостренностью не только по отношению к окружающей жизни, но и по отношению к властям (вспомним хотя бы жития **Киево-Печерского Патерика**), не имея в этом отношении конкурентов среди других жанров. И, наконец, житие могло содержать в себе даже элементы сказки (ср. хотя бы жития знаменитого **Синайского Патерика**), что безусловно способствовало его занимательности и популярности не только среди высокообразованной публики, но и среди простолюдинов. Житие, таким образом, могло удовлетворять вкусы самых различных общественных слоев, причем не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения чисто формальной.

Но при всем при этом, пожалуй, наиболее ценным в житии был компонент, в силу которого житие и получало совершенно особое место среди других средневековых жанров. Ведь жития, как указывал Н.Трубецкой, помимо биографической и панегирической задачи, выполняли еще и поучительно-дидактическую (Трубецкой Н.: 604). Жития, ориентируясь всегда на одну и ту же тему - изображение духовного роста и преобразования Божьего избранника в святого, предлагали человеку Древней Руси не только готовый образец благочестивого поведения, но и помогали находить правильное решение в самых различных жизненных ситуациях. В этом смысле житие служило человеку прочным нравственным ориентиром в окружающей его суровой действительности. Житие помогало человеку разбираться в вопросах морали и психологии, глубже вдумываться в мотивы и побуждения, которые скрывались за обыденным поведением (ср. Адрианова-Перетц). Но, изображая, по словам Адриановой-Перетц, каждый раз человека в одной-единственной ситуации - ситуации борьбы в его душе земных желаний с требованиями религии и сурового монастырского устава (там же), агиография во многом влияла на формирование нравственного идеала народа.¹ Ведь конечная цель жития “заключалась не в прославлении того или иного конкретного праведника ради его личной праведности, а в прославлении праведных христианских принципов, которые подтверждал своей жизнью этот праведник” (Опудский: 20).

Рамки настоящей статьи не позволяют раскрыть в полной мере вопрос, касающийся принципов изображения подобного идеального человека - агиографического идеала совершенной красоты тела и духа. Вопрос осложняется и тем, что при любой попытке более глубокого анализа мы неизбежно столкнулись бы и с проблемой привлечения исихастской теории - изученной еще далеко не в полной мере - о восстановлении того изначального человеческого естества - первобытного состояния, в котором человек, по мысли исихастов, и был сотворен. Поэтому в данной работе мы затронем лишь некоторые вопросы, касающиеся изображения телесного и духовного начала (не касаясь при этом, условно говоря, “становления характера” святого на пути его духовно-нравственного совершенствования).

Прежде всего следует указать на то, что герой агиографии занимает исключительное положение в мире, причем на протяжении всего жития.

¹ Не случайно жития, незаслуженно пережив полосу забвения в 17-18 вв., были вновь возвращены к жизни в 19 веке под пером Герцена, Гаршина, Загоскина, Лескова, Достоевского, Толстого и других писателей, искавших и находивших в житиях такие положительные примеры, которые могли быть выразителями общечеловеческих ценностей и носителями совершенных человеческих качеств.

Эта исключительность двойного рода: в начале жития он избранник Божий, которому будет уготовано особое место в окружающей жизни (что подчеркивается автором жития в рассказах о чудесных знамениях до или после рождения святого). В конце же жития, последовательно пройдя все искушения на пути к слиянию с Божественным началом, святой предстает уже как человек, наполовину принадлежащий к нематериальному, небесному миру, как воплощение истинного Человека - венца Божественного творения, от которого далеко отстоят все остальные люди, обремененные низменными, земными заботами. Поэтому агиограф сталкивался с далеко не простой задачей - изобразить человека, земное лицо которого было бы, по словам Федотова, растворено “в небесном прославленном лике” (**Избранные жития:** 9). В соответствии с этой задачей житие должно было неизбежно “расстаться с земным реализмом и поднять сырой материал мирских образов на (...) одухотворенную и преображенную ступень” (Трубецкой Н.: 550), знаменующую собой высшую ступень красоты. Необходимо подчеркнуть, что еще в раннехристианской традиции духовная культура связывала с понятием красоты прежде всего простоту и естественность, которой зачастую оказывалась лишённой окружающая жизнь, нередко осуждаемая в житии. Простота и естественность отвечали общей ориентации христианской культуры в целом, ибо красотой истины отличалось учение Христа, а естественность служила возможностью приближения к этой истине через духовное преображение изнутри (ср. Бычков 1995: 214-215). Именно поэтому чувственно воспринимаемая красота оказывалась гораздо ниже, нежели нравственная красота человека, достигаемая им после духовного преображения. “Безмерную простоту”, “простоту без пестроты” противопоставил и средневековый агиограф “житейским красотам” и “суетству мирскому”, стремясь не к отражению физически видимой красоты, а к выявлению ее основной идеи, к познанию сущности окружающего мира, а если речь идет о человеке - то к проникновению в его духовный мир, в эмоционально-мистическую сферу его души.

Именно поэтому в описании главного героя агиографии автор прежде всего и придерживался принципов, которые в своих трудах упоминают ученые Еремин и Адрианова-Перетц: показ монашеских и христианских добродетелей героя, то есть нестяжания, послушания и целомудрия в первую очередь; стремление к устранению в характере героя любых индивидуальных черт; показ главного героя как обобщенного воплощения добра и, таким образом, устранение всего временного, частного и случайного, то есть создание такой фигуры святителя, которая являла бы собой вневременной, вечный и идеальный характер (ср. Адрианова-Перетц). Другими словами, агиография предлагала идеальный

образец человека, который представлял бы собой совершенство и в духовном, и в телесном плане.

Подобный изначальный подход к видению человека по сути и объясняет, почему в житиях отсутствуют конкретные описания святых, несмотря даже на то, что агиографы зачастую были лично знакомы с описываемым святым. Если в житиях и имеются замечания типа *“И поне же младу ему суцу и крепку плотию, - бяше бо силенъ, быв телом, могый за два человека...”* (ЖСР: 318)²; *“крепък телъмь и силенъ”* (ЖФП: 86); *“Егда же въ болший възрастъ прииде, всею телесною красотою и добротою яко светъ сияше”* (ЖАС: 70); *“здоровъ теломъ и красивъ лицомъ”* (КПП: 112); *“Из младых бо ногтей яко же сад благородный показася и яко плод благодный процвете, бысть отроча добролепно и благопотребно”* (ЖСР: 290); *“Егда устраяешся въ священчѣскый санъ, образъ же и подобье на Великого Василья: черну браду таку имея, плешиву разве имея главу”* (ЖАС: 78) и т.д., их вряд ли можно назвать портретным описанием (кроме, пожалуй, последней цитаты, за которую, кстати говоря, автор жития просит прощения у читателей - видимо за то, что допустил себе в житии неуместный реализм: *“Но не зазрите ми, братье, моей грубости, не лжа бо си глаголю или какую хитростью, или мудростью, но многихъ ради, иже его не видеша и не слышаша”*, там же).³ Согласно замечанию Трифуновича, поскольку *“видение мира средневековых писателей зиждется на противоречивом соотношении реального присутствия и ирреального представления образов”* (Трифуневич: 9 - перевод мой, Н.В.), постольку и сам изображаемый мир, и образ несут на себе печать определенной нематериальности. *“Писатели чаще всего указывают лишь на некоторые особенности, которые на слушателей скорее производят впечатление, нежели вызывают представление”* (там же, 17). И хотя жития, как указывает далее Трифунович, и изобилуют в описании святого общими местами, клише, такими как *“большие глаза”, “добрые глаза”, “густая борода”, “иссохшее тело”* и т.д., - описание добродетелей и особенно под-

² Названия цитируемых житий даются в сокращении. Сокращения указываются в списке источников.

³ В княжеских житиях, правда, встречаются более подробные описания внешности - например, в житии Бориса и Глеба, но это сравнительно редкие случаи. Эти описания зачастую даются в конце и они также достаточно условны, ибо святой князь в них описывается как сияющий внешней красотой и всеми добродетелями. Например, об Александре Невском говорится, что *“красив он был, как никто другой”* (ЖАН: 203), но более конкретные - по мысли агиографа - определения невероятно абстрактны, ибо лицо его сравнивается с лицом библейского Иосифа, сила - с мощью Самсона, храбрость с храбростью Веспасиана, ум - с мудростью Соломона и т.д. Редко когда агиограф действительно указывает на какой-либо индивидуальный признак во внешности.

вигов, идущее параллельно, заслоняет, а затем и постепенно вытесняет описание конкретного лица. И это не случайно, ибо изображение святого - причем не только житийное, но и иконное, например, являло собой совершенно иной мир. Как и на иконах, в житиях автор шел не за созданием образа индивидуума и не стремился к реалистическому подражанию. Наоборот, он пытался побудить слушателей или читателей к восприятию прежде всего духовно преображенного мира - к восприятию уже не индивидуальности, а личности.

Однако, было бы ошибкой думать об образе святителя как о схематизированной фигуре, начисто лишенной земных, человеческих черт. В агиографиях вообще-то редко встречаются такие обезличенные фигуры. Специфичность агиографии и состояла в том, что за условными, клишированными выражениями, которые для неискушенного читателя могли быть не более как общим местом, скрывалось необычайно глубокое мистическое содержание, многим зачастую недоступное. Кто из обычных читателей или слушателей задумывался над тем, например, что выражения наподобие “труды к трудам прилагая”, “великы подвиги и поты постнчьскаго житиа творяше”, “слезные молитвы и въздыхания”, “сокрушение сердца и смирение”, “чистота телесная и душевная”, “земные поклоны клал”, “в безмолвии пребывая”, “радостотворный плач”, “худость риз”, “в страхе Божием пребывая”, “храня любовь совершенную”, “препоясатися благодатию” и многие другие, буквально кочующие из жития в житие, по сути весьма последовательно описывали этапы труднейшего и нередко драматичного процесса духовного и телесного перерождения - в духе древней аскетической практики исихастов?⁴ А похвала, даваемая

⁴ Эта традиция духовного преображения известна еще с 3-4 вв. Согласно учениям византийских мистиков, путь этого преображения делился на “прэксис” и “феорию”, названные в древнерусской традиции “безмолвием” и “созерцанием”. Смысл этих двух этапов прекрасно выражен в емкой фразе “очистить сердце мое, острупленное многими струпы душевных вредов и телесных страстей” (ЖСП: 54). Прэксис, помимо очищения от телесных страстей, т.е. воздержания, поста, включал в себя еще бдение, терпение, безмолвие и молитву (ср. в житиях “преходя въ молитвах и въ посте и бдениихъ” /ЖКБ: 64/; “бдения повсенощная, пения трезвенная, молитвы непрестанныя, стояния неседалная, чтения прилежная, коленопоклонения частаа, алканиа, жадания, на земли легания, нищета духовнаа...”/ЖСР: 306/ и т.д.). Вторая ступень - созерцание (полное очищение от “душевных вредов”) - должна была привести святого к высшей добродетели. Она включала в себя умиление, очищающее душу (или дар слез - ср. многочисленные упоминания в житиях: “онъ умиленный плачася” /ЖАС: 98/, “толико умиление дарова ему Богъ, яко ни самого того хлеба могущу ему без слезъ вкусити или слова проглаголати” /ЖКБ: 66/), полное бесстрашие (“кротость”, “незлобие”, “безгневие”), достижение истинной любви и просветления, которые уже непосредственно вели к Богообщению. В этом состояла конечная цель подвигов святого. Надо также упомянуть, что достигнутые результаты не закреплялись навсегда. Намеченная цель достигалась многократно, что влекло за собой

святому в конце жития в также весьма “стандартизованных” выражениях - “столп терпения”, “светило пресветлое”, “иереом красота”, “сожитель преподобных”, “Богоносный старец”, “земной ангел и небесный человек” было точным описанием состояния, которого достигал святой в конце пройденного аскетического пути - состояния так называемого “преподобия”. В чем же состояла суть этого преподобия, к которому так стремились все подвижники?

“Преподобие” как единство красоты духовной и телесной понималось еще византийскими мыслителями, в частности Симеоном Новым Богословом, следующим образом: “Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая - смерть тела; равно как и два бессмертия - душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек” (Симеон: I, 22-23). Адам, совершив грех, умер душою сразу, а телом спустя 930 лет. Вместе с бессмертием души он утратил и бессмертие тела, т.е. “совершенное человечество”, данное ему Богом. Это совершенное человечество (esse homo) будет повторено при рождении Иисуса Христа, его воплощении, но уже с другой целью - для борьбы с диаволом... Бог, рассуждает далее Симеон, принес в жертву Своего Сына, воскресил его, как воскресит в свое время всех людей. “Впрочем души тех, которые веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, в сию великую и страшную жертву, Бог воскрешает в настоящей жизни, и знамением сего воскресения служит благодать Св. Духа, которую дает Он душе всякого христианина, как бы другую душу” (там же, 25).

Итак, человек получает от Адама согласно Симеону Новому Богослову тление и смерть, а от Христа - “второго Адама” - “нетление и бессмертие” (там же, 316). “...Всякий человек с первого дня рождения своего (с момента зачатия) подлежит уже тлению и смерти, и потребна великая и Божеская сила, чтобы возсоздать его к нетлению и бессмертию” (там же, 317). С возрастом человек, живущий в худости, увеличивает в себе и тление. И ему необходимо всевозможные употребить усилия для получения свыше благодати Святого Духа (там же).⁵

настойчивое повторение в разных вариантах этапов пути самоусовершенствования (ср. Maloney, Héber и Хоружий).

⁵ Частичного бессмертия по представлениям мистиков можно было достигнуть еще на земном этапе существования. С этим связано прежде всего представление о “нетленности мощей” и даже их энергетических свойствах (целительная сила, исходящее благоухание, истекание еля, излучение света и т.д.). Любопытно в связи с этим отметить, что аскеты отличались завидной продолжительностью жизни (в сравнении, например, с возрастом людей, принадлежавших к имущественным слоям общества). Причем, чем суровее была жизнь отшельника, тем дольше он жил, сохраняя крепость и бодрость тела и духа. Так, если

Агиография по сути и показывала этот многотрудный процесс стяжания благодати Божьей, на который отважился ее главный герой, и приближения к тому идеалу прекрасного, носителями которого становились подвижники к концу своей жизни.

Первым шагом, ведущим к этому идеалу, был этап “духовно-душевного очищения, познания тварной природы и исцеления ее от страстей, сил хаоса и разлада” (Хоружий: 21) - древнейшая аскетическая традиция, направленная на превращение человека в единую гармоничную цельность. Ведь соприкосновение с Божественной красотой, сознание того, что существует высший мир, противоположный земным богатствам, так же, как и иной мир человека - противостоящий низменным страстям, растлевающим человеческое естество, заставляет человека “посвятить всего себя поискам ‘небесных сокровищ’, ‘сладчайшей пищи’, ‘неизреченных небесных красот” (Бычков 1991: 96). Но вновь лаконично и даже сухо сообщает нам агиограф об этом чудесном озарении души, мгновенно и круто меняющем жизнь будущего святого: “*Странно рожество видяще, устранимся мира и умъ на небо приложимъ*” (ЖКБ: 72).

“Переустройство” охватывает практически все уровни человеческого бытия, но прежде всего тело, а затем душу и ум. И именно поэтому в качестве первого и обязательного условия преображения человека выдвигалась необходимость удаления от мира - пустынножительство - и трудоположничества, т.е. поста, молитвы и постоянного физического (зачастую крайне изнурительного) труда - с целью укрощения плоти и подчинения разуму плотских желаний.⁶ Это было одной из важнейших и труднейших

Стефан Пермский, Феодосий Печерский и Авраамий Смоленский умерли сравнительно рано - в возрасте 50-56 лет (живя в монастырях, находившихся вблизи городов и/или занимаясь общественной деятельностью), то уже Сергей Радонежский и Нил Сорский, большую часть жизни проводившие в глухих лесах, удаленных от жилых мест, посвятившие себя полному уединению, умерли в более преклонном возрасте - первый в 78 лет, а второй - в 75 лет. До 90 лет дожили Кирилл Белозерский и суровый аскет Антоний Печерский, а Павел Обнорский или Комельский, который считался “образцом совершенного отшельника, редкого на Руси” (Кологривов: 127) дожил до 112 лет! Все это указывает на то, что “бессмертие плоти” понималось не просто как метафора будущей загробной жизни.

⁶ Пост считался едва ли не самой тяжелой ступенью на пути духовного восхождения. Не случайно многие жития посвящают ему большое внимание. Ведь даже знаменитый Иоанн Златоуст разболелся, будучи не в силах долгое время выдерживать голод. Следуя предписаниям Отцов церкви, которые обжорство считали даже хуже греха стяжательства (сребролюбия) и неповиновения, и русские святители много говорят о воздержании. Согласно, например, Нилу Сорскому, именно страсть к объядению послужила причиной падения Адама (Maloney: 84-85). Агиографии не просто ограничиваются осуждением обжорства, “красных лиц” объедающихся (ЖКБ: 97), или запрещениями типа “Не ешь до сытости”, “Мяса вовсе не ешь... Употребляй простейшую пищу... Похоть плотская - в

задач. Не случайно и нередко многие из подвижников пытались хотя бы частично решить ее еще до пострижения и ухода в монастырь. Так, Моисей Угрин, еще даже не будучи монахом, предпочел темницу, голод и пытки стремлениям богатой польки женить его на себе, чем вызывал недоумение и изумление окружающих; Авраамий Смоленский “ходил как нищий, и стал юродивым” (ЖАС: 71) также до своего ухода в монастырь. В лесу, в полном уединении, в “жизни печальной, жизни суровой” (ЖСР: 297) жил и Сергей Радонежский со своим братом Стефаном до пострижения. Сергей даже после пострижения молился о помощи свыше в борьбе против плотских искушений.

Однако вопрос об отношении в агиографиях к телесности и плоти не так прост и однозначен, как это выглядит. Ибо ошибочно было бы полагать, что подвижники сознательно изнуряли плоть, почитая ее греховной и стремясь к ее умерщвлению. Хотя у поверхностного читателя может создаться именно такое впечатление, иначе как можно было бы объяснить, к примеру, желание Феодосия Печерского носить тяжелые цепи, вонзающиеся в его тело и ранящие его до крови, или проводить ночи на открытом пространстве, подставляя обнаженное тело укусам оводов и комаров? Чем, если не сознательным изнурением “греховной плоти” объяснить поступок Исаакия, затворника Печерского, который, *“не довольствуясь ношением власяницы... приказал купить себе козлище и снять с него мех, который он надел поверх власяницы; мех был необделанный и мокрый, а потом сохся на его теле”* (КПП: 88)? Зимой же, в лютой мороз, Исаакий *“стоял во время утрени въ такой ветхой обуви, что неоднократно ноги его примерзали к камню”* (КПП: 90). *“Умертвил плоть свою... опоясанием железным, непрерывным бдением и постом”* и Марк Пещерник (КПП: 124), *“истек кровью и сгнил от ран и изсох”* (КПП: 152)

насыщении чрева и во множестве разнообразных яств” (Отечник: 23-28), но и предлагают конкретные рекомендации по преодолению голода (ср. Maloney: 84). Следует, однако, сказать, что подвижники проявляли определенную терпимость в отношении поста, особенно к молодым монахам, считая, что пост должен соответствовать силам каждого отдельного человека. Эта терпимость называлась “утешением” и состояла в том, что монастырской братии иногда вне обычного порядка подавали рыбу или плоды. Большое внимание трапезе уделял, например, и Кирилл Белозерский, заботившийся о разнообразии пищи и даже сам ее приготавливавший для других (ЖКБ: 91). А Серафим Саровский, например, даже допускал иным монахам - в случае, если им тяжело было последовательно придерживаться поста - трапезовать один раз в среду и в пятницу (ЖСС: 46). (Ср., например, чудеса, бывшие с некоторыми святителями - в частности с Сергием Радонежским в младенческом возрасте - когда они отказывались сосать молоко матери как раз по средам и пятницам!) На фоне сказанного почти фантастическим звучит утверждение агиографа о Кирилле Белозерском, что тот “пост почитал наслаждением” (ЖКБ: 65).

Никон Сухой, а Иоанн Многострадальный даже проводил целые дни и ночи закопанным в яме, оставив только руки и голову свободными и т.д.

Однако чересчур натуралистические описания изнурения плоти, вызывавшие у агиографов умиление и восторг, как, например, в **Житии Симеона Столпника**, где постоянно описываются гноящиеся раны, смрад, черви и отваливающиеся от тела куски гнилого мяса, в русских житиях практически отсутствуют. Крайний аскетизм был не свойственен русским. Или, лучше сказать, крайний аскетизм по представлениям русских отнюдь не сопрягался с умерщвлением плоти. Воздержанием от пищи, питья и сна тело, по представлениям пустынников, должно быть не изнурено, но как раз наоборот - укреплено (!), ибо аскетизм, являясь “непременным условием одухотворения человеческого облика” (Трубецкой Е.: 203), готовит “грядущий мир человека с человеком и человека с низшей тварью” (там же). Еще Григорий Палама, ссылаясь на Ветхий Завет, утверждал, что только тогда плоть греховна, когда “наслаждение, идущее от тела к уму, делает весь ум телесным... передавая уму свою низменность, от чего и весь человек становится ‘плотью’” (Палама: 166). Но если духовная сладость переходит от ума на тело, то от общения с умом и “тело преобразует, делая его духовным” (там же). Ум пустытника тогда, “оставив заботу о земле... и сам таинственно ощущает Божью красоту и в меру своего успеха передает свою красоту телу” (там же, 167). В житиях это замечательно передается при сопоставлении чисто внешнего (и поверхностного) впечатления от вида святого (иссохшего и безжизненного, одетого в ветхое рубище) и источаемой им благодати, накладывающей на него особую печать, выделяющей и подчеркивающей духовную жизнь. Приведем несколько примеров:

“Образъ же блаженнаго и тело удручено бяше, и кости его, и състави яко мощи исщести, и светлость лица его бледъ имуще отъ великаго труда и въздержания, и бдения, отъ многъ глаголь, яже тружашеся, поя и почитая, и молитву принося къ Богу” (ЖАС: 78); *“Она же видевши сына своего въ таковей скърби суца, бе бо уже лице его изменилося от многаго его труда и въздържания”* (ЖФП: 83); *“видя того въ злострадани и безмерномъ пощени”*, перешедшего “къ убожеству, изнуряя тело свое” (КПП: 156); *“виде блаженнаго в худостне портище, зело раздране и многошвене, и въ поте лица тружашающаяся”* (ЖСР: 354), *“все худостно, все нищетно, все сиротинско”* (там же).

Но наряду с этим - святитель *“постом украшен, въздержанием сияя и братолюбиемъ цветый, кротокъ взором, тих хождение, умиленъ видениемъ, смиренъ сердцемъ, высокъ житиемъ добродетелнымъ, почтенъ Божию благодатию”* (ЖСР: 410); *“...украсил небо и землю. Небо темъ, что взошел туда добродетелною душою, землю же - своимъ пречистымъ*

теломъ” (КПП: 104); “*всячески добродетелми украшен*” (ЖСП: 164); “*чувстви душиевными и телесными благопотребенъ ест*” (ЖСП: 164).

Именно эта преображенная красота духа и тела и становится главным идеалом агиографии. Но она доступна и понятна смотрящему на вещи не “внешними очами, но внутренними”, тому, кто, как сказано в книге Сираха, зрит “не в лице, но в сердце” (ЖСР: 354). К житийным образам святых вполне приложимо сказанное Е.Трубецким об иконных изображениях, тем более, что и агиографию нередко называют в литературе “звучащей иконой”: “Икона - не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только *угадываем*, - икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истонченная телесность? Это - резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь (...). Изможденные лики святых на иконах противопоставляют этому кровавому царству самодовлеющей и сытой плоти не только “истонченные чувства”, но прежде всего - новую норму жизненных отношений. Это - то царство, которого плоть и кровь не наследуют” (Трубецкой Е.: 202-203). Не случайно еще Антоний Великий писал, что плотским чревоугодием “отъемлется страх Божий у сердца и благообразие скромности у лица...” (Отечник: 33). Но только аскетизм и подвиги могут обеспечить человеку “окончательную победу Богочеловека над зверочеловеком” (Трубецкой Е., там же).

С переходом на высшую ступень духовного преображения описание святого все же становится условно говоря более подробным, оставаясь одновременно с этим, а иногда и становясь еще более абстрактным. После очищения души и воскрешения ее здесь, на земле, посредством Духа Святого, святой обретал два признака - ангелоподобность (почти бестелесность) и светоносность, сохраняя эту красоту⁷ и после смерти. “*Красотою как свет*” сиял Авраамий Смоленский, “*красивым и благонравным*” описан и Сергей Радонежский, его внешность честная была прекрасна “*аггелопными сединами*” (ЖСР: 410). “*Лице же святого светляшися, яко снег, а не яко обычай ест мертвымъ, но яко живу или аггелу Божию*” (там же, 404); все, видевшие труды Кирилла Белозерского, считали “*не яко человека, но*

⁷ Красота эта не только не означала красоту в физическом смысле, но и могла быть прямо противопоставлена ей: ср., например, житие Никона Сухого, в котором его тело буквально высыхает при жизни, - однако это позволяет агиографу особо выделить, как это ни странно, “неувядание нетленное” его тела, неплотскую, свойственную скорее небесным существам силу, а также несколько раз подчеркнуть светоносность его облика словами “горел огнем любви к Богу”, “светился добрыми делами” и т.д. (КПП: 152).

яко аггела Божиа посреди себе имеаху” (ЖКБ: 66), а после смерти “и лице его просветися и бяше светло множае паче, егда в жизни бяше” (ЖКБ: 132). “Благообразно и бело” было и тело умершей св. Иулиании (КПП: 178). “Светилом пресветлым”, “сияющим и блистающим лучом”, “золотом”, “пресветлым сапфиром”, “незаходящей звездой” называет Епифаний Премудрый Сергия Радонежского (ЖСР: 418), “светоносным, светолепным старцем”, украшенным “святолепными сединами” (ЖКБ: 94-116), “всесветлой виной” похвального слова называет Пахомий Кирилла Белозерского (ЖКБ: 52). “Лицо светло” было у Феодосия Печерского (КПП: 49) и у Григория Чудотворца (КПП: 111), у Феодосия Печерского лицо “светилось благодатию” (КПП: 40), у Авраамия Смоленского “образъ светель и радостень и похвалень” (ЖАС: 98). Такая светоносность лика святого усиливалась и многочисленными образами нетварного света, принимающего в агиографии самые разнообразные формы: это и свет ангельский, свет Богородицы, чудесные сияния на небе (например, после смерти Авраамия Смоленского), огонь, ходящий по жертвеннику, огненные столпы, видения ангелов, окруженных сиянием (“аггелообразный и чудный муж” с лицом, сиявшим “яко солнце” /ЖСР: 384/) и т.д. Подобные светоносные сцены и эффекты поднимают образ святого на высшую ступень, ибо резкий контраст земного и небесного, тварного и нетварного, создаваемый постоянным противопоставлением света яркого, ослепительного, превосходящего дневной свет светлостью, “паче солнца сияюща” (ЖСР: 394), и убогой тесной кельи или пещерки святого, облаченного в худостные, нищенские одежды, в конце жития разрешается, когда святой после вкушения Божественных даров предстает “светел ликом”, “полный Божественной благодати” - “земной ангел и небесный человек”.

Благодать эта, как главное украшение святого и награда за постническую добродетельную жизнь, получала в житиях особое место, ибо соединение с этой благодатью, доступное лишь немногим, вело к обожению всей личности. Не случайно еще Иларион в **Слове о законе и благодати** выделяет благодать в качестве Божьего дара, пребывающего как со всеми людьми, так и со святыми (ср. “с нимъ”, “на немъ”). Но только святые по истечении определенного времени *удостаиваются* Божественной благодати, *принимают* ее или даже *богатеют* ею (ср. “въ немъ”). Например, Феодосий Печерский после пострижения “разбогател благодатию Божию” (ЖФП: 85); после принятия священнического сана Авраамия Смоленскому “таку благодать Христовъ ... дарова” (ЖАС: 74); в молитве в конце жития Авраамия Смоленского говорится, что только при

добродетельном житии Богъ “*дать благостыню свою и благодать*” (ЖАС: 102)⁸

Святой, таким образом, проходит как бы двойную метаморфозу: на первом этапе мы видим его чисто материальный образ (правда, очерченный лишь схематически, иногда просто подразумеваемый, так что мы скорее воображаем его себе); на втором, после пострижения - перед нами тело, изнуренное постом, иссохшие руки и ноги, сгорбленная фигура, облаченная в рваное бедное рубище и вместе с тем светлый лик, умиленный взор, добрый нрав, тихость и кротость, которые к концу, на третьей, последней ступени, сменяются уже благодатным сиянием на лице, ангелоподобностью, еще сильнее приближающими его к Божественной красоте и заставляющими нас забыть о нем как о человеке с земными побуждениями и индивидуальными чертами и видеть его в ослепительном сиянии истинной красоты: “*a man who is separated from all and who is in harmony with all*” (курсив мой - Н.В.) (**The Encyclopedia**: 46).

Однако особая роль подвижника как идеального образа красоты подчеркивалась и через постоянные противопоставления земной, повседневной обыденной жизни - жизни будущей, вечной. Агиограф мог признавать за этой земной жизнью определенную красоту, к которой он отнюдь не относился враждебно. Более того, как отмечает Х.Лопарев, говоря о схеме похвального жития, родина святого очень часто восхвалялась в отношении естественных природных красот, хотя зачастую и совершенно незаслуженно (Лопарев: 21-22). Так, в **Житии Кирилла Белозерского** отмечается, что место, в котором жил Кирилл, хотя и было глухим лесом, совершенно безлюдным, но одновременно представляло собой “*место убо мало и кругло, но зело красно, всюду, яко стеною, окружено водами*” (ЖКБ: 76). В **Житии Сергия Радонежского** также говорится, что для построения Симоновского монастыря было выбрано “*место зело красно... близ реки Москвы*” (ЖСР: 382). И когда строили монастырь на реке Киржач, монахи также обошли многие места прежде

⁸ Этот качественный скачок в новое состояние передается в житии как переход от преобладания в характеристике святого сложных слов с начальным компонентом **добро-** к словам с начальным компонентом **благо-**. Определением **добро-** автор жития как правило описывает ту часть жизни святителя, которая предшествует собственно его священнической жизни: то есть *доброразумичен, добродетельный и доброрассудный* он чаще в детстве, в юности; он происходит от “добра кореня” и потому он *доброродный*; он - носитель духовной красоты, то есть не просто лепый, но *добротелный, добросердый, добронравый*. Но если **добро-** знаменует собой все еще человеческую сферу, то **благо-** соотносится с высшим миром, характеризуя неземное качество духа (ср. Колесов: 214). Поэтому только в иночестве, после нисхождения на него благодати Божьей он становится *благодетельным, благоподатным, благосердным* и т.д.

чем найти место пустынное, но “красно зело” (там же, 370). К красоте внешнего мира относятся и упоминаемые в житиях храмы светлые и высокие, села прекрасные, золото и серебро, одежды драгоценные. Более того, в житиях особо отмечается строительство и украшение церквей: Стефан церковь пермскую “створи високу и хорошию, юже устрои красну и добру, юже изнаряде чюдну вправду и дивну, дивна бо поистинне и есть” (ЖСП: 90), на Белоозере “тицашеся всяческыми доволы и красотами церковь Пречистыа удовлети и украсити” (ЖКБ: 128). Однако подобно “худостным ризам” святого, скрывающим истинный его образ, эта красота не вечна. В ней “вся суть временная, потом без вести бываемая - аще велика, аще мала - подобна сени и сну преходящу или цвету утренему, иже при вечери усыхающу и отпадающу” (ЖКБ: 50). Этот тленный, но прекрасный мир предлагает святому телесный покой, сон, веселье, людские разговоры, наслаждение, теплую одежду зимой, питье, обильную еду и т.д. Святой же в противоположность этому избирает великие труды и болезни, всенощное стояние, радостотворный плач, молитву к Богу, пост, бдение, воздержание, наготу и безгневную жизнь.

Земной красоте противопоставлена красота небесного града Иерусалима, которой уделяется в житиях гораздо больше внимания: она описывается как “земля кротка и безмолвна, земля тиха и безмятежна, земля красна и всякого исполнь утешения” (ЖСР: 428), жилище - “источникъ животу”, земля “веселяща всегда и наслаждающа”, наполняющая душу “неизреченным веселием” (там же). Поднимаясь на эту наивысшую ступень красоты подвижник обретает свое первоестество: “Плоть истни и иссуши, желаа быти горняго града гражанин и вышняго Иерусалима жителинъ” (ЖСР: 322). Из этой перспективы земная система ценностей предстает уже по-иному, в обратном порядке: если на земном уровне земное отождествлялось с радостью, покоем и удобствами, хотя и кратковременными, то теперь эта жизнь, наоборот, становится символом смерти, труда и печали, скорби и суеты, всего того, что обобщается выражением “многомутное житейское море”. Подвижничество неожиданно обретает новый смысл, прекрасно передаваемый семантически контрастными словосочетаниями: святой, “смирением высокый, ницетою богатый” (ЖКБ: 164), “стяжав нестяжание и безименство” (ЖСР: 418), переходит в конце жития от “смерти в живот, от труда въ покой, от печали в радость, от подвига въ утешение, от скръби въ веселие, от суетнаго жития въ вечную жизнь, от маловременнаго века въ веки бесконечныа, от тля в нетление, от силы в силу и от славы въ славу” (ЖСР: 422).

Освобожденный от плотских оков и человеческих страстей, т.е. преображенный телесно и духовно, аскет переживает последнюю трансформацию, являющуюся и главной целью его жизни: его душа переполня-

ется Божественной любовью, о многочисленных проявлениях которой говорят длинные цепи определений святого, содержащиеся обычно в похвальных словах: *“нищимъ кормителю, скорбящим милостивное утешение, слепымъ вождь, плачущим радость, обидимымъ помощникъ, немощнымъ врачъ...”* и т.д. (ЖКБ: 164). Эта любовь, многократно получаемая святым от Бога за свои труды и возвращаемая им миру, как раз и ставит его в то особое положение на грани соприкосновения земного и небесного мира, о котором мы говорили в начале статьи - “земного ангела и небесного человека”. Кстати говоря, раннехристианские богословы, в частности Ориген, считали даже, что библейская **Песня песней** (стоящая как бы особняком по отношению к другим книгам Библии), как раз и является откровенным разговором с самим Богом, последней ступенью спиритуального восхождения.⁹ Эта любовь, как один из даров Божественной энергии, обеспечивает человеку погружение в “мысленный рай” созерцания, из которого человек “выходит просветленным, радостным, с уверенностью, что он уже вкусил сладость воскресения души, оправдания на Страшном суде и торжествующего бессмертия” (Прохоров: 88). Все тайны бытия открываются ему, как когда-то Адаму (поэтому многие святые и становятся чудотворцами, исцелителями, прорицателями и т.д.)¹⁰ Сподобившись неземной благодати и Божественной любви, человек навсегда оставляет красоту видимого вещественного мира, ибо вновь и вновь стремится к обретению высшей красоты, состоящей в единении, в слиянии с нематериальным принципом - Божественным первоисточником. Поэтому “любовь нелицемерную, равно къ всемъ человекомъ” (ЖСР: 418), как высшую жизненную цель, и проповедовали все славянские агиографы.

⁹ На это указывается в интересной работе Нёбер-а, посвященной исследованиям исихазма в средневековой болгарской литературе. Автор пишет, что по Оригену это спиритуальное восхождение начинается с **Притчей Соломона**, представляющих собой моральный шаг, затем продолжается в **Екклесиасте** или **Проповеднике**, знаменующем физическую ступень, и завершается в **Книге Премудрости Соломона**, являющейся метафизическим уровнем (ср. Нёбер: 458-459).

¹⁰ С этим открытием сокровенного в грядущем мире связано и новое отношение человека к “низшей твари”, уже отмечавшееся в тексте выше. В житиях нередко упоминается привязанность диких зверей к святому и даже дружба с ним - ср., например, знаменитый рассказ из **Синайского патерика** о старце Герасиме и льве, который преданно служил ему и даже сторожил осла (!), или о льве, которому один из отшельников запретил есть мясо, после чего лев действительно питался растениями; об осле, приносившем для отшельников зелье от садовника и др., или эпизод с Сергием Радонежским, кормившим медведя хлебом. Эти символические картины не только напоминают о потерянном рае, когда человек жил в мире со всеми животными, но и подчеркивают реальную возможность возвращения еще при жизни к подобному состоянию.

Источники

“Житие Авраамия Смоленского”. - **Памятники литературы Древней Руси. XIII век.** “Художественная литература”. Москва 1981, стр. 66-105. (ЖАС).

“Житие и подвизи преподобного отца нашего игумена Кирила”. - **Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские.** “Глаголь”. Санкт-Петербург 1994, стр. 50-167. (ЖКБ).

“Житие Сергия Радонежского”. - **Памятники литературы Древней Руси. XIV- середина XV века.** “Художественная литература”. Москва 1981, стр. 256-429. (ЖСР).

“Житие Стефана Пермского” - **Святитель Стефан Пермский.** Ред. Г.М.Прохоров. “Глаголь”. Санкт-Петербург 1995. (ЖСП).

“Житие Феодосия Печерского”. - **Литература Древней Руси. Хрестоматия.** Сост. Л.Дмитриев. “Высшая школа” Москва 1990, стр. 76-103. (ЖФП).

Избранные жития русских святых X-XV вв. “Молодая гвардия”. Москва 1992.

Киево-Печерский Патерикъ. “Лыбидь”. Киев 1991. (КПП).

Отчникъ. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранныя Епископом Игнатием (Брянчаниновым). Санкт-Петербург 1903.

“Повесть о житии Александра Невского”. - **Литература Древней Руси. Хрестоматия.** Сост. Л.Дмитриев. “Высшая школа” Москва 1990, стр. 197-210. (ЖАН).

Святый преподобный Серафимъ Саровский чудотворецъ. Изд. “P.S.”, Московская патриархия. Москва 1990. (ЖСС)

Синайский патерик. Изд. В.С.Гольщенко, В.Ф.Дубровина. “Наука”. Москва 1967.

Литература

1. Адрианова-Перетц В.П. “Задачи изучения ‘агиографического стиля’ Древней Руси”. - **Труды отдела древнерусской литературы**. XX. “Наука” Москва-Ленинград 1964, стр. 41-71.
2. Буслаев Ф. **Исторические очерки русской народной словесности и искусства**. Т.1-2. Въ типографии “Общественная польза”. Санктпетербург 1861.
3. Бычков В.В. **Малая история византийской эстетики**. “Путь к истине”. Киев 1991.
4. Бычков В.В. **Aesthetica Patrum. Эстетика Отцов Церкви**. Научно-издательский центр “Ладомир”. Москва 1995.
5. Колесов В.В. “Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи средневековья”. - **История лингвистических учений. Позднее средневековье**. “Наука”. Санкт-Петербург 1991, стр. 208-254.
6. Кологривов Иоанн (иеромонах). **Очерки по истории Русской Святости**. Изд. “Жизнь с Богом”. Брюссель 1961.
7. Лопарев Х. **Греческие жития святых VIII и IX веков**. Типография императорской Академии наук. Петроград 1914.
8. Maloney A.George. **Russian Hesychasm. The spirituality of Nil Sorskij**. Mouton. The Hague - Paris 1973.
9. Опульский А. **Жития святых в творчестве русских писателей XIX века**. - Published by the Russian Language Journal. East Lansing. Michigan, USA. 1986.
10. Палама Г. **Триады в защиту священнобезмолвствующих**. “Канон”. Москва 1995.
11. Прохоров Г.М. “Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.”. - **Труды отдела древнерусской литературы**. XXIII. “Наука”. Ленинград 1968, стр. 86-108.
12. Симеон Новый Богослов. **Творения**. Т.1-3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Москва 1993.
13. **The Encyclopedia of Religion**. Vol. 1-16. Editor in chief Mircea Eliade. Macmillan Publishing Company. New York. Collier Macmillan Publishers. London 1986. Vol.10.
14. Trifunović Đ. **Portret u srpskoj srednjovekovnoj književnosti**. Biblioteka Istočnik. Kruševac 1971.
15. Трубецкой Е. “Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи”. - **Философия русского**

религиозного искусства XVI-XX вв. Антология. “Прогресс”. Москва 1993, стр. 195-219.

16. Трубецкой Н.С. **История. Культура. Язык.** Издательская группа “Прогресс” - “Универс”. Москва 1995.

17. Hébert Maurice La Bauve. **Hesychasm, Word-Weaving and Slavic Hagiography: The Literary School of Patriarch Euthymius.** Verlag Otto Sagner München 1992.

18. Хоружий С.С. **Диптих безмолвия.** Центр психологии и психотерапии. Москва 1991.

Карой Гадани

СЛОВЕНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Уникальная роль Библии в истории человечества проявилась и в том, что каждое поколение исследователей открывало её новые культурно-исторические грани. К ним относится и феномен издания переводов Библии на языках отдельных славянских народов. Было ли это исторической случайностью или в основе появления подобных изданий прослеживаются глубинные причины социальной и духовной эволюции славянского мира? Постараемся хотя бы в контурах обрисовать ответ на этот вопрос.

Первое, что отметит наблюдательный исследователь, это почти синхронное появление первопечатных библий, в том числе и отдельных её книг, включая Новый Завет, у большинства славянских народов. Не станем здесь вдаваться в историко-хронологические подробности, касающиеся появления первых изданий в разных частях славянского мира, заметим лишь, что первый перевод Библии у южных славян был осуществлен на словенском языке в 1568 г. протестантами П.Трубаром, Ю.Далматином и А.Бохоричем. Расширение географии славянских переводов Библии на Балканах относится к XVII веку - хорватский перевод вышел в 1625 году.

Сегодня славистическая наука дала нам достаточно подтверждений того, что словенский литературный язык в своей основе стал „прорасти” на доленьской диалектной базе. Первый словенский писатель-реформатор Примож Трубар (1508-1586) - родом из села Raščica kod Velikih Lašča - как известно, возвысил свой родной говор до литературного уровня. Он приблизил его в определённой степени говору Любляны, территория которой как в те времена, так и сегодня, находится на границе доленьских и гореньских говоров. В круг П.Трубара в качестве единомышленников вошли и другие литераторы-реформаторы, которые являлись носителями разных диалектов. Юрий Далматин (1547-1589) и Адам Бохорич (ок. 1520 - ок. 1600), также доленьцы, легко овладели языковой нормой, зафиксированной в текстах П.Трубара. Важно, однако, что они уже тогда сознавали, что пишут не только для доленьцев, но и для других словенцев, и потому сознательно вводили в свои произведения гореньские языковые элементы. Ещё один известный писатель эпохи словенского протестантизма Себастиан Крель (1538-1567), родом из Випавы, обогатил словенский письменный язык особенностями нотраньского диалекта. Будучи образованным человеком с современными взглядами на литературу и язык, С.Крель, в частности, многие **германизмы**

П.Трубара **заменял** адекватными словенскими словами и выражениями. Этим он только укрепил язык Трубара, а не разрушил то, что было создано до него, т.к. авторитет Турбара был непререкаем и для Креля.

Без всякого преувеличения можно констатировать, что литературный язык словенских протестантов **кодифицирован** в переводе Библии, осуществлённом Далматином, а также в грамматике ARTICAE HORULAE ... Бохорича, изданной в Виттенберге в 1584 году. С этого времени язык Библии стал на долгие годы нормативным для последующих поколений просвещённых словенцев, особенно когда в 1613 году по Библии было осуществлено издание Evangelija inu listuvi - учебное пособие для католических священников, используемое и для нужд просвещения.

Стоит обратить внимание на то, что изданию переводов библейских книг (а это была, как правило, по большому счёту дотипографская эпоха) обычно *предшествовали или сопутствовали работы по фиксации и закреплению норм соответствующих славянских литературных языков*. Так было с созданием полного свода чешского перевода Библии, едва ли случайно совпавшего с языковой орфографической реформой Яна Гуса; в этом же смысле „Бивлия руска” Франциска Скорины и Острожская Библия Ивана Федорова - могут рассматриваться как две модели, подготовившие возникновение трех близкородственных, но самостоятельных литературных языков - русского, украинского, белорусского. Случай словенского языка в плане издания первого перевода Библии - можно отнести к классическим, т.к. его опыт и традиция были подхвачены и продолжены южными славянами, в том числе и ортодоксальной ориентации. И в XIX веке не случайно В.С.Караджич, тесно сотрудничавший со своим венским покровителем Копитаром, издаёт перевод Нового Завета на народном языке. Не забудем при этом, что первый перевод Священного Писания на основе живой народной речи у южных славян осуществили словенские протестанты, открыв, тем самым, дорогу своеобразной традиции: с одной стороны, **демократизации языка переводов**, когда происходит постепенный отход от библейских текстов на древних книжно-письменных славянских языках и латыни, а, с другой стороны, стремление национальных будителей и кодификаторов и в XVI, и в XIX веке, поднять через эти переводы общественный престиж и значение национального литературного языка.

В связи с этим хотелось бы напомнить о статье американского слависта Радо Ленчека „Парадигма славянской национальной эволюции. Библия - Грамматика - Поэт” [Rado L. Lenček, A paradigm of slavic National Evolution: Bible - Grammar - Poet. - In: Slovene Studies: Journal of the Society for Slovene Studies. 1984. Vol. 6 Num. 1-2. P. 57-71]. Автор рассматривает определённую модель, характеризующую развитие культуры славянских народов и предлагает для этого парадигму компонентов, состоящую из трех

основных культурных событий: перевод Библии на конкретный славянский язык, создание грамматики этого языка и появление поэта, пишущего на языке данной национальной общности. Показательно при этом, что в качестве конкретной иллюстрации автором была избрана именно **словенская модель** (которую мы недаром несколькими строками выше назвали „классической“), отражающая развитие социокультурной ситуации в Словении в преднациональный и национальный период. По мнению Р.Ленчека, она характеризуется тремя основными событиями: Библия Ю.Далматина, грамматика А.Бохорича (1584) и поэзия Ф.Прешерна (1847). Как нам представляется, подобная многокомпонентная модель, снабженная необходимыми дополнениями и уточнениями, может быть использована и для сравнительно-типологического изучения „парадигм национальной эволюции“ культуры отдельных славянских народов, в частности, для выявления роли переводов Библии в процессах формирования литературных языков.

Перенесемся в иную плоскость и рассмотрим первый перевод Библии на словенский язык с точки зрения **словарного состава**. Это тем более важно, что до сих пор не исследован вопрос о том, какая именно часть лексики, вошедшая в язык перевода Трубара-Далматина-Бохорича, сохранилась в современном словенском литературном словоупотреблении.

В качестве практического шага в исследовании лексики словенских протестантов, должна быть рассмотрена христианская богослужебная терминология, три четверти которой, как считают некоторые ученые, совпадает или очень близки по форме и семантике со старославянской [Havráněk V. Spisovný jazyk český - In: Československá vlastivěda, řada II, Praha, 1936.- Str. 4 a násl; Večerka R. Jazykovědný příspěvek k problematice slovanského písemnictví v Čechách X. a XI. století.- Slavia, 1967, Roč. XXXVI, Seš. 3.- S. 425]. Среди них такие, получившие в разных славянских языках соответствующую огласовку древние культовые слова, как „благославить“, „дух(святой)“, „душа“, „Господь-Господи!-Господин“, „грех“, „покаять(ся)“, „лицемер, -ный“, „милосердие, -ный“, „милость,-ный“, „молить(ся), молитва“ и другие дериваты, „мученик“, „надежда“, „вера“, „небо“, „небесный“, „отпустить(грехи), „отпущение“, „спас, -ти“, „святой, -ость“, „смиловаться“, „троица“, „творец“, „(со)творити“, „ученик“, „всемогущий“, „заповедь“ и многие другие, без которых сегодня невозможно представить ни один национальный славянский литературный язык.

Перечислим словенскую богослужебную лексику и терминологию (в современной орфографии), которую нам удалось почерпнуть из словенских переводов Библии, начиная с Ю.Далматина: angel, apstol=apoštel, avemarija, amen, antikrist, blago, blagosloviti, blaznivost, Bog=bug, boštvo, bogaime, bogabojec, bratovščina; ceremonija, cirkev=cerkev, ceremoniški, cerkoven;

domnenie, desnica=pravica (Božja), dobrotā, dobrotljivost, dragota, duh, duhovski, duša; gorivstajanje, greh, grešnik, grešiti, Gospod, glagol=beseda, hudič=Sotona=Sotonika, izkušovan, izkušnjevāc, kadilo, kaplan, kaplanija, klečoč, keršanstvo, kajati se, kletev, kristjan, krivodejanje, krst=križ, krstčanski, krščanstvo, krščēnica, krščēnik, krstiti se, Krist, Krščovanje; maša, mašnik, menih, menihstvo=menihštvo, milost, milostivost, modrost, molitev, molitva, moljenje, mrtvec, navuk (nebeski, krščanski), nabožanstvo, neistota, nesreča, nevera, nepokora, nemilost, nedelja (sveta), nevolja, nežadost, norec, norost, norški, oblačilo, opatriti, očenaš=očanaš, odločenje, otrok, otročič, otročnica, papežni, papežnikov, pastir, pijanec, plesen, počēt, pokopanje, pokora, post, paštenje, poštovan, pot, prepoved, prepovedanje, prešernost, priča, prijatelj, prijazniv, prisegovanje, prošnja; rodovit, skrivnost, slabost, sloboden, slepota, služba (Božja), sodba, sovražnik, spodoba, stid i sram=sramota, starost, strah, strahoviten, svēti, svetec, svetost, svitinja, težkost, tihost, tožba, ubijen, užitek, vbojnik, večnost, zahvaljenje, zakon (Božji), zakonski, zblaznjen, zblaznjenje, zdravje, zлага, zlobost, žalost, žalosten, žegnovanje, žetev, život, živost, žrtva и многие десятки других слов.

Наблюдения над лексическим составом библейских текстов позволяют, помимо уяснения прочих моментов, достаточно четко обрисовать сферу функционирования словенского „культурного языка (диалекта)” в эпоху господства латинского языка в богослужении в славянском этническом окружении. Оказывается, это господство было относительным, ибо церковь не могла не обращаться к верующим с живым словом на родном языке, и благодаря этому - через традицию устных проповедей - в словенский литературный язык вошел, конечно в частично уже преобразованном виде, значительный слой того словарного богатства, которое было создано кирилло-мефодиевской школой в процессе переводческого и оригинального творчества первых славянских просветителей.

Особое место, которое в этнокультурном развитии славянских народов, в том числе и словенского, принадлежало переводам Библии, превращает её в важнейший источник. Главная ценность заключена в универсальности этого источника, что в свою очередь позволяет использовать сами переводы и хронологическую динамику их издания как существенный инструмент научного анализа.

Валерий Лепехин

”ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ” ЛЕСКОВА
(Проблемы композиции)

*Глянешь на Ангела...
радость! Сей Ангел воистину
был что-то неопишное.*

*Вот Ангел! Он в душе
человечьей живет, суемудрием
запечатлен, но любовь
сокрушит печать...*

Н.С.Лесков

Обстоятельный и удачный анализ "Запечатленного Ангела" в его взаимосвязи с иконой и иконописью проделан в прекрасной статье О.В.Евдокимовой. Сформулируем вкратце основные положения и выводы статьи.

Повесть Лескова "построена с учетом композиции житийной иконы, "иконы с деяниями" и литературного жития".

Сходство с житийной иконой состоит в том, что в повести, как в среднике "иконы с деяниями" изображается Ангел, а вокруг него *тринадцать* глав-клейм.

Клейма могут быть разбиты на три смысловых ряда: 3-9 главы — "запечатление" Ангела; 10-12 — поиски изографа; 13-15 — "распечатление" Ангела.

Композиционное решение повести, точка зрения и позиция рассказчика в ней несут в себе элементы обратной перспективы (см.9,с.189-193).

С этими идеями Евдокимовой нельзя не согласиться, но, вместе с тем, мы не можем задаться и некоторыми вопросами: почему именно тринадцать глав-клейм (не нашли себе места в клеймах у исследовательницы первая, вторая и последняя главы)? Или почему клейма разбиваются на три смысловых ряда? Ведь, если речь идет об "иконе с деяниями", то напрашивается скорее четырехчастная структура: два горизонтальных ряда (верхний и нижний) и два вертикальных (левый и правый). Нам кажется, стоит продолжить сделанный в статье анализ произведения, уточнить некоторые выводы и обратить особое внимание на отдельные эпизоды и детали повести, оставшиеся вне поля зрения исследовательницы. В изложении материала мы будем следовать композиции иконы с деяниями.

Средник. В среднике "словесной иконы" с деяниями Ангела бесспорно следует поместить изображение самого Ангела. Рассказчик описывает его так: "Сей Ангел воистину был что-то неопишное. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлоразжественный и этакий скоромощный; взор умилен; уши с тороцами, в знак повсеместного отовсюду слышания; одеянье горит, рясны златыми преиспещрено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эммануилев; в правой руке крест, в левой огнепалый меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголочкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усикам... Вот это была такая икона!" (2, т.5, с.225).

При чтении этого своеобразного "толкового подлинника" возникают некоторые вопросы. Какого именно Ангела имеет в виду писатель (или рассказчик Марк)? Большинство комментаторов склонны отождествлять изображение с Архангелом Михаилом (см. напр. 2, т.5, с.539). В пользу этого предположения говорит красный плащ ("одеянье горит"), изображение Спаса Эммануила¹ на груди, меч в руке. Но почему у него в левой руке крест. С крестом в одной и мечом в другой руке изображаются воины-мученики: вмч. Димитрий Солунский, вмч. Феодор Стратилат, вмч. Никита, св. страстотерпцы Борис и Глеб. Архангел Михаил же изображается, как правило, либо с мерилем (копье) в одной руке и зеркалом (сфера с монограммой Иисуса Христа) — в другой, либо только с мерилем. Если же архангел Михаил изображается с мечом, что гораздо реже, то меч он держит не в левой, а в правой руке, в левой же — ножны. Не указано и как держит Ангел "огнепалый" меч: вверх или вниз острием. С опущенным мечом в левой и крестом в правой руке изображается иногда Ангел-хранитель; так он выглядит, например, на иконе второй половины XIX века "Св. блгв. кн. Александр Невский и Ангел Хранитель" (10, с.2 обл.).

Другой вопрос: Ангел написан в полный рост или это его поясное изображение. Рассказчик описывает его по пояс и переходит к лику. По всему видно, что главное для рассказчика в Ангеле — лик. Лик этот — "самый светлоразжественный", т.е. и светлый, а не темный, "смуглый", что ценили старообрядцы, и божественный, в котором нет каких-либо простых человеческих чувств. При взгляде на икону человек испытывает, по словам Марка, радость и умиление. Это духовная радость (которую никто не отнимет — Ин.16:22) общения с Господом; это и умиление, антиномично

¹ Спас Эммануил (в переводе с древнееврейского — "с нами Бог") изображается в виде отрока, в одной руке Он держит свернутый свиток, другой благословляет.

складывающееся из слезной печали о своих грехах и светлой надежды на безмерное милосердие Божие. Все же в описании лика, как и в описании других частей иконы Ангела, есть иконографическая неполнота: неясно, как изображен лик, — фронтально или в три четверти. Лик Ангела рассказчик называет также "скорпомощным". В связи с этим напомним, что существует чудотворная икона Пресвятой Богородицы "Скоромощница", которую в народе иногда называют "Скорпомощница". Таким образом, Ангел в рассказе Марка частично принимает на себя функцию богородичной иконы. Ниже рассказчик называет Ангела "путеводителем" (2, т.5, с.226), а это отсылает нас еще к одной иконе Богородицы — "Одигитрии", т.е. "Путеводительнице". Ангел "руко-водит" и ведет артель в поисках работы, Ангел направляет Марка и Леонтия в их погоне за изографом, но главное, — Ангел "путеводит" старообрядцев к воссоединению с Церковью.

Так же подробно описаны власы и крылья Ангела. Особое восхищение рассказчика вызывает их "мелкоскопическое", сделанное как бы иголкой, письмо: волосок к волоску, перо к перу, усик к усика (в бороде пера). Но и в описании крыльев есть важная деталь, которая заставляет остановиться на себе: крылья у Ангела "белы как снег". Обычно крылья у ангелов охристо-золотистые, на поздних иконах темно-желтые, почти коричневые, с золотым ассистом; иногда, в соответствии с сюжетом иконы, они могут быть огненно-красными. Даже у ангелов, одетых в ярко белые одежды, например на иконе "Вознесение Господне", крылья — не белые, а охристые.

Итак, если мы захотим по предложенному Лесковым (или Марком) "толковому подлиннику" написать точную икону, то перед нами встанут непреодолимые затруднения. Как писать Ангела: в полный рост или по пояс, фронтально или в три четверти? Меч у него поднят вверх или опущен? Конечно, Лесков и не задавался целью написать толковый подлинник в прямом смысле. Перед писателем была готовая икона; используя только отдельные выражения, формулы, сочетания слов из толковых подлинников, он составил "словесную икону" иконы живописной. Все же попробуем по словесной иконе Лескова восстановить икону Ангела. Итак, это небольшая, аналойная икона; настолько небольшая, что "рядчик" Лука Кириллов при переходах с места на место несет ее в "парчовом кошеле" на груди. Это поясное изображение Ангела, ведь если бы он был написан в полный рост, то лик был бы слишком мал. Ангел изображен с распростертыми крыльями, крылья издали кажутся белыми, но вблизи видно, что они тщательно прописаны, вероятно, золотом. Меч поднят вверх (поясное изображение). Красочную гамму иконы составляют желтый, золотой, красный, белый, лазурь. Может быть в таком виде икона, описанная Марком, приобретает более конкретные черты. Но считать ее иконой архангела

Михаила в любом случае нельзя, поскольку рассказчик прямо говорит, что это была икона Ангела-хранителя Строганова дела (2, т.5, с.225).

Клейма. В своей статье О.В.Евдокимова считает первым "клеймом" третью главу, поскольку в ней начинаются "деяния" Ангела. Первая, вторая и последняя главы не входят у нее в ряд "клейм", остаются за пределами словесной "житийной иконы". Мы попытаемся не только включить в "клейма" все шестнадцать глав, но разложить события некоторых глав на два клейма, а также дать краткую "иконографию" каждого клейма, описать, что могло бы быть изображено в каждом клейме, если бы художник задался целью нарисовать иллюстрацию к повести, используя для этой цели композицию "иконы с деяниями" в двадцати клеймах.

Клеймо первое. "Нечаянная радость". Действие начинается на постоялом дворе. В этой главе мы бы выделили три момента.

Когда кто-то из постояльцев поминает "нечистого", хозяин сразу же возражает: "супостат" никого не может прислать в дом, где святыня, т.е. иконы Спасителя и Богородицы.

В разговоре Марк роняет знаменательную фразу, которая вызывает интерес у слушателей: "Всякого спасенного человека не эфиоп ведет, а Ангел руководствует". Азбуковник XVII века разъясняет в каком смысле здесь употреблено слово "эфиоп": "...Наричеть же Писание и бесовъ муринами и эфиопами, и аравлянами черноты ихъ ради, черны бо суть беси, якоже черны эфиопскихъ и мурскихъ странъ люди" (12, с.224, тж.186).²

Прежде чем приступить к своей истории, Марк делает такое предисловие: "Повесть, которую я пред вами поведаю, пристойнее стоя на коленях сказывать, потому что это дело весьма священное и даже страшное" (2, т.5, с.224). На эти слова рассказчика не раз обращали внимание и цитировали; ссылается на них и О.В.Евдокимова. Но важно подчеркнуть, что рассказчик говорит это не в условном наклонении; согласно тексту, он действительно стоит на коленях, да так и не ложится до утра, до конца повествования, хотя слушатели согласны потесниться и предлагают ему прилечь. Рассказчик как бы застыл в молитвенной позе перед иконой Ангела и подробно повествует о "дивных дивесах", бывших от Ангела. Как нам кажется, в клейме на тему

² В первом Послании к царю Иоанну Грозному князь Курбский пишет: "Уже не узриши, мною, лица моего до дни Страшнаго Суда". На это Иван Грозный совсем не безобидно отвечает: "Лице же свое показуеши драго. Кто бо убо и желаетъ таковаго эфиопскаго лица вид%оти?" (15, с.18,71) Конечно, Государь вся Руси имеет в виду не цвет лица. Князь совершил государственную измену, нарушил "крестное целование", а это "злословное" преступление. Итак, лицо у князя — бесовское.

первой главы можно использовать иконографическую композицию иконы Богородицы "Нечаянная радость".

В сказании об этой иконе рассказывается о некоем грешнике, который перед тем как идти на "беззаконное дело" каждый раз молился перед иконой Пресвятой Девы. Однажды вечером, когда разбойник этот опять встал на молитву, из ран Божественного Младенца потекла кровь. Человек тот в страхе вскричал: "Госпоже, кто сие сотвори?" И услышал от иконы глас Пресвятой Девы: "Ты и прочие грешники грехами своими вновь и вновь распинаете Сына Моего и Бога вашего". Разбойник покался и остальное время жизни провел в покаянии и благочестии (21, с.756-757). Некоторое сходство с сюжетом "Запечатленного Ангела" здесь налицо. Раскольники хотят святотатством вернуть себе почитаемую икону, а икона наставляет их на путь истинный. В клейме вместо Богоматери можно было бы поместить икону Ангела, описанного Марком, а перед ней самого Марка-рассказчика в молитвенной позе на коленях. Заметим, что это третий (после скоропомощного и одигитриевского) богородичный мотив в восприятии Ангела рассказчиком.

Клеймо второе. "Ангел путеводящий". Во второй главе Марк описывает подробно или вкратце иконы, которые возила с собой артель, рассказывает о странствиях артели по Руси с "предходящим Ангелом". Все идет хорошо, благодаря Ангелу, и артель радуется, полагая, что шествует под его водительством верным путем. И вот Ангел приводит артель старообрядцев в Киев — колыбель русского Православия, место крещения Руси, тем самым подготавливая их к тому, чтобы ясно "указать путь истинный". Только они об этом еще не подозревают и просто рады хорошей и долгосрочной работе, "верным деньгам".

В клейме можно было бы изобразить Луку с иконой Ангела на груди, Михайлицу с иконой Богородицы и следующих за ними остальных членов артели. Перед ними же "чудный пейзаж: древние храмы, монастыри святые со многими святых мощами", как описывает Киев рассказчик.³

Клеймо третье. "Иконописная святыня". Артель на новом месте в самой чистой, светлой и просторной горнице устраивает молельню. Об этом и повествует в третьей главе Марк. Вероятно, небольшими по размеру были иконы не только Ангела и Богородицы, но и все остальные, поскольку свой складной иконостас артель "раскидывала" в обычной комнате на "три пояса": первый нижний ряд — "поклонный" или местный, где ставились иконы

³ Впоследствии Лесков опровергал укоренившееся мнение о том, что речь идет о событиях, связанных со строительством моста через Днепр возле Киева в 1849-1853 годах, уточняя, что местность описана киевская, но происшествий описанных в повести там не случилось (2, т.6, с.342-343).

побольше размером, к которым прикладывались; над ним второй — иконы деисусного чина, еще выше третий — праздничные иконы (возможно, второй пояс был праздничным, а третий — деисусным, по описанию рассказчика неясно). Увенчивало иконостас Распятие. Икона же особо почитаемого Ангела возлагалась перед иконостасом на особом аналое.

В клейме можно было бы изобразить трехрядный иконостас, увенченный крестом, перед ним аналой с иконой Ангела и предстоящих артельщиков.

Клеймо четвертое. "Мост в Православие" Начало четвертой главы переносит читателя на три года вперед. Строительство моста заметно продвинулось: поставлено восемь гранитных быков. Цифра восемь здесь, скорее всего, не случайна. Свт. Василий Великий в "Шестодневе" объясняет, что Господь положил исчисление времени седмицею дней и так, чтобы "седмицу наполнял один день, семикратно сам на себя возвращающийся". Так седмица обретает сродство с веком (эоном), повторяясь во веки веков. Второе Пришествие означает преобразование времени, выход из замкнутого круга веков и наступление "нескончаемого дня", дня, "не имеющего преемства", *дня восьмого*, который "находится вне сего седмичного времени". *День восьмой* — это "невечерний, не имеющий преемства и нескончаемый... современный свету святой Господень день", это будущая жизнь в Царстве Небесном, это вечность (7, т.1, с.37—39). Итак, в начале главы мы встречаем две символические цифры: прошло три года и возведено восемь быков.

Символическое значение в контексте повести приобретает и строительство *моста*. Мост в некоторых православных песнопениях, также как лестница Иаковля, символизирует восхождение от земли на небо. Во втором икосе Акафиста Пресвятой Богородице поется: "Радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на Небо" (5, с.42). "Напрашиваются" на символическое истолкование и цепи, навешенные уже на быках: они реально связывают артель с другим берегом, а другой берег — это Киев, святые храмы, древние монастыри, это Православие. Итак, с помощью Ангела через *три* года *восемь* быков будущего *моста* и навешенные *цепи* (реально и символически) подготовили артель к возвращению в лоно Православия.

Это клеймо могло бы повторить композицию второго клейма: на высоком берегу Днепра все также высятся святые храмы и монастыри, на левом стоит артель, но теперь к городу ведет восемь гранитных столпов и связывающие их цепи.

Клеймо пятое. "Заменные образа". Насколько истово старообрядцы почитали свои иконы, настолько же ревниво они оберегали их от чужих глаз.

"Страха ради чиновничьего нашествия" они всюду возили с собой "заменные заставки". Не хотели артельщики показывать свои иконы, а особенно Ангела, и барыне, которая узнала о них от Пимена. К ее приходу они, во избежание осквернения святыни, поснимали и попрятали моленные образа и выставили запасные. И сделали это потому, что у барыни "вид оттолкновенный", да и "добра в обличьи" не было, но, главное, потому, что она была православной. После ее посещения молельню окурили ладаном, поставили "настоящие иконы" и покروпили их святой водой.

В этой, пятой, главе центральное событие — посещение барыни. В клейме можно было бы изобразить подмену икон в молельне перед ее приходом. Именно после этой операции с "заменными заставками" артельщикам стало "жутко и беспокойно".

Клеймо шестое. "Видение Михайлицы". Не надо быть профессиональным толкователем снов, чтобы объяснить видение Михайлицы, которому посвящено начало шестой главы. Писатель сделал это сонное видение совершенно "прозрачным". Михайлица видит, что на левом берегу, где находятся старообрядцы, страшным пожаром все превращено в золу. Здесь читателю повести вспомнятся сходные события из Ветхого Завета, когда на грешников ниспадает огонь с неба как знак гнева Господня и попадает недостойных даже до смерти, как например, сынов Аароновых Надава и Авиуда (Лев.10:1). На правом же берегу видит Михайлица огненный столп. Напомним, что столп огненный (и облачный) вел народ израильский в его бегстве из Египта и странствованиях по пустыне (Исх.24:14;40:38). Во второй же главе рассказчик говорит: "Путь свой на работах мы проходили с ним (с главой артели — Лукой Кириловым) точно иудеи в своих странствиях пустынных с Моисеем, даже скинию свою (имеются в виду короба с иконами и прежде всего иконой Ангела) при себе имели и никогда с нею не расставались..." (2, т.5, с.224). Огненный столп в связи с Ангелом упоминается и в "Откровении" св. Иоанна Богослова. Боговидец Иоанн зрит Ангела облеченного облаком, а "ноги его как столпы огненные" (Откр.10:1).⁴ Это тот Ангел, который "клялся Живущим во веки веков", что "времени уже не будет" (Откр.10:6), т.е. провозвестил наступление *восьмого дня*. Итак, в видении Михайлицы огонь Господень попалил старообрядческую молельню, а Ангел в огненном столпе призвал артельщиков на *правый* берег, т.е. в Киев, к Православию. В видении легко прочесть и символическое противопоставление правого и левого: согласно Евангелию от Матфея, на Страшном Суде Господь поставит праведников одесную, а грешников ошуюю Свою сторону (Мф.25:33).

⁴ Существуют лубки с красочным изображением Ангела на двух огненных столпах вместо ног (см.19, с.153,240). Писатель интересовался лубками и упоминает о них.

В клейме на эту тему можно изобразить видение Михайлицы (в духе новгородской иконы XVII века "Видение пономаря Тарасия" — см.14, с.239,240) с пожаром на одном берегу реки и огненным столпом — на другом. Иконографически можно было бы немного "дополнить" сон Михайлицы и написать в огненном столпе Ангела или его икону.

Клеймо седьмое. "Знамение от Ангела". То, что сонное видение Михайлицы следует понимать именно так, подтверждают дальнейшие события той же шестой главы. Когда Михайлица именем Иисусовым будит мужа, они не находят Ангела на привычном месте, на аналое. Пречудная икона оказывается на полу. Знаменательно, что присутствующие (Лука, Михайлица, Марой) не возвращают икону на прежнее место, а возводят для нее из плинфы новый аналой на том месте, где ее обрели. В сказаниях о чудотворных иконах можно часто встретить случаи схождения иконы со своего места в знак того, что она выражает желание поменять место своего пребывания. Самый известный — стояние в воздухе иконы Владимирской Богоматери в Вышгороде. Дед Марой и другие присутствующие верно истолковали чудо; только они думали, что Ангел хочет поменять место внутри молельни, в дальнейшем же выяснилось, что Ангел "предсказал" свой переход в алтарь православного храма.

В клейме на эту тему можно изобразить старообрядческую молельню, пустой, покинутый Ангелом аналой и новый аналой, воздвигаемый дедом Мароем, возле лежащей на полу иконы Ангела. При этом присутствуют Лука и Михайлица. Второе клеймо на тему шестой главы, может быть, не так эффектно иконографически, как первое — "Видение Михайлицы", но безусловно более иконично и символично. Итак, на тему этой главы можно написать два клейма.

Клеймо восьмое. "Защитить Ангела". Главное событие следующей, седьмой, главы — приезд чиновников со "стражкой", чтобы опечатать и отобрать иконы.

В клейме можно изобразить с одной стороны приехавших, входящих в молельню, с другой — артельщиков, бегущих от моста "свою святыню оберегать". Это было бы, бесспорно, самое неиконичное из всех клейм и по сюжету, и по иконографии.

Клеймо девятое. "Ангел на полу". В восьмой главе чиновники совершают "святотатственное бесчинство": они составляют опись икон, на образа накладывают печати и "нанизывают" их на железные прутья. Лука

успокаивает артельщиков и до бунта дело не доходит. Он же умоляет приехавших не повреждать "редкое отеческое художество", конечно же, напрасно.

Михайлица в суматохе пытается "скрасть" особо чтимую икону Ангела, но, роняет ее из-под платка. Это второе падение иконы еще раз подтверждает, что она не хочет оставаться на прежнем месте. Ангел дает себя опечатать и увезти, оставляя своих искренних почитателей сиротами.

В клейме можно изобразить молельню, в ней с одной стороны чиновников, "запечатывающих" иконы, с другой — Луку, умоляющего не повреждать иконы, а в середине Михайлицу, на полу перед которой выпавшая из рук многострадальная икона Ангела.

Клеймо десятое. "Запечатление Ангела". В этой же (восьмой) главе происходит "запечатление" Ангела, событие, которое дало название повести. На прекрасную, чудную икону самым варварским способом ставят сургучную печать: "Помню только, — рассказывает Марк, — что пресветлый лик этот Божественный был красен и запечатлен, а из-под печати олифы, которая под огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила вниз двумя потеками, как кровь в слезе растворенная..." (2, т.5, с.243).

В клейме можно изобразить "запечатление" иконы Ангела чиновником, а также артельщиков: одних — в страхе упавшими от такого зрелища ниц, других — полными решимости икону вернуть и "распечатлеть".

Клеймо одиннадцатое. "Ангел в алтаре". Следующая глава (девятая — самая длинная в повести) представляет собой маленькую энциклопедию иконописного дела. В ней говорится о разных видах олифы, сравнивается техника темперной и масляной живописи, сравнивается подход к изображению лика и тела в иконописи и живописи, упоминаются иконописные школы и имена известных мастеров, воспроизводится словесная икона иконы живописной из киевского Софийского собора. Эта глава бесспорно заслуживает отдельного анализа.

Но свои знания иконного дела Марк показывает потом. Главное же событие главы, связанное с иконой Ангела, происходит в ее начале. Киевский архиерей (читатели 70-х годов узнали в нем митрополита Филарета Амфитеатрова) "такую дикость" не одобрил, "за старое художество заступился" и повелел поставить икону в алтаре за жертвенником.

Если мы не забываем, что в среднике нашей "иконы с деяниями" изображен Ангел, то лучшим решением клейма было бы изображение архиерея в алтаре храма с иконой "запечатленного Ангела" в руках.

Клеймо двенадцатое. "Явление Памвы". Десятая глава отправляет Марка и Леонтия на поиск изографа Севастьяна, единственного человека, способного написать точную копию Ангела. От посещения Москвы у обоих путников осталось тяжелое впечатление. Во-первых, они не просто увидели,

но на собственном опыте убедились, что старая вера там "стоит уже не на добротолубии и благочестии, а на едином упрямстве" (2, т.5, с.252). Во-вторых, писание икон и торговля ими у старообрядцев оказалась полна "хитрейшими обманами"; доверчивому покупателю старались "подсунуть" подделку вместо настоящей древней иконы.⁵ Появились также "адописные" иконы: на них под верхним красочным слоем был еще один, на котором были нарисованы чертики.⁶ Попался на удочку нечестным иконописцам и Марк, купив по простоте душевной такую "адописную" икону.

После этого они с Леонтием отправляются искать Севастьяна в нижегородские земли. Здесь впервые в разговоре "сопутников" возникает имя "беззавистного и безгневного анахорита Памвы". В Памве многие читатели узнали великого святого Земли Русской преподобного Серафима Саровского. Леонтий слышал о нем и хочет его увидеть, Марк же, напротив, заботится о том, как бы "не набезать на этого старца", поскольку Памва "господствующей Церкви слуга". Погоню за Севастьяном Марк описывает так, что читателю становится ясно — Ангел ведет двух посланцев артели против их воли именно к старцу Памве. "И вот-вот совсем по его (изографа Севастьяна — В.Л.) свежему следу идем, совсем достигаем, а никак не достигнем", — рассказывает Марк (2, т.5, с.257). В Серафимо-Дивеевской Летописи есть свидетельство паломников Саровской Пустыни: однажды они невдалеке увидели старца Серафима и хотели подбежать к нему, чтобы взять благословение, но как ни старались, — догнать или хотя бы приблизиться к нему не смогли, Старец на глазах у потрясенных паломников, неспешно шагая по-над травой, скрылся в лесу (см.13, с.223).

Отрок Леонтий заболевает и не может продолжать поиски, путники остаются в лесу. Но оказывается они нашли того, к кому вел их Ангел. Услышав треск сучьев, Марк от страха забирается на дерево и начинает *молиться Ангелу*. И тут появляется старец Памва,⁷ который не только поднимает лежавшего в беспамятстве Леонтия, но еще и нагружает его своей вязаночкой дров.⁸

⁵ Об этом писали в своих произведениях также Мельников-Печерский и Горький (см. посвященную им главу).

⁶ Такого рода "иконам" писатель посвятил специальную статью "Адописные иконы" ("Русский мир", 1873, _192).

⁷ Возможно, у старца по замыслу писателя "говорящее" имя: Памва — значит "пастырь всех", т.е. и старообрядцев.

⁸ Эти детали (топорик за поясом, вязанка дров на спине, "колпачок" на голове и лапки, которые он потом плетет в "хибарочке") также отсылают нас к житию прп. Серафима и к его иконописным и живописным изображениям.

В клейме на тему десятой главы можно изобразить Леонтия с вязанкой дров на спине, старца Памву, идущего за ним следом, и молящегося на дереве Ангелу изумленного Марка.

Клеймо тринадцатое. "Успение отрока Леонтия". Марк и Леонтий оказываются в "хибарочке" анахорита Памвы (одиннадцатая глава). Всю ночь Марк читает "Верую", читает "как должно, по-старому", боясь, что старец обратит его в свою веру. Старец молится в своем гробе, служащим ему ложем; оттуда, из гроба пробивается чудный свет, который видит Марк.⁹ Он слышит также таинственный разговор между Памвой и Леонтием об очищении. После всех волнений Марк не выдерживает "бдения" и все же засыпает. Наутро старец Памва на глазах у непонимающего что происходит Марка благословляет присоединившегося к Православию (первым из старообрядцев¹⁰) Леонтия умереть¹¹ и тот тихо в полном послушании старцу отходит в небесные обители.

В тринадцатом клейме можно было бы изобразить встречающуюся на многих житийных иконах традиционную композицию "Успения": смертное ложе, на нем тело Леонтия, над ним Господь Иисус Христос, держащий в руках душу отрока в виде спеленутого младенца, и Ангел препровождающий душу в Царство Небесное. По сторонам ложа старец Памва (у изголовья) и Марк возле ног усопшего.

Клеймо четырнадцатое. "Памва — Ангел Пустыни". На тему той же одиннадцатой главы можно было бы написать еще одно клеймо. Когда Марк наутро просыпается в хибарочке, он видит прежде всего старца. Здесь опять возникает тема Ангела, но в ином ключе. Марк "всматривается" в Памву: "Ах, сколь хорош! ах, сколь духовен! Точно Ангел предо мною сидит и лапки плетет, для простого себя миру явления" (2, т.5, с.261). Итак, Памва — Ангел. Напомним, что пострижение в монашество называют "принятием ангельского образа", а в величании преподобному он именуется "собеседником ангелов". На новгородской иконе XV века есть изображение преподобных с ангельскими крыльями (см.14, с.72). Итак, Ангел-путеводи-

⁹ В пресветлом сиянии посчастливилось видеть прп. Серафима некоторым его собеседникам (см.13, с.467,469,478,479 и др.).

¹⁰ По времени первым перешел в Православие Пимен, но и артельщики не верят в искренность его обращения, и он сам со временем начинает считать свой переход грехом; Пимен даже считает, что он наказан болезнью (пегие пятна на коже) именно за свой переход в Православие. Мысль Лескова ясна: Пимен вернулся в Церковь не потому, что "распечатлел" в душе своей Ангела, а по человеческим соображениям. Первое же искреннее обращение к Церкви под водительством Ангела переживает "богочитель" отрок Леонтий.

¹¹ Этот эпизод навеян также житием прп. Серафима Саровского. Старец Серафим благословил умереть монахиню Елену (Мантурову) вместо ее брата, который был "еще нужен" Старцу (см.13, с.417-425).

тель приводит Марка и Леонтия к другому Ангелу — Памве, а Старец раскрывает перед Леонтием истинную цель его путешествия — возвращение в лоно православной Церкви.

После этого тема ангела обретает всю свойственную ей (и задуманную писателем) глубину: "Ангел тих и кроток, — говорит Марку анахорит Памва, — во что повелит ему Господь, он в то и оденется; что ему укажет, то он сотворит. Вот Ангел! *Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...*" (2, т.5, с.263; курсив наш — В.Л.)¹² Старец Памва и расстается с Марком как Ангел. После произнесенных анахоритом слов Марк бросается ему в ноги, а когда поднимает голову, то никого перед собой не видит (так неожиданно появляются и внезапно отходят от человека Ангелы в Священном Писании). И потом рассказчик дважды задумывается, — не ангела ли он видел в образе старца Памвы.

Именно в этой главе повесть получает новое, как бы четвертое измерение, возводящее и героев произведения, и читателя гор_. Мало почитать икону Ангела, мало воздавать ему честь каждением и возжиганием свеч. Надо помнить, что икона — только образ Первообраза. Ангел живет в душе каждого человека, только он запечатан грехом: суемудрием, кичением, гордостью. Мало "распечатать" несправедливо отобранную икону Ангела! Необходимо "распечатать" Ангела в своей собственной душе. А для этого не нужно прибегать ни к святотатству, ни к подмене: "любовь освободит его". Сокрушишь печать дьявольскую в своей душе, освободишь Ангела-хранителя, освободится тем самым и запечатленная чиновниками икона Ангела. С этими мыслями идет Марк в ближайшее село и сразу же находит там изографа Севастьяна, как бы посланного ему теперь Ангелом-Памвой.

В клейме можно изобразить старца Памву в виде "Ангела пустыни", как пишут св. Иоанн Предтеча на некоторых иконах, а перед ним в земном поклоне не решающийся поднять главу Марк. В лике же Памвы видится

¹² А. Ремизов особенно любил созданный Лесковым в минуту высокого вдохновения образ отшельника Памвы и в воспоминаниях обращался к Лескову, как к живому: "Николай Семенович! давно я хотел вам сказать, что меня поразило в вас — не ваши "праведники"... а поразило меня ваш старец Памва, и не смирение его, которому и имени нет, а его глубочайшее ведение о "правде": "Не кичись правдою!" Николай Семенович! ваш старец Памва со своею правдой о правде, как три старца Толстого со своею чистою верой, как Гоголь с его словом от волшебного досиня серебряного до последнего — белого цвета — самого жаркого и самого пронзительного, горят большим светом над Вавилоном — над этим нашим миром единственным, очарованным и чванливым своею правдою до лютой смертельной ненависти человека к человеку" (А.Ремизов. Неумный бубен. Кишинев, 1988, с. 459).

сходство не столько со св. Иоанном Крестителем, сколько с прп. Серафимом Саровским.

Клеймо пятнадцатое. "Четыре Рождества или Доброчадие". В двенадцатой главе "главный строитель", англичанин Яков Яковлевич просит Севастьяна доказать свое искусство и написать его жене "икону в древнерусском роде". Севастиан на маленькой доске "пяднице"¹³ пишет четырехчастную икону, названную им "Доброчадие". На иконе Севастьян изобразил четыре рождества: "Рождество Иоанна Предтечи", "Рождество Пресвятой Богородицы", "Рождество Христово" и "Рождество свт. Николая Чудотворца". Подобная икона имеется в собрании Русского Музея, только она больше по размерам (25x21 см.), на ней другая очередность сюжетов ("Рождество Богородицы", "Рождество Христово", "Рождество Иоанна Предтечи" и "Рождество свт. Николая"), название каждой иконы выписано над композицией (а не внутри ее), на полях же есть изображения святых — по два с каждой стороны. На левом поле в середине написан Ангел-хранитель в белых одеждах, он как бы предстоит перед иконой "Рождества Богородицы", занимающей левый верхний угол (см.16,с.21).¹⁴ Если Лесков, описывая севастьяново художество, имел в виду именно такую икону, то интересно, почему не упомянул об Ангеле на полях; по сюжету повести это было бы и уместно, и "выигрышно". Вероятно, писатель видел и имел перед глазами подобную икону, но без изображений на полях.¹⁵

В клейме на тему этой главы можно поместить изографа Севастьяна за работой: он пишет икону "Четыре Рождества или Доброчадие". Иконографию клейма можно было бы заимствовать из иконы "Св. евангелист Лука, пишущий икону Богородицы" (см.18,с.139).

Клеймо шестнадцатое. "Пред пустым окладом". У артели все готово к тому, чтобы совершить подмену (тринадцатая глава). Но англичанин или по недопониманию, или по небрежности приносит Севастьяну не саму икону запечатленного Ангела, а только басменный оклад с нее. Конечно, по окладу написать подделку невозможно. Англичанин — в досаде, артель приуныла, изограф Севастьян засобирался домой... Но тут почитателям иконы опять помогает Яков Яковлевич, сменивший гнев на милость. Он предлагает новый план.

¹³ Пядь — древнерусская мера длины, примерно 18 см.

¹⁴ Под Ангелом-хранителем на левом поле изображен св. Иоанн Предтеча; он как бы предстоит иконе своего рождества. Справа на полях изображены святитель (вверху), а под ним воин-мученик. Имена их определить трудно.

¹⁵ В собрании Русского музея имеется еще одна икона начала XIX века, на которой изображены четыре Рождества, но она выполнена в живописном стиле, с соблюдением правил прямой перспективы, свето-теневой моделировкой. Икона написана для супруги Государя Николая I — Александры Федоровны (см.16,с.21).

Клеймо на тему этой главы можно сделать очень символичным. Следовало бы написать композицию на тему "икона с предстоящими", заимствовав иконографию из акафистной иконы (либо первое клеймо на тему первого кондака "Взбранной воеводе...", либо 24-ое клеймо на тему 12-го икоса "Поюще Твое Рождество, хвалим Тя вси, яко одушевленный храм, Богородице" — см.5,с.46;17, с.48,49). На клейме видны предстоящие в молитвенных позах, но над ними не икона, а зияющий пустотой оклад. Запечатленный Ангел как бы предостерегает артельщиков от святотатства и обмана, который они собираются совершить.

Клеймо семнадцатое. "Распечатление Ангела". В четырнадцатой главе изограф Севастьян, благодаря англичанину, получает возможность рассмотреть икону запечатленного Ангела и по памяти делает копию-подделку на залевкашенной паволоке. Настоящую икону выкрадывают из алтаря и переправляют на другой берег. Лесков подробно и со знанием дела описывает изготовление подделки. Севастьян тонко до ювелирности спиливает изображение запечатленного Ангела и наклеивает на новую доску. На старую же доску он наклеивает подделку. Севастьян также "распечатлевает" Ангела: с помощью утюга и войлока он сводит печать с образа. Но затем требуется "запечатлеть" фальшивку, а вот этого сделать никто не решается, "не дерзает": икона, даже написанная с целью подмены, все равно — икона, достойная почитания. Выручает героев жена англичанина, она запечатывает новодельную икону. Впрочем, как потом выясняется, запечатывает промыслительно совсем не так, как это делали чиновники.

В клейме на тему этой главы можно опять использовать иконографию акафистной иконы: предстоящие, над ними две иконы — одна с "красноогненной росой", оставшейся на месте сведенной печати, другая — только что "запечатленная" копия.

Клеймо восемнадцатое. "Явление отрока Леонтия". В конце четырнадцатой главы есть примечательный эпизод. Икону доставили на левый берег на лодке. Но пока готовили подделку, с верховьев пошел лед, лодки унесло. Лука Кириллов решил перейти на другой берег по цепям (здесь еще раз открывается символическое значение цепей). Когда Марк хочет удержать Луку от опаснейшего перехода, между ними во тьме является отрок Леонтий и грозит Марку: "Не удерживай!" Вся сцена получает особое звучание: Ангел привел Леонтия к Православию, а теперь Леонтий является Марку и не позволяет ему задержать Луку, начинающего путь к воссоединению с Церковью.

В клейме можно написать отрока Леонтия в виде Ангела, возбраняющего Марку удерживать Луку, восходящего на цепи моста.

Клеймо девятнадцатое: "Два Ангела". Эта глава — пятнадцатая, предпоследняя — апофеоз художественного замысла Лескова, развязка повести. В ней можно выделить два эпизода. Когда Лука с иконами Ангела идет в страшной буре и темени по цепи, он чувствует, что его кто-то как бы поддерживает под руки. Дед Марой с правого берега видит "светение" вокруг Луки и вначале предполагает, что тот идет с фонарями. В разговоре же с Лукой открывается: "Это Ангелы, — я их видел" (2, т.5, с.277).

Когда Лука приносит иконы к храму, где служит Всенощную архиерей, поставивший "запечатленного" Ангела в алтаре, выясняется, что на поддельной иконе Ангела нет печати. Лука воспринимает случившееся как чудо: Ангел, написанный Севастьяном с целью подмены, сам снял с себя печать. Глава старообрядцев тут же называет его "церковным Ангелом". Теперь уже он "настоящий" Ангел. Лука бросается к архиерею, признаваясь в грехе и преступлении. Киевский владыка воспринимает случившееся также, как и Лука: "Вы (старообрядцы) плутовством с своего Ангела печать свели, а *наш* сам с себя ее снял и тебя сюда привел" (2, т.5, с.278). Лука, а за ним и Марой остаются в храме, а утром на Литургии, по благословению киевского владыки, через принятие Святых Христовых Тайн воссоединяются с Церковью.

Узнав об этом, Марк вспоминает ангельского старца Памву и, давно имея "влечение воедино одушевиться со всею Русью", вместе с остальными членами артели также присоединяется к Православию. И мы "тут только поняли, — говорит Марк, — к чему и куда всех нас наш запечатленный Ангел вел" (2, т.5, с.278). Ангел, по мнению рассказчика, распечатлелся "ради любви людей к людям", т.е. во имя воссоединения старообрядцев с Церковью.

Пока Лука шел по мосту на правый берег, дед Марой и англичанин через окно "являли друг другу свое благородство" и не позволяли один другому "себя во взаимовереии превозвысить". Речь идет о доверии и вере человека человеку. Но оба они не понимали, что в то время, пока они показывали свою человеческую веру, все совершала, все "творила" вера Божия или "третья вера", как называет ее рассказчик, т.е. Промысл Господень.

В клеме на тему этой главы можно изобразить неоконченный мост (так же, как в четвертом клейме, только вид не с левого, а с правого берега), по цепи идет окруженный сиянием Лука с двумя иконами в руках; два Ангела поддерживают его под руки.

Клеймо двадцатое. "Распечатление Ангела души". Англичанка на поверку оказалась не столь неразборчива в делах благочестия, сколь себя заявила. Мало того, — выяснилось, что ей не чуждо иконопочитание. В конце своего повествования Марк раскрывает слушателем тайну "распечатления"

второго Ангела. Оказывается, чуда не было. Англичанка тоже побоялась поставить печать на лик иконы и сделала печать на бумажке, подсунув ее под ризу. Бумажка с печатью съехала под оклад, там ее позже и обнаружили. Над старообрядцами потом смеялись, не скрывает Марк. Утверждали, что это их "англичанка на бумажке под Церковь подсунула". Но почему в действиях англичанки надо видеть лишь человеческую ошибку, а не действие Промысла? Неисповедимы пути Господни. Промысл Божий действует не только через явные чудеса, но и тайно, без явления видимых чудес, действует также и разоблачая "чудеса". И поэтому, заключает Марк, "для нас все равно, какими путями Господь человека взыщет" (2, т.5, с.278). Лишь бы взыскал.

В последнем клейме можно изобразить киевского архиерея в храме с двумя иконами Ангела в руках, перед ним на коленях Лука, Марой, Марк, Михайлица и другие; чуть в стороне — англичанка с белой бумажкой и печатью в руке.

Итак, на предлагаемой нами словесной "иконе с деяниями" находят свое место все шестнадцать глав повести, клейм же получается двадцать, поскольку в шестой, восьмой, одиннадцатой и четырнадцатой главах имеется по два важных эпизода достойных отдельного клейма (см. приложение). Выделение отдельных наиболее важных эпизодов и их очередность позволяют более наглядно показать главную сюжетную линию повести, подчеркнуть особую роль иконы Ангела. Десять из двадцати "клейм" включают в себя изображение иконы Ангела, а семнадцатое и два последних клейма даже обе иконы: "распечатленную" и "распечатлевшуюся". Следуя за развитием сюжета по клеймам, можно выявить основные вехи водительства Ангела, который постепенно вел артель к Православию своей иконой, действуя и непосредственно, и через других: через Луку и Михайлицу, деда Мароя и Марка, Севастьяна и Якова Яковлевича, особенно явно через старца Памву и Леонтия, даже через Пимена и англичанку. В конце же "водительства" Ангел позволил себя украсть и распечатать, когда вся артель уже была готова к тому, чтобы распечатлеть Ангела в собственной душе.

Литература

1. С.Лесков. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1956-1958.
2. Н.С.Лесков. Собрание сочинений в шести томах. М., 1993.
3. Н.С.Лесков. О литературе и искусстве. Л., 1984.

4. Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным записям и памятям, т.1-2. М., 1984.
5. Акафистник, т.1-2. М., 1992.
6. Ф.Буслаев. О литературе. Исследования, статьи. М., 1990.
7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския, часть первая. М., 1845.
8. Г.И.Вздорнов. История открытия и изучения русской средневековой живописи. М., 1986.
9. О.В.Евдокимова. Живописание в структуре произведений Н.С.Лескова.— "Русская литература и изобразительное искусство". Л., 1988.
10. Журнал Московской Патриархии, Т.12. М., 1987.
11. Архимандрит Зинов. Икона в литургическом возрождении. — "Памятники Отечества", _2-3, М., 1992.
12. Л.С.Ковтун. Азбуковники XVI-XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.
13. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Составил архимандрит Серафимъ (Чичаговъ). С-Пб., 1903.
14. Новгородская икона XII-XVII веков. Л., 1981.
15. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
16. "Пречистому образу Твоему поклоняемся..." Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. С-Пб., 1995.
17. Прозаические жанры русского фольклора. Сост. В.Н.Морохин. М., 1977.
18. Псковская икона XIII-XVI веков. Л., 1990.
19. Д.А.Ровинский. Обзор иконописания в России до конца XVII века. С-Пб., 1903.
20. Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 1992.
21. Сказания о чудотворных иконах Богоматери и Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993.
22. Стоглавъ. Соборъ бывший въ Москвѣ при Государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ. С-Пб., 1863.
23. Б.А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
24. Л.Успенский. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989.
25. Алексей Ремизов. Неумный бубен. Кишинев, 1988.

Приложение

1. Нечаянная радость (гл. 1)	2. Ангел путево- дящий (гл. 2)	3. Иконописная святыня (гл. 3)	4. Мост в Право- славие (гл. 4)	5. Заменные образа (гл. 5)
6. Видение Михайлицы (гл. 6)	АНГЕЛ			7. Знамение от Ангела (гл. 6)
8. Защитить Ангела (гл. 7)				9. Ангел на полу (гл. 8)

10. Запечатление Ангела (гл. 8)	ХРАНИТЕЛЬ	11. Ангел в Алгаре (гл. 9)
--	-----------	-------------------------------------

12. Явление Памвы (гл. 10)	С ДЕЯНИЯМИ	13. Успение отрока Леонтия (гл. 11)
-------------------------------------	------------	---

14. Памва — Ангел Пустыни (гл. 11)		15. Четыре Рождества или Доброчадие (гл. 12)
--	--	---

16. Пред пустым окладом (гл. 13)	17. Распечатление Ангела (гл. 14)	18. Явление отрока Леонтия (гл. 14)	19. Два Ангела (гл. 15)	20. Распечатление Ангела души (гл. 16)
---	--	---	----------------------------------	---

Б.Михайлишин

СТІЙКІСТЬ ЯК ПОКАЗНИК СКЛАДЕНИХ ТЕРМІНІВ

У спеціальній літературі прийнято говорити про три типи словосполучень / далі частіше С/: фразеологічні, вільні та стійкі. Зіставляючи їхню природу, дослідники одностайні у тому, що проблема їхньої понятійної концентрації, а на власне мовознавчому рівні - стійкості цих одиниць - зводиться, за словами Т.Букреєвої, "до питання еквівалентності/нееквівалентності цих словосполучень слову" (3. С. 24). З точки зору кількісного складу, вільні С є чимось серединним між реченням і словом. Як синтаксична насамперед одиниця, вільне С має свою структуру та зміст. З точки зору семантики та граматики кожне С повинно відповідати певним вимогам, які, на нашу думку, вдало узагальнила Т.Аполлонська: 1) компоненти С повинні містити спільні семи і не мати взаємозаперечних; 2) С мусить бути граматично правильним; 3) у С слід враховувати лексичний фактор; так, не всі компоненти того чи іншого С можуть бути взаємозамінюваними; 4) С повинно віддзеркалювати об'єктивні властивості предметів, процесів, явищ навколишньої дійсності (1. С. 76).

Ніхто з дослідників не ставить під сумнів, що найслабший зв'язок між поняттям і його словесним еквівалентом є у межах вільних словосполучень, складники яких поєднані підрядним зв'язком. Найбільш тісний - у межах фразеологічних одиниць (далі ФО) безвідносно до класифікацій, поділів і термінів на позначення їх.

Згідно з розумінням фразеології акад. В.В.Виноградова, що його брали і беруть до уваги й українські термінологи, фразема є результатом зміни семантичної системи вільного поєднання слів, яке лежить в основі ФО. Якщо процес цієї зміни завершений, то семантика фраземи монолітна, себто загальне її значення не пов'язане зі значеннями складових частин. Цей підтип ФО отримав назву фразеологічних зрощень (*собаку з'їсти, в сороці народитися* та под.). Загальне значення фразеологічних єдностей мотивоване значеннями компонентів, які входять до складу ФО (*тримати камінь за пазухою, серед білого дня* тощо). Найповнішою є мотивація фразеологічних сполучень: тут значення цілого є сумою значень його складників (*задирати ніс, поле діяльності* та под.).

Складники вільного словосполучення є поєднані підрядними зв'язками, які передбачають насамперед довільний порядок слів. Існуючи у вигляді певних граматичних моделей, вільні словосполучення зазвичай є будівельним матеріалом речень. Порівняно зі словом словосполучення є більш складним засобом номінації, який, однак, називає вужчий об'єкт дійсності. Звідси і відома обернено-пропорційна закономірність між обсягом поняття та його словесним вираженням. Хоча значення вільного словосполучення складається зі значень його компонентів, воно не є лише механічною сумою останніх, оскільки саме у комплексі набуває певної семантичної сукупності. Водночас у понятті, позначеному вільним словосполученням, відображені такі факти дійсності, розчленування яких на ознаки не порушує їхньої цілісності. Звідси, і поняття, що відображують такі предмети, факти, явища слід вважати розкладними. У результаті і номінативні засоби на їх означення є вільними.

За логікою речей чимось серединим між ФО та вільними поєднаннями слів слід вважати так звані стійкі словосполучення (далі СС). Навмисно додаємо "так звані", бо їх, як побачимо далі, називають не лише так. Та й трактують з неоднаковою широтою підходу. Це ще раз доводить, що цілковиту рацію мав Л.Щерба, коли писав, "що чіткими є лише крайні випадки. Проміжні ж у своєму першоджерелі - у свідомості мовців - виявляються невизначеними, такими, що хитаються. Однак саме це невизначене й що хитається повинно найбільше привертати увагу лінгвістів" (18. С. 35 - 36).

Перше ж ознайомлення з такими словосполученнями одразу породжує дві думки: 1) неоднозначно, насамперед надто широко, сприймається сама назва таких словосполучень, оскільки якоїсь чіткої межі між ФО та СС, з одного боку, та СС і вільними поєднаннями - з другого, не існує. 2) переважна більшість найменувань, узагальнених назвою "стійкі словосполучення", представлені термінами. Спостереження показують, що це зазвичай видові номінати стосовно родових, однослівних, пор.: *риби - морські риби - глибоководні риби*. Така серединність СС не пройшла повз увагу лінгвістів. Узагальнюючи думку українських термінологів, львівські, наприклад, мовознавці зазначають, що складені терміни на підставі їхньої стійкості та здатності відтворюватися у готовому вигляді нерідко зараховують до фразеології (12. С. 171).

Слід зазначити, що фундаментальні науково-лінгвістичні дослідження, не кажучи вже про навчальну літературу, якось уникають коментувати поняття "стійке словосполучення" (у російському мовознавстві найчастіше "несвободные словосочетания" і "устойчивые словосочетания"). Окрім згаданих, використовували й використовують ще й такі найменування: **терминосочетания** (З.Осипенко) або **терминологические**

словосочетания (Т.Горшкова), составные термины (В.Гречко), терміни-словосполучення (М.Попова /Республіка Болгарія/ й Ф.Циткіна) і навіть **термінологическая фразеология** (А.Бровко). Розмитим та й не цілком коректним вважаємо термін **"устойчивые фразеологические словосочетания"**, які стосовно неоднослівних номінатів використовує О.Москальська (11. С.92).

Застерігаючи дослідників дуже обережно підходити до аналізу СС, відомий російський лінгвіст В.Сергєєв розуміє їх дещо ширше, ніж терміносполучення (далі ТС). В одній зі своїх праць він наводить цілу низку синонімів до до найуживанішого російськими лінгвістами найменування **"устойчивые словосочетания"**, більшості яких властивий термінологічний "присмак": 1) **стійкі словосполучення термінологічного характеру**, 2) **складені терміни**, 3) **складні найменування**, 4) **термінологічні звороти**, 5) **термінологічні словосполучення**, 6) **складні фразеологічні терміни**, 7) **складені назви**, 8) **термінологічні утворення**, 9) **називні єдності** (15. С.173).

Наведені омосеманти дають підставу вважати: поняття стійкості словосполучень зливається з термінологічністю або ж принаймні впритул підходить до нього. У спеціальній літературі найменування "стійке словосполучення" є семантично нейтральним і найширшим, охоплює значення усіх омосемантів з атрибутивом "термінологічний".

Поняття стійкості розуміє з прив'язкою не лише до термінологічності хіба що Т.Букреєва. Аналізуючи франкомовну літературу, присвячену проблемам "несвободніх словосочетаний", вона, як приклади останніх, наводить словосполучення типу *amour propre, chemin de fer, machine a laver*. Підтверджуючи свої міркування витягами із праць таких відомих, головні французьких мовознавців, як J.Dubois, A.Darmesteter, Ch. Bally, P.Gilbert, J.Marouzeau та ін, а також російських - Р.Будагова, З.Левіта, М.Шанського - авторка все ж обходить мовчанкою статус так званих невільних словосполучень.. Відправну точку у розумінні таких поєднань вона зводить до питання про еквівалентність/ нееквівалентність подібних словосполучень слову. При цьому в основу можна класти або семантику таких поєднань, або їхнє словесне втілення, пор: "Асиметрія плану вираження та плану змісту обумовлює зарахування словосполучень, які виражають поняття, або до словосполучень, якщо першочерговим фактором вважати їхню форму, або до слів, якщо визначальним моментом є зміст" (3. С. 24).

Як уже згадувалося, багато хто з дослідників стійкість словосполучень пов'язує насамперед із термінами. Нерозкладність словосполучень як мовних конструктивів найчастіше аналізують під кутом зору синтаксичних моделей і їхніх варіантів, а також кількості та частиномовної приналежності компонентів у їхньому складі, наявності/ відсутності службових слів тощо. Ті та інші аспекти ТС мовознавці порушували на матеріалі окремих терміногруп, унаслідок чого дослідження, головню статті, набували прикладного характеру. Іноді у поле зору потрапляло співвідношення поняття та терміна, зокрема довжина останнього, причини, що впливають на вільне та фіксоване розташування компонентів ТС, притому у неблизькоспоріднених мовах, а також структурно-семантичний аналіз і мотивованість ТС. Термінологи, що досліджують проблему на іномовному матеріалі, не забувають і про навчальний аспект ТС, зокрема багатоконпонентних. Адже останні пов'язані з труднощами і при розумінні, і при перекладі їх.

Термінофонд кожної мови - це сума окремих терміногруп, у складі яких є різноструктурні найменування. Терміносполучення виникають на базі однослівних термінів; при цьому кількісний склад терміна та його понятійний обсяг перебувають у обернено-пропорційній залежності. Складений термін зазвичай є видовим стосовно однослівного, видового. Таку терміногрупу і формують різноструктурні найменування різних рівнів і підри внів. "При цьому в межах терміногрупи,- зазначає А.Письмиченко,- чітко виражене протиставлення родового і кожного видового значення за відсутністю та наявністю розрізнявального компонента значення та взаємне протиставлення всіх видових значень за змістом розрізнявального компонента"(13. С.54). Неоднослівних термінів на загал більше, аніж термінів-слів. На номінативному рівні принципової різниці між цими типами найменувань немає. Відмінність між ними лежить у неоднакових формах вираження, а звідси - у зазвичай різних пропорціях обсягу та змісту поняття. За спостереженнями дослідників, ТС майже завжди є більш точними, аніж однослівні номінати. Складені найменування майже ніколи не зазнають впливу омонімії, бо на терміни-слова чинить вплив не лише міжгалузєва, але й вузча, в межах однієї терміногрупи, омонімія. ТС властива можливість гнучкішої класифікації та систематизації за певними моделями, а також поєднання означальних і обставинних співзначень. Це ті загально визнані положення, у яких ніхто із мовознавців не сумнівається, зіставляючи слова та словосполучення у функції спеціальних найменувань.

Вузким місцем ТС під кутом зору їхньої спеціальної номінативної функції є, як свідчать спеціальні студії, неоднаковість поєднання словосполучень із поняттями, внаслідок чого - хоча це і парадоксально звучить -

одні словосполучення слід вважати "більш термінологічними", а інші - "менш". Усвідомлюємо, що якоїсь чіткої, однозначної межі провести між такими словосполученнями практично неможливо, але, як мали б свідчити окремі приклади деяких дослідників, одні словосполучення переходять отой рубікон, який дає право кваліфікувати їх термінами, інші ж не переходять.

За нашими спостереженнями, провести межу між словосполученнями-термінами та словосполученнями-нетермінами важко, оскільки природа нефразеологічних поєднань слів за своєю синтаксичною суттю, частиномовною приналежністю та порядком компонентів є однаковою. Різницю - принаймні суто лінгвістичну - між складеними термінами та просто поєднаннями слів убачаємо у сполучувальних можливостях останніх або ж, інакше кажучи, у прояві синтагматичних властивостей кожного окремого слова, що їх регулює мовна система та узус.

Визначальним у зарахуванні/незарахуванні словосполучень до спеціальних найменувань є їхня спроможність/неспроможність представляти одне поняття. Так, за висновками Г.Крикунова, які базуються на узагальненні ґрунтовної теоретичної літератури, до ТС правомірно зараховувати багатоконцентні та навіть роздільно оформлені, але семантично цілісні поєднання, які репрезентують одне поняття(10). Подібна точка зору на загал закріпилася у поки що скромній з цієї проблеми теоретичній літературі. Ф.Березін і Б.Головін підкреслюють, що ТС - це непередикативні поєднання слів будь-якої довжини, що виражають і формують єдине, хоча й розчленоване поняття(2. С. 145). Дослідники різних терміногруп наводять відсоткове співвідношення різних за кількістю компонентів термінів. Практично в усіх терміносистемах переважають двокомпонентні ТС.

Думку, що складений термін мусить представляти одне поняття, підтверджує англо- та російськомовними прикладами термінів з політекономії Р.Цаголова. При цьому вона аналізує їх крізь призму родових і синонімічних відношень. Так, гіперонім *власність* утримує на своїй орбіті видові найменування на зразок *общинна власність*, які з часом і собі породжують видові терміни другого рівня, як-от: *індивідуальна власність*, *громадська власність* і под. Ланцюжок відмежувань цим не закінчується: *індивідуальна власність* є гіперонімом до термінів *особиста власність* і *приватна власність*, а *громадська власність* - відповідно до *публічно-громадська власність* і *колективна власність*. Пучки відмежувань і цим не закінчуються, однак в останні роки політекономічні поняття та,

відповідно, термінологія зазнали суттєвих змін, а тому глибокі й аргументовані думки авторки вже відірвалися від її ж прикладів.

Свого роду узагальненням власне лексичної природи словосполучень вважаємо слова В.Гречка: "Складені терміни - це наче застигли вільні словосполучення, які зберігають строго логічні відношення між своїми членами і тим самим відтворюють певні системні зв'язки певної галузі знань. Таким чином, складені терміни об'єктивно існують у системі спеціального знання та відтворюються в мовленні при необхідності назвати позначувані ними наукові поняття" (7. С.97).

Якогось мірила стійкості ТС не існує, а тому воно не лише не загально визнане, але й дискусійне. Так, Г.Крикунов, аналізуючи поняття стійкості в сфері спеціальної номінації, доходить висновку, що в межах останньої є також терміни-вільні словосполучення, які, однак, не слід ототожнювати з вільними словосполученнями загальнолітературної мови. Ось що, на думку Г.Крикунова, є тим найсуттєвішим між ТС і вільними поєднаннями слів: "Термінологічні словосполучення як вільного, так і стійкого характеру мають одне властиве значення, яке приписують утворенням в цілому, а не компонентам, що його становлять. Це обумовлено їхньою номінативною функцією" (10. С. 45).

Така розбіжність у найменуваннях несуттєва; значно важливішим є з'ясувати критерії цієї спаяності, яка лежить в основі ТС. Оглядаючи спеціальну літературу, та й власні спостереження засвідчують: одні ТС за ступенем спаяності компонентів наближаються до ФО, інші - до вільних поєднань, але всіх їх здатний об'єднати атрибутив "стійкі". Він не виник на порожньому місці і не є лише даниною дослідників такої вимози до термінів, як конвенціональність. До факторів, які надають цієї власне стійкості терміносполученням, В.Сергєєв зараховує:

- 1) більш або менш стабільний порядок компонентів;
- 2) обмеження заміни частин;
- 3) багаторазову повторюваність словосполучення;
- 4) наявність стійких словосполучень у словниках і довідниках; інколи такі словосполучення навіть відкривають словникову статтю (15. 174).

Усі наведені аргументи стійкості, безперечно, переконливі, та все ж при цьому виникають деякі запитання: а) чи словосполучення набуває термінологічності лише з появою у ньому певної концентрації стійкості? б) чи ця стійкість передбачає одно-однозначність поняття та його словесного еквівалента, себто терміна?

Якщо на друге запитання відповісти ствердно, то тоді зникає межа між ФО і ТС - виходить, кожен складений термін мусить мати певну долю

стійкості. Чи ТС тут "наздоганяє" ФО - запитання відкрите, але однозначно, що складений термін завжди намагається до цього.

Позначаючи спеціальне поняття, словосполучення набуває певної номінативної нерозкладності і тим самим долає "силове поле", у якому його тримає природа й специфіка звичайного вільного словосполучення. Загальновідомими та широкоживаними є словосполучення на зразок *холодна* (*каламутна, прозора, тепла* та под. атрибутиви) *вода*. Однак на термінологічній площині вони не тим самим, що, наприклад, *м'яка вода* чи *тверда вода*. За двома останніми стоять конкретні поняття, які зрозумілі обмеженому колу людей: хімікам, біологам, інженерам певних профілів. Водночас їх не назвеш і вузькоспеціальними; ними, наприклад, широко послуговуються у рекламуванні засобів для миття та прання. Цього не скажеш про подібний за будовою номінатив *важка вода*, який ще кілька років тому міг потрапити хіба що в літературу для службового користування, оскільки був пов'язаний із виготовленням зброї масового знищення і відомий дуже обмеженому колу людей. Звідси, однакові за частиномовною приналежністю та синтаксичною будовою ТС різняться концентрованістю в них поняття. Цю концентрованість формують поширеність/непоширеність поняття і, відповідно, номінації, кількість мовців, які нею послуговуються, її приналежність до галузі людських знань та деякі інші фактори. *shema* Слід зазначити, що *вода* із чотирма першими атрибутивами теж може виконувати функцію ТС. Їхня термінологічність/нетермінологічність залежить від того, у якому контексті вони вжиті. У повсякденному спілкуванні більшості мовців вони термінами не є. А от у розмові, наприклад, іхтіологів вони набувають термінологічності. Тут "спрацює" сфера вжитку згаданих словосполучень, професійне середовище їх використання. Однак уже вдома цей іхтіолог, просячи, наприклад, сина набрати теплої води, вкладає у це словосполучення зовсім не термінологічне значення.

Звідси, ТС є чимось середнім між ФО і вільними словосполученнями не лише за концентрацією стійкості, але й за послідовністю перетворення вільних одиниць у зв'язані - спочатку слабше, а потім міцніше. Слід вважати, що подібний механізм, а певною мірою навіть поетапність властиві переходові вільних словосполучень і у ФО. Так, у кінці словникових статей із реєстровими номінатами типу *вікові ігри, золоте руно, немейський лев* і под. не зазначено, що їх уживають переносно(16). Хоча *золоте руно*, вважаємо, у такому значенні можна

було б використати у відповідному контексті. Частіше на слухові аніж навіть *золоте руно* словосполучення *ріг достатку*, яке у згаданому словнику зафіксоване без ремарки перен.; як відомо, це був козячий ріг, наповнений квітами, овочами та фруктами, і символізував достаток і багатство(16. С. 173). Він був атрибутом скульптурних зображень багатьох героїв античної міфології. Це словосполучення при потребі теж можна б було використати у переносному значенні. Словникові статті із гаслами *гомеричний сміх*, *зуби дракона*, *яблуко розбрату* та ін. завершені ремаркою перен. АМ.Рильський, як свідчить згаданий словник, атрибутив *гомеричний* у значенні "пишний, показний" ужив і стосовно банкету та розваги(16. С. 73). Це підтверджує і думка відомого фразеолога С.Гаврина, який пише: "Перехід вільного словосполучення (одиниці мовлення) у розряд фразеологічних мовних одиниць починається в той момент, коли воно функціонально навантажується, себто на додаток до комунікативної функції набуває ще однієї із таких: експресивно-образної, розважально-жартівливої, функції механізації мовлення, функції широких житєвих узагальнень, функції полегшення конструювання мовлення..."(4. С. 57). ТС, зрозуміло, не набувають переносності, як би вони не наближалися до фразем. Отже тропічність не властива природі ТС. Хоча, вважаємо, на практиці можна говорити про цікаві фраземно-термінологічні переплетіння, наприклад, *гвоздь програми*, *коронний номер*, *купальська ніч* і под. Про пріоритетність фраземної чи термінологічної природи у них можна було б сказати, мабуть, після спеціальних досліджень.

Отже, ТС вже народжується з більшою чи меншою долею стійкості. Більше того - термінологізація словосполучень не пов'язана зазвичай ні зі зміною, ні з додаванням якихось функцій. Як і для однослівних термінів, головною для ТС залишається номінативна функція, а тому перехід вільних словосполучень у ТС практично не пов'язаний з жодними семантичними зрушеннями. Вивчаючи цю проблему, Т.Горшкова доходить висновку, що за своїми функціональними властивостями ТС близькі до ФО, але за внутрішніми ознаками, які базуються насамперед на підрядних зв'язках, вони подібні до вільних словосполучень(6. С. 58-59).

Але якою б міцною та органічною спайка складників ТС не була, ми не схильні вважати, що його правомірно буде кваліфікувати фраземою у традиційному сенсі цього слова. Усю складність проблеми членування різнокількісних ТС підкреслював Б.Головін, вважаючи це окремим завданням термінознавства. Вчений виділив кілька рівнів членування багатослівних складених термінів "згідно з особливостями їхньої власної мовної та логічної структури відповідно з різними теоретичними і прагматичними завданнями їх описання та використання"(5. С. 65).

Точку зору Б.Головіна поділяє С.Льїна, описуючи членування ТС на трьох рівнях: лексико-граматичному, дериватологічному та термінологічному. На думку дослідниці, членування ТС на лексико-граматичному рівні передбачає зв'язування його структурі усіх зв'язків граматичної залежності, а також диференціацію останніх за ознакою їхньої лексико-семантичної обов'язковості/необов'язковості.

Дуже суттєвою, на наш погляд, є думка С.Льїної, згідно з якою "розмежовуються зв'язки вільні (семантично необов'язкові), невідільні (семантично обов'язкові) та фразеологічно замкнуті" (9. С. 60). Посилаючись на спеціальну літературу, авторка поділяє думки своїх попередників, що вільні, семантично необов'язкові зв'язки існують, відповідно, між семантично самостійними словами. Це словосполучення за зразок *управление стоительством, управление трестом* і под., оскільки слово *управление* можна використовувати без залежних слів, себто воно є терміном.

Що ж другого типу зв'язків, то С.Льїна пише: "Невідільні, семантично обов'язкові зв'язки виникають між словами у тому випадку, якщо хоча б одне із них не може без граматично залежного слова реалізувати своє номінативне значення і для повноти сенсу вимагає обов'язкового поширення"(9. С. 61). Свою думку вона підкріплює такими прикладами: *математическое обеспечение, материально-техническое обеспечение; обеспечение кадрами/ ресурсами/ материалами/ оборудованием* і под. Увінчує ці положення та приклади теж дуже важлива теза авторки: "Зв'язки вільні та невідільні ми вважаємо такими, що можуть бути розірвані на лексико-граматичному рівні, себто у місці цих зв'язків може бути здійснене членування ТС на складники"(9. С. 61).

Третій тип зв'язків - фразеологічно замкнуті - належить до тих, які розірвати неможливо. Але річ навіть не в тім. Головним є те, що фразеологічно замкнуті ТС вживаються не у своєму прямому значенні, пор.: "Фразеологічно замкнутими вважаємо зв'язки при тих словах, які вжиті переносно у даному ТС, чи це слово із загальнолітературним, чи термінологічним значенням. Для реалізації свого переносного значення воно потребує граматично пов'язаного з ним слова, яке вибирають із дуже обмеженого кола слів, що можливі у даній позиції" (9. С. 61). Авторка кілька разів підкреслює неодмінність переносного значення для існування фразеологічно замкнутих зв'язків слів, якщо останні претендують на функцію термінів. Це поєднання типу *хозяйственный механизм, экономические рычаги, аппарат управления, моральный износ* тощо. Думка,

безперечно, смілива та цікава, але мовознавці не квапляться давати їй оцінку. Річ, вважаємо, у тім, що такі словосполучення у функції термінів породжують двоякі думки. На користь термінологічності: оскільки термінами є компоненти цих словосполучень, то й ці поєднання доцільно кваліфікувати термінами. Проти їхньої термінологічності: у одних випадках значимішим є субстантив (*аппарат управління*), у інших атрибутив (*хозяйственный механизм*). Що ж до двох інших словосполучень, то тут ми назвати доміную не ризикнемо. Це одне. І друге, що викликає обачне ставлення до думки С.Льїної: переносність цих і подібних термінів призводить до понятійної розмитості їх. Думаємо, це можна було б підтвердити, формулюючи визначення відповідних понять. Навіть понятійно найконцентрованіші ТС все ж не стануть ФО у традиційному сенсі останніх. Хоча спільні моменти між ними суттєві. Це здатність відтворюватися у готовому вигляді, виконання єдиної синтаксичної функції, неможливість членуватися на складники без деформації понятійно-семантичної єдності тощо. Найсуттєвіше ж, що їх роз"єднує, - це різна природа усталеності. "Стійкість і відтворюваність термінологічної одиниці залежить передусім не від мовних та функціональних якостей її, - підкреслюють львівські термінологи, - а від стійкості та відтворюваності пов"язаного з нею поняття"(12. С. 172).

На дериватологічному рівні членування, якому передую лексико-граматичний, у полі зору може бути не лише фразеологічно пов"язане словосполучення, але й окреме повнозначне слово. "Цю гранично (малу - Б.М.) складову терміносполучення на дериватологічному рівні, - пише С.Льїна, - ми називаємо терміноелементом..."(9. С. 63).

Нам не зовсім зрозумілим є власне термінологічний рівень членування, який, за словами С.Льїної, базується на членуванні дериватологічного рівня, але має обмеження, пор.: "...межею членування ТС на цьому рівні є не окреме слово, а вільний терміноелемент чи складений термін, далі неподільний на вільні терміноелементи. Таким чином, межею членування на "термінологічному" рівні є однослівні терміни та найпростіші за структурою складені терміни. У результаті такого аналізу виявилися ТС, які є "чистими" поєднаннями самостійних термінів, простих і складених. На "термінологічному" рівні зв"язані терміноелементи вже не могли виділятися в ролі складників" (9. С. 65).

Враховуючи неопрацьованість проблеми, вважаємо за потрібне підкреслити ще одну думку С.Льїної, яку ми цілком поділяємо: у зарахуванні словосполучень до складених термінів наявна певна роль суб"єктивності, притому не лише лінгвістів. Щодо диференціації своїх прикладів на вільні, невольні та фразеологічно зв"язані ТС, то С.Льїна

пише: "На загал же термінологічність складників була оцінена за допомогою того самого логіко-інтуїтивного критерію, яким ми користувалися, виділяючи ТС із текстів" (9. С. 63).

"У сумнівних випадках,- підкреслює авторка, - був виконаний більш детальний логічний і лінгвістичний аналіз сполучень із залученням спеціалістів галузі знань"(9. С. 63). Але цього аналізу вона не описує.

На відміну від С.Льїної, яка послуговується дихотомією зв'язки, **які можливо розірвати** (у їх межах вільні та невольні словосполучення), та **фразеологічно замкнуті зв'язки**, Е.Саркісьянц використовує кореляти **вільні словосполучення та стійкі словосполучення**. Вільні словосполучення вона не вважає власне термінами (чи, за її словами, чистими термінами), оскільки у них можлива заміна компонентів унаслідок розкладу поєднань, пор.:

appliquer une loi, appliquer une regle, abroger une loi, etuder une loi.

"При втраті одного із компонентів, - пише мовознавець, - втрачається цілісність сприйняття: un chef de demande - позовна вимога, un act d'accusation - звинувачувальний акт. Стійкі словосполучення, що відзначаються особливою злитністю компонентів і яким властиве певне переосмислення значення, належать до розряду фразеологічних одиниць: une arme blanche - холодна зброя, un mariage blanc - фіктивний шлюб"(14. С. 33-34). Немає сумніву у тому, що в основу ТС Е.Саркісьянц кладе певну фразеологічність, принаймні стійкість. Остання може проявлятися різною мірою, що лежить в основі поділу словосполучень на такі типи:

- 1) у яких обидва компоненти є термінами (*un droit penal - кримінальне право, un amnistie gudicaire - судова амністія*);
- 2) у яких перший компонент є терміном, а другий - загальноживаним словом (*un crime capitale - злочин, за скоєння якого карають смертю, un droit des gens - міжнародне право*);
- 3) у яких перший компонент є загальноживаним словом, а другий - терміном (*une resolutione criminelle - злочинний намір, un camouflage d'un crime - приховання злочину*);
- 4) у яких обидва компоненти - загальноживані слова (*un homme d'affaires - повірений у справах, une visite domiciliaire - обшук за місцем проживання* і под. (14. С. 34).

Посилаючись на праці головно Д.Лотте, Г.Крикунов зараховує до складених термінів вільні та невольні словосполучення, а також фраземи, наголошуючи, що міцність спайки між складниками може бути різною. Звідси, власне "крикунівські", авторські найменування терміносполучень:

1-ий тип: розкладні терміни-словосполучення - обидві частини терміна не втрачають свого спеціального значення, якщо їх використовувати окремо (aerage naturel - природне провітрювання, природний повітрообмін; filtration biologique - біологічна фільтрація);

2-ий тип: умовно розкладні терміни-словосполучення - одна частина яких термін, а друга звичайне слово (lit bacterien - біофільтр; epuratione etagee - багатоступінчате очищення води);

3-ий тип: напіврозкладні терміни-словосполучення - обидві частини є термінами, але одна використана у неточному, спотвореному вигляді (eau d'humidite - гідроскопічна вода);

4-ий тип: нерозкладні терміни-словосполучення - тут термінами є обидва компоненти (collect blanc - заглушка; briole falle - вільний фланець).

Автор вважає, що різні за чіткістю властивості, які систематизують словосполучення, наявні у трьох перших типах поєднань. З них 2-му та 3-му типам не властива прозорість внутрішньої форми, оскільки терміни можливо сприйняти лише повністю, у вигляді словосполучень. Щодо 4-го типу, то Г.Крикунов використав термін В.Даниленко - "власне термінологічні фразеологізми" (8. С. 105). При цьому автор визнає, що термінами можуть бути словосполучення різної стійкості. Остання залежить від терміногрупи, яку представляють словосполучення, а також від мови. Вважаємо, що аналіз французької та російської санітарно-гігієнічної термінології дає підстави для такої тези. Багато що залежить від міцності порядку слів у певній мові, а також частотності використання прийменників. А навіть флективності /нефлективності мови.

Усе сказане дає підстави для таких висновків:

- неоднослівними термінами вважаємо поєднання двох чи більше повнозначних слів, які пов'язані одним із підрядних типів зв'язку, означають одне поняття та представляють певну галузь знань;
- найсуттєвіша різниця між загальномовним, неспеціальним словосполученням і складеним терміном полягає у тому, що ТС відтворюють конкретні субстанції у вигляді наукових понять;
- поняття стоїть і за кожним із однослівних термінів. Останні переважно лежать в основі виникнення ТС, що породжує між ними родо-видові зв'язки. Найменування, які ці зв'язки представляють, витворюють різної глибини стратифікаційні пучки номінатів з різним ступенем ієрархічності;
- щодо міцності між компонентами ТС, то вона може бути різною. Саме цей аспект складених термінів, за нашими спостереженнями, є найменш опрацьованим. Поняття стійкості (усталеності, спаяності тощо) компонентів ТС не піддається якомусь точному дозуванню, а

залежить насамперед від граматичної специфіки мови, яка представляє термінологію, зокрема конкретні терміногрупи (відомо, що існує поділ на так звані строгі та нестрогі терміногрупи).

- вважаємо, що остаточні корективи у розуміння стійкості ТС мали б вносити фахівці з конкретних галузей знань, ле навіть при цьому цей аспект термінознавства залишиться одним із його найвужчих місць.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА

1. Аполлонская Т.А. Семантико-синтаксический анализ именных словосочетаний во французском языке// Проблема слова и словосочетания. Межвуз. сб. науч. трудов. - Л., 1980.- С. 75 - 82.
2. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. - М., "Просвещение", 1979. - 416 с.
3. Букреева Т.В. Несвободные словосочетания во французском языке как лингвистическая проблема// Лингводидактические исследования. - Изд-во Московского университета, 1987. - С. 24 - 33.
4. Гаврин С.С. Заметки по теории фразеологии// Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. - Тула, 1972. - С.127 - 142.
5. Головин Б.Н. О некоторых доказательствах терминованности словосочетаний// Лексика. Терминология. Стили. /Межвуз. сб. науч. тр. - Горький, 1973. - Вып. 2. - С. 57 - 65.
6. Горшкова Т.М. К вопросу о природе терминологического словосочетания// Термин и слово: Предметная отнесенность и функционирование терминов. Межвуз. сб. - Горький: ГГУ, 1983. - С. 54 - 59.
7. Гречко В.А. Терминологическая лексика в академических словарях// Современная русская лексикография 1976. - Л., "Наука", 1977. - С. 91 - 100.
8. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. - М.: "Наука", 1977. - 247 с.
9. Ильина С.В. Членимость терминологических сочетаний// Термин и слово:..С. 59 - 67.
10. Крикунов Г.И. Синтаксические образования в системе номинативных средств французской санитарно-технической терминологии// Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии. Межвуз. сб. науч. трудов. - Воронеж. Изд-во Воронеж-го ун-та, 1982. С. 39 - 46.

11. Москальская О.И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью// Вопросы языкознания. - 1961. - № 5. - С. 87 - 93.
12. Панько Т.І., Кочан І.М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство: Підручник. - Львів: Світ, 1994. - 216 с.
13. Письмиченко А.М. Структурно-семантичний аналіз будівельно-індустріальної термінології (на матеріалі англійської мови)// Мовознавство. - 1983. - № 4. - С. 54 - 56.
14. Саркисянц О.А. Особенности французских терминологических словосочетаний и специфика их перевода на русский язык (на материале юридических текстов)// Лингво-стилистические особенности функциональных жанров. Переводческий аспект. Сб. науч. тр. - Ташкент 1986. - С. 32 - 36.
15. Сергеев В.Н. К вопросу о переходе устойчивых свободных словосочетаний во фразеологические// Проблемы фразеологии. - М. -Л., "Наука", 1964. - С. 173 - 180.
16. Словник античної міфології (Укл.: І.Я. Козовик, О.Д. Пономарів. - К.: "Наукова думка", 1985. - 235 с.
17. Цаголова Р.С. Типы неоднословных терминов политической окномии (на материале английского языка)// Лингводидактические ... - С. 33 - 41.
18. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I, П. - М, 1958.

SUMMARY

The article considers compound terms and their status among word combinations. Multi-word terms are characterized by certain stability (coherence) which is based upon conceptual, lexical and semantic grounds.

The author proves his thoughts by concepts of linguists, mainly by Russian and Ukrainian ones.

В.Е.Моисеенко

ИЗ ИСТОРИИ ЦВЕТА И МАСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шерсть одна, так масть не та!

(И.Даль, Словарь живого великорусского языка, т.2, 2-е изд., СПб-М.,1881, с.304).

Хет как самое ясное визуальное качество, воспринимаемое человеком, давно привлекает исследователей в различных научных областях. Параметры цвета детально исследованы с точки зрения физики и психологии, разработаны классификации цветов, основанные на разных принципах. Написано немало лингвистических работ, посвящённых цвету, в том числе исследования по истории цветообозначений. С учётом этого, может возникнуть впечатление, что о различных аспектах цвета в языке сказано почти всё. В действительности это не так - "цветовая" проблематика хранит ещё немало неразгаданного. Она не скоро исчерпает себя потому, что на уровне мышления окружающий человека мир, в том числе и мир цвета, опосредован языковым сознанием, в котором к ограничениям, связанным с восприятием, добавляются также явления, обусловленные объективными закономерностями языка¹. Преимущественно о таких явлениях и пойдёт речь в этой статье.

В своё время акад. В.В.Виноградов обратил внимание на то, что древнерусскому языку были свойственны "необычные" прилагательные

¹ В современном русском языке изучение цвета и масти может представлять интерес в плане семантических переосмыслений. Наблюдения в этой области подтверждают **глубинность** рассматриваемого лексико-семантического пласта и актуальности его изучения. В плане типологии также интересны различия людей „по цвету и масти” через употребление различных прилагательных - цветообозначений в их синтаксическо-семантической роли колористических детерминаторов людей. Приведём для наглядности лишь несколько прочитанных и услышанных нами в последнее время в средствах массовой информации примеров семантической трансформации и цветовых "смещений" в кругу слов, называющих масть: а) название фильма режиссёра В.Соловьёва "Чужая, белая и рябой"; б) заголовок статьи актёра Евг.Лебедева "Я тоже был пегим" ("пегий" - сын духовного лица) ("Литературная газета", 16 февраля 1994, №7, с.8); в) названия современных российских политических партий из радиоочерка Ю.Мориц "Перестроечная элита": "... оппозиция красная, чёрная, коричневая, "голубая", ... задняя, передняя, центровая, в крапинку и в полоску" ("Радио Свобода", 16 августа 1992 г.).

цвета, такие как: **жаркий, крапивный, маковый, осиновый, сливовый, смородиновый** и др. (Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986, с.159). В их природе, в принципе, нет ничего необычного, т.к. только ограниченное число славянских прилагательных, унаследованных от праславянской эпохи, таких как **чёрный, белый, зелёный, жёлтый, седой, серый, сивый, синий** и др., несёт значение цвета непосредственно. Абсолютное большинство атрибутов выражают этот признак как относительный через эталонные объекты, которые чаще всего образуются из названий растений, цветных металлов, драгоценных камней, других объектов и предметов окружающего мира. Цвет является одним из наиболее эталонных визуальных качеств, поэтому в отдельных случаях трудно передать словом цвет, не используя общепринятых образцов - цветовых эталонов. Существует два способа толкования цвето-наименований: а) указание типичного, характерного объекта, имеющего данный цвет, и б) описание одних имён через другие (Р.М.Фрумкина, Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. Москва, 1984, с.17). Все цвета, как правило, имеют прототипические эталоны, как денотатные, так и неденотатные, типа: **чёрный** - "цвета сажи или угля", **белый** - "цвета мела, молока, снега", **красный** - "цвета крови" и др. В свободной, терминологически нейтральной передаче цвета с помощью слова, даже когда лексическое значение определено словарной традицией и (возможно) языковым сознанием через другие цвета, почти всегда остаётся возможность задания эталона (**вишнёвый** - "тёмно-красный цвет густого тона" и **вишнёвый** - "цвет спелой вишни"). В процессе языковой эволюции, в результате воздействия различных экстра- и интралингвистических факторов, сами эталоны могут меняться.

Теперь мы знаем, что состав русских цветообозначений был очень значителен, что для древнерусского словоупотребления, помимо "необычных" цветоименований, были также характерны и "не совсем обычные" с точки зрения современного человека названия мастей лошади типа: **глин(н)астый, голубой, железный, золотой, коптевый, огнен, плесни-вый, скворечий** и другие. Эти образования хронологически несомненно более поздние по сравнению с древнейшим массивом таких восточнославянских наименований масти, как: **вороной, белый, брон(н)ый, бурый, бусый, гнедой, жёлтый, мухортый, пегий, плавый/половый, рудый, рябой, серый, сивый, чёрный** и другие. Они пришли приблизительно в одну эпоху с русскими заимствованиями ориентального происхождения: **буланный, игрений, караковый, карый, каурый, пелесый, саврасый, соловый, чалый, чубарый** и другими, которые стали активно распространяться на Руси с середины 13 века в результате русско-татаро-монгольских

языковых контактов (Р.Ахметьянов, Некоторые названия лошади в татарском языке // Советская тюркология, № 2, Баку, 1975, с.69-76).

Кроме них, на огромных пространствах Евразии, освоенных русскими, на протяжении столетий в ходу были оригинальные местные (донские, уральские, терские, сибирские, алтайские, амурские и др.) названия, теперь уже утраченные окончательно.

Реальность такова, что именно в наши дни, в самом конце уходящего от нас 20-го века, мы являемся очевидцами глобальных процессов, которые свели к минимуму участие и роль лошади в жизни человека. Мы также стали свидетелями того, что из русского языкового обихода уже ушли безвозвратно и продолжают уходить многие важные для понимания русской истории и культуры слова и понятия, связанные с этой сферой цивилизации. Бессильные остановить этот объективно происходящий процесс, мы всё же пока ещё реально способны сохранить от забвения, систематизировать, и, тем самым, закрепить в русском языковом сознании слова и понятия, которые остаются неотъемлемой частью русской истории, духовной и бытовой культуры русского народа.

Система русского словопроизводства обладает практически неограниченными возможностями образования слов-композиций, словосочетаний, а также фразовых многокомпонентных конструкций, охватывающих как собственно цветовую область, так и наименования мастей животных. Удивляет свежесть и оригинальность того, что сохранило время и что удалось обнаружить в немногочисленных дошедших до наших дней письменных контекстах русского средневековья. Здесь и "импрессионистическая" цветовая новизна отдельных наименований, и многообразие сложных слов, представляющих собой различные комбинации цвета и формы, в том числе названия "чистой" масти, обогащенные нюансированными цветовыми оттенками. Вот некоторые примеры: (в)иноходець въ голубѣ пегъ, меринь изсаврасагнетъ, меринь сѣрь глиннасть, аргомакъ въсѣре буланъ, стригунокъ огнень карь, кобылка в голубе пега, кобыла в голубе сива, кобыла в вороне пега, лошат ряба рудожолта, жеребець скворечий пропелесый, кобыла шерстью савраса бура, кобыла в голубе пестра, иноходець бело-плавый седой, буланая с красниною, кобыла розовая или красносера, мерин пеганой коптелый, искрасна-бурый конь, аргомакъ саврасой впрожелть, конь ореховый смурый, меринокъ карь грива направо въслоуха губа му-

хорта, лошадь редра пегана и другие. (Судебники 15-16 веков. Москва-Ленинград, 1952; Памятники русского народно-разговорного языка 17 века. М., 1968; Московская деловая и бытовая письменность 17 века. М., 1968; Вести-куранты. 1600-1639 гг. М., 1972; Вести-Куранты. 1642-1644 гг. М., 1976; Вести-Куранты. 1645-1646, 1648 гг. М., 1980; Вести-Куранты. 1648-1650 гг. М., 1983; Вести-Куранты. 1651-1652 гг. 1654-1656 гг. 1658-1660 гг. М., 1996; Акты социально-культурной истории Северно-Восточной Руси. Изд-во АН СССР, Т.1, Москва, 1952; Крестьянские челобитные XVII в. (Из собрания Государственного исторического музея). М., 1993).

Наличие в древнерусском языке многочисленных и разнообразных по структуре и семантике слов и сложных конструкций, называющих "чистые" и "смешанные" цвета и названия мастей, уже сейчас даёт возможность в общих чертах оценить то, как воспринимал цветовую картину окружающего мира и отражал её в слове человек Древней Руси. Это также позволяет критически взглянуть на бытующую среди учёных точку зрения о том, что древнерусская эстетика слова "не хотела цвета", что над ней довлело своеобразное "цветовое табу". Рассматриваемый в настоящей статье материал позволяет с большим доверием относиться к мнению о том, что для русской литературы 16-17 вв. характерно "проявление интереса к цвету" (А.М.Панченко, О цвете в древней литературе восточных и южных славян // ТОДРЛ, Т.23, Ленинград, 1968, с.3-15).

Зададим себе несколько вопросов, которые имеют прямое отношение к нашей теме. Насколько легко и правильно мы определяем сегодня цветовое значение таких прилагательных, как **гелиотроповый, нанковый, дроковый, ноготковый, патиновый, фрезовой?** В состоянии ли мы передать описательно особенности **игрневой, пелесой, саврасой, чалой** масти лошади? Какие параметры, выражаемые атрибутом-прилагательным, называющим, например, **чубарую** масть, мы воспринимаем с помощью зрения? Формулировка корректных ответов должна вызвать естественные в этом случае раздумия и затруднения.

Масть и цвет близки по своей физической природе и по языковой семантике. Близки, но не идентичны. Об этом нередко забывают даже лингвисты - специалисты в области языковой теории цвета, пишущие, например, о "тигровом цвете" (И.Г.Резин, Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции(зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ, 1994, №6, с.81).

По нашим представлениям, зрительно в масти мы воспринимаем не только цвет или оттенок цвета, но также характерный рисунок внешнего покрова, который *в комплексе с цветовым компонентом и составляет характерный образ или картину любой масти.* Масть животных (в отли-

чие, например, от карточной масти) мы способны воспринимать и дифференцировать не только визуально, но и с помощью осязания. Качество, фактуру, консистенцию внешних покровов мы воспринимаем как с помощью зрения, так и тактильно.

В отличие от собственно цвета (который, впрочем, наделён дополнительными характеристиками: тоном, яркостью, насыщенностью), **масть имеет двойственную природу**. Она дуалистична потому, что помимо собственно цвета или его оттенков, характеризуется также специфической формой (рисунком) внешнего покрова животных и птиц (шкур, кожи, шерсти, волос, пуха, оперения). Форма и рисунок несомненно представляют собой комплексные образования. По мнению психологов, "восприятие формы включает оперирование более элементарными единицами" (Б.М. Величковский, Функциональная структура перцептивных процессов. В сб.: Познавательные процессы: ощущение, восприятие. Москва, 1982, с.219-246). И в плане языковой семантики и номинации категория формы (рисунка) более расплывчата и менее определённа, чем категория цвета. При наличии контекста и знании значения слова, как правило, не возникает затруднений в определении того, является ли то или иное прилагательное обозначением цвета или не является. А в случае с формой (рисунком) как обязательным компонентом масти, может иметь место неопределённость в отнесении того или иного слова к параметру формы. Скажем, **пятно, крапина, подпалина, пежина, полоса, "яблоки"** и т.д. всё же представляют собой менее однородное целое, чем обозначения цветов, т.к. они неэталонны в отличие от геометрических фигур и тел или даже по сравнению с характерными негеометрическими объектами, называемых словами типа **яйцеобразный, иглообразный, серповидный** и др.

Кроме этих двух основных и обязательных элементов, масть имеет и дополнительные: освещённость (яркость, интенсивность) и тактильность (то, что можно ощутить через прикосновение или с помощью "зрительной памяти").

В русском словопроизводстве в сфере цветоименований степень освещённости объекта всегда без видимых ограничений реализуется путём образования композитов с первым компонентом **тёмно-, светло-, ярко-, тускло-, блекло-, грязно-** и т.д. (**тёмно-гнедой, ярко-жёлтый, светло-караковый** и др.) или исконных (древне)русских образований с префиксом **из-/ ис-** типа: **иссиня-чёрный** или **изжёлтапегий, иссерабурый, изьсаврасагнѣть** и др. По цветовой освещённости масть дополнительно

обладает свойством градуальности, способностью делиться на пары типа: **чёрный/ белый, тёмный/светлый, тусклый/яркий** и т.д.

Тактильность как дополнительное качество масти, представляется в языковом сознании ещё более размытой, чем форма. Обычно в языке не так легко подобрать слова для называния качества поверхности и её консистенции. С помощью кожной рецепции человек способен познать широкий круг качеств предметов, в том числе фактуру внешнего покрова живых существ: гладкость, упругость, мягкость, влажность, "маслянистость". Качество живой поверхности может характеризоваться прилагательными: **атласный, бархатный, шёлковый, пергаментный** и др. При сенсорном определении масти можно наблюдать диффузию зрения и тактильности. Например, такие качества, как **шероховатый, ворсистый, пушистый** достаточно безошибочно определяются на вид, но их можно определить и на ощупь. Точно так же и форму и размер можно определить на ощупь, хотя здесь зрение всё же надёжнее.

Таким образом, масть представляется особой группой слов в системе русского цветообозначения, которая с трудом поддаётся упорядочению по ряду причин внутренней и внешней языковой природы. Этому способствует слабая членимость масти по цветовому ряду (особенно по красно-коричневому ряду - наиболее частотному и характерному для масти лошади). Возможности систематизации (не говоря уже о строгой терминологичности) здесь сдерживаются исторически сложившейся синонимией, а также неоправданной полисемией, являющейся отражением субъективного характера дефиниций масти и их "разброса", порой весьма значительного, которые обнаруживаем в специальных изданиях и в авторитетных русских словарях.

В целом, наличие четырёх разных по важности компонентов-"определителей" масти позволяет говорить о **полиmodalности и целостности её предметного образа**.

Все эти, казалось бы очевидные, характеристики масти оказываются вне поля зрения специалистов-лексикологов и лексикографов. В русском словарном деле, в отличие от цветоведения как самостоятельной научной дисциплины, ситуация внешне выглядит так, как будто в нём представления о структурно-семантической природе масти практически не изменились за последние два века. Ср. определения понятия "масть", которые представлены в двух русских академических словарях 19-го и 20-го столетия: **1.** "Словарь церковнославянского и русского языка" (т. 2-й, СПб, 1847, с.290): "МАСТЬ - 1) цвет, краска; 2) в карточной игре: часть колоды, обозначенная особенного цвета пятнами". **2.** "Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах" (т.6-й, М.-Л., 1957, с.686-687): "МАСТЬ - 1) цвет шерсти у животных и перьев у птиц; 2) один

из 4-х разрядов, на которые делится колода игральных карт по цвету и форме очков". Как видим, в обоих академических словарях представлена точная дефиниция карточной масти, в то время как описание масти животных и птиц остаётся недостаточным или отсутствует вовсе. Причина этого кроется не только в "невнимательности" составителей словарных статей. Она заключена в самих формальных и семантических характеристиках русского слова **масть**: в отличие от русского языка, во многих языках, как славянских, а также и неславянских, понятия "масть животного" и "масть - термин карточной игры", чётко дифференцируются, обозначаются разными словами.² Ср., в частности, в англ. языке: 1. colour (of the hair) - о животных вообще; coat - о лошади; 2. suit - карт. (Russian-English Dictionary, New York, 1959, p.348).

Многовековой опыт разведения домашних животных у разных народов показывает, что генетика мастей домашних животных, конкретно лошади, сложна, но последовательна. Поэтому генетическая сочетаемость мастей и в языке должна также отражаться строго последовательной записью **в соподчинительном ряду** в соответствии с правилом, что "у рыжих лошадей рождаются только рыжие, у вороных - рыжие и вороные, у гнедых - рыжие, вороные и гнедые и т.д." (В.Б.Ковалевская, Конь и всадник. М., 1977, с.128-129; В.О.Витт, Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии., М., 1937, с.22).

Языковая номинация цвета и масти животных у славян в общих чертах развивалась в общем (пра)индоевропейском русле, однако уже в древнейший период она стала приобретать оригинальные характеристики. Существует точка зрения, что ещё в праславянскую эпоху сами названия отдельных животных (как правило, домашних) развивались первоначально из названия цвета, а точнее - названия масти, как, например, в случае: *РЬSTRЪ < РЬSTRЪ, русск. "пёстрый".³

² В некоторых "примитивных" языках (например, в языке ирландских цыган) цвето-обозначения практически отсутствуют, "единственные цветоразличители, употребляющиеся в нём, это обозначения масти лошадей и цвета волос" (Т.А.Михайлова, "Красный" в ирландском языке: понятие и способы его выражения // ВЯ, 1994, №6, с.119).

³ По этому поводу О.Р.Трубачёв пишет: "Название собаки по масти - это бесконечно повторяющийся процесс, начиная с древних его проявлений, устанавливаемых более или менее вероятно при помощи этимологии, и вплоть до новых местных названий, подчас не отличимых от кличек типа укр. **Рябко**" (О.Н.Трубачёв, Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с.19).

Рассмотрим один пример. В русском языковом сознании кличка дворняжки **Шарик** ассоциируется с понятием "круглый (перекатывающийся) как шар, шарик". Современные исследователи по этому поводу пишут следующее: "Какую информацию даёт нам слово Шарик? Мы знаем только, что это кличка собаки, и только. Даже тот факт, что это имя "говорящее", ничего не говорит: вряд ли каждый Шарик оправдывает то "основание для сравнения", какое заложил в эту кличку первый человек, окрестивший так своего четвероногого друга за привычку свёртываться клубком (подчёркнуто нами -В.М.) (В.М.Мокиенко, В глубь поговорки. Киев, 1989, с.141). Ещё в начале нашего столетия происхождение этого слова в русском языке считалось неясным: "**Шар** - "круглое со всех сторон тело". Неясно" (А.Г.Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т.2, М.,1910-1914, с.88). Сегодня этимология слова **шар** "прочитывается" достаточно просто: оно происходит от праслав. *šagъ- "пятнистый, пёстрый". И пёс **Шарик** - это "пятнистый, пёстрый", а не "круглый", которого таким сделала народная этимология и каким он прочно вошёл в русское обыденное языковое сознание. Не случайно М.Фасмер в первом прижизненном издании своего этимологического словаря чётко дифференцирует два значения русского **шар**: 1. "Kugel" и 2. "Farbe, Fleck" (M.Vasmer, Russisches Etymologisches Wörterbuch, Dritter Band, Heidelberg, 1951, S. 374). В посмертном переработанном и дополненном издании этого словаря данная словарная статья выглядит уже по-иному.

Производные от праславянского *šagъ можно встретить и сегодня во многих славянских языках и их диалектах, в которых хорошо сохранился архетип масти⁴.

Вл. Даль, будучи знатоком масти, чётко дифференцирует названия, подчёркивая, в частности, что эпитет **пегий** применяется главным образом

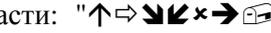
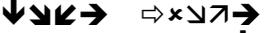
⁴ Ср., например, украинск. областн. **шарий** - "серый", совпадающее в цветовом значении с польским литературным szary - "серый, бесцветный", а также украинск. и белорусск. "цветовую" фамилию **Шарій/Шарий**.

Ср., также в сербском языке: **шаров** - "пегая собака, пёс"; **шароња** - "пегий вол"; здесь же и **Шарац** - легендарный конь сербского фольклора. Сербский этнограф Л.Мичович сообщает сведения из Восточной Герцеговины: "Псима дају имена према длаки: **шаров, гаров, бјелов, путо** итд." (Мићовић Љубо, Живот и обичаји Поповаца // Српски етнографски зборник. Књ. LXV, Београд, 1952, с.27).

Подобное наблюдаем и у хорватов: šarov - "название пятнистой собаки"; šarova "название пятнистой коровы"; šarka , šarovača - "пёстрая, в пятнах змея (vipera ammodytes)" (Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika, knj. XVII, Zagreb, 1959-1962, s.492, далее: ARj).

По той же модели šar, šarov образованы и gar, garov - "чёрный пёс", garova - "чёрная корова", garuša - "чёрная овца" (ARj Knj. III, Zagreb, 1887-1891, s.108-109).

По аналогии и pega, pegav, а также peguša - "название овцы или пёстрой коровы" (ARj Knj.IX, Zagreb, 1924-1927, s.756-757).

Бронный - в "Материалах к др.-русск. словарю" И.И.Срезневского (т.1, стлб.180; т.2, стлб.1753) широкое толкование этой масти: " - о коне, albus; sturni in morem varius; белый, белосерый, скворечий, серый, буланый?":   (14 век). У Даля (т.1, с.130) находим: **Бронный** (церк.) - белый, плавый, седой. Кони брони; "Цвета спелого овсяного колоса" (Ср. диал. пермяцк. **бронь?**, **броня**, олонецк. **брона**, **бронка**, **брунь** - "овсяный колос").

Буланый - на Руси одно из наиболее распространённых названий масти жёлто-коричневого ряда. Её описание в сопоставлении с другими мастями находим у В.Даля (т.1, с.140): "**буланый**, одна из конских мастей: **половой** (о собаках), **глинистый** (о птицах, голубях), **рудожёлтый**, **желтоватый**, **изжелта**, разных оттенков, но хвост и грива чёрные или темнобурые, и обычно ремень по хребту; ту же масть, но без бурой примеси, без ремня и при светлом хвосте и гриве, зовут **соловою**. Рыжеватый стан, впрожелть, с такими же или посветлее, гривой и хвостом, **каурая**; такой же стан, с тёмным хвостом и гривой и с ремнём по хребту, **саврасая**. **Буланая** и **саврасая** масти свойственны дикой лошади, кулану или тарпану; лося также зовут **буланым**, по масти. **Буланка**, **буланко** - кличка буланой лошади, как: **соловко**, **каурка**, **савраска**. **Буланопегий конь** - буланый, в белых пежинах, лаптах".

В 7-томн. академ. "Украинско-русском словаре" (т.1, с.98) для толкования укр. **буланий** в качестве русских эквивалентов представлены (как синонимичные - ? В.М.) названия сразу четырёх мастей - **буланая**, **саврасая**, **соловая** и **каурая**.

(ARj.I, s.119) - "белая арабская лошадь" или общее название для коня белой масти любой породы: *dogat* - *equus albus* (ARj.III, s..9). Как и древнерусский язык, некоторые южно-славянские языки представляют нам „экзотические" примеры цветовых переосмыслений: *dogat* - это дословно с турецкого "голубой конь" (*gög* - "небо; голубой как небо" + *at* - "конь"). Или другой пример 17-го века также из сербского фольклора: *Sa njegova dva ata zelena* (ARj.I, s.119). Эти сербские эпитеты-цветообозначения на первый взгляд кажутся такими же необычными, как и голубые и палевые кони в древнерусских письменных контекстах той же эпохи.

Известный сербский лингвист Милка Ивич полагает, что лексико-семантическая конструкция *zelen konj* могла возникнуть на Балканах под влиянием каких-то неславянских (субстратных?) моделей, которые были актуальными ещё во времена первого появления здесь славян. Поэтому здесь скорее проблема балканологии, нежели славистики (M.Ivić, O zelenom konju: Novi lingvistički ogledi, Beograd, 1995).

Это наводит на размышления, т.к. и русские **голубые кони** вполне могли возникнуть под влиянием соответствующих ориентальных моделей. Ср. в этой связи две идентичные кальки с тюркских языков в русском: „(рысак) серый в яблоках" и в венгерск.: *almásderes* и *almásszürke* - букв. „лошадь (серая) в яблоках".

Бурый (↑↔⇨*→① - "тёмное слово", не имеющее надёжной этимологии. Некоторые современные исследователи (М.Фасмер, О.Н.Трубачёв) склоняются в пользу тюрского заимствованного происхождения этого слова: тур. *bug* - "рыжей масти" из перс. *bġg* - "гнедой, рыжей масти" (Фасм. т.1, с.249). См. также пример обозначения масти у Срезневского (т.1, стлб.194).

В русском языке это прилагательное, обозначающее масть и цвет одновременно, чрезвычайно широко варьируется по красно-коричнево-чёрному цветовому ряду. Если исходить из имеющих место исторических и современных дефиниций, то в целом трудно догадаться, о каком именно цвете идёт речь. Приведём в качестве примера с незначительными купюрами словарную статью В.Даля: **Бурый** - цвет кофейный, коричневый, ореховый, смурый; искрасна черноватый; такая же конская масть, между рыжею и вороною... **Бурая лиса**, у которой по темнобурой, голубоватой шерсти белесоватая ость, в крапинах... **Бурнастый**, о мехе, особенно лисьем, рыжебурый, без черноты и огневой красноты... **Бурка, бурко** - конь бурой масти, иногда кличка бурой собаки: "Хорошо на бурку валить: бурка всё сvezёт. Умыкали бурку крутые горки. Сивка бурка, вещей каурка (в сказках): конь и сивый, и бурый, и каурый". **Бурёна, бурёнка, бурёнушка, бурёшка, бурёха** - бурая корова... **Буришка** (обл. псков.) - общая кличка поросят.

Буркосмый конь, бурый, с богатым хвостом и гривой...

Бурошёрстый, буропёрый, животное в шерсти, в перьях бурой масти.

Бусый - этот ахроматический цвет встречается уже в "Слове о полку Игореве" в значении "тёмно-серый, пепельный" в качестве обозначения цвета и масти волка и ворона. В.Даль фиксирует это прилагательное уже только как диалектное: **бусый** - (сибир.) тёмно-голубосерый, избура-серый, буродымчатый, буропепельный; (о шерсти) - тёмнобурый с синевою, сизобурый. **Буско** (обл.) - животное бусой шерсти, тёмнодымчатая кошка (Ср. в украинском языке кличку дворняжки **Бусько** - В.М.). **Бусотный?** мех, шкурка (арх.): одношерстный, целомастный, без пежин, отметин; ровный, "княжий мех".

Вороной (↓↘⇨*→① ↓↔→⇨*→① - "имеющий сплошь чёрную шерсть, чёрный с лоском или с синеватым отливом (о масти лошади) (Сл. совр. рус. лит. яз., т.2, стлб. 680). (Далее: 17-томн. слов.). Даль (т.1, с.244) (о конской масти) - **вороной** - сплошной чёрный. "Вороных лошадей под жениха с невестой не берут (суевер)."

6708г.). Чаще всего употребляется в сложных наименованиях типа **золото-гнедая**, **золоторыжая**, в которых первый компонент **золото-** означает золотистый отлив (Даль, т.2, с.305).

Игрений (**игрневый**, **игрень**, ⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ - в словаре И.И.Срезневского (т.1, стлб.603): ⚡⇒⚡⚡→⚡ - "белый" (о масти лошади), но без контекстуального подтверждения. Более полное описание у Даля (т.2, с.8): **игрений**, **игреня** - "рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана (**игренка**, **игренчик**, **конь игрен**)". В другом месте у него же (т.2, с.304): "**игреня**, рыжая, а навис белесоватый". Сравнение показывает, что дефиниции Срезневского и Даля не совсем совпадают. Ср. в этой связи также данные "Толкового словаря русского языка" под ред. Д.Н.Ушакова (т.1, стлб. 1130): **игрневый**, **игрений** - "рыжий с светлой, белой гривой и хвостом (о конской масти)", и 17-томного "Словаря современного русского литературного языка" (т.5, стлб.31-32): **игрневый**, **игрений**, **игрень** - "Светлорыжий с беловатой гривой и хвостом. О конской масти." И в этих двух авторитетных словарях толкования не совпадают.

Изабеловый (**изабелловый**) - в словаре Даля цветовые описания этой масти, представленные в двух местах, разнятся: а) (т.2, с.10): "**изабеловый** цвет, бледно-соломенный; конская масть, светлосоловая, изжёлта-белесоватая, при белом хвосте и гриве"; б) (т.2, с.304): "**изабеловая**, буланая с красниной". 17-томный словарь (т.5, стлб.86) краток: "**изабелловый** - буланожёлтый".

Изекрый

(⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ
 ⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ - (Срезн.т.1, стлб.1085) "голубой, бирюзовый":
 Ⓣ⇒⇒⇒⚡⇒⚡⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ
 ⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ („Изборн. 1073 г."). Ⓣ⇒⇒⚡⇒⚡⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ („Хрон. Иоан.Малал. (спис. 15 в.)). В представленных И.И.Срезневским контекстах "мастевой" компонент не просматривается.

Калтарый - (Даль, т.2, с.305) (сиб.) - "гнедорыжий, гнедой-белогривый".

Калюный - (Даль, т.2, с.304) (вост.-сиб.) - "буланая с красниной, рыжебуланая, рыжесаврасая, с ремнём".

Караковый (**каракулый**, **каракулой**; ⚡⇒⇒⇒⚡⇒⚡Ⓣ - Бахилина приводит пример 17 века: ⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⇒⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ ⚡⚡⇒⚡⚡→⚡Ⓣ с пометой (донск.) (Бахилина, с.98). Наиболее полное определение этой масти у Даля (т.2, с.90): **караковый** конь, **каракулый** (стар.) - "тёмногнедой, почти вороной, с подпалинами, желтизною на морде и в пахах; подходит к мухортому,

индоевропейскими языками. В современном венгерском языке для обозначения "коричневого" имеется два цветоименования: заимствованный германизм *barna* и собственное новообразование *fahéjszínű* (буквально: "цвета древесной коры" - *élő fáé*).

В свою очередь, помурские хорваты-кайкавцы - ближайшие славянские соседи венгров на юго-западе в наши дни для обозначения коричневого цвета пользуются всего одним словом - венгеризмом *barna*.⁸

В других частях славянского языкового мира хорошо сохранили "коричневую" цветовую семантику праславянские **gnědъ* (см. выше) и **smědъ*. Ср. ст.-слав. *ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ* и др.-русск. *смѣды(и)* и *смѣдыи* (Срезн. т. 3, стлб. 452) - оба в знач. "чёрный, тёмный; смуглый", а также соврем. русск. гидронимы: Смедва, Смедовка. Широко представлена лексика с корнем **směd-* в западно- и южнославянских языках: ст.-чешск. *smědý*, чешск.-моравск. *snědý*, ст.-польск. *Śmiady*, (совр. польск. *Śniady*), словенск. *smed* и некоторые другие.

По наблюдениям учёных, прилагательное **коричневый** появилось в русском языке не раньше конца 17 века и является абстрактным цветообозначением для коричневого цвета (Н.Б.Бахилина, с.58). Общепринятая и никем не оспоренная до сих пор этимология слова **коричневый** - "цвета корицы". У М.Фасмера (т.2, с.328) находим: **Корица** - др.-русск. уменш. от **кора** (?! - В.М.). Отсюда **коричневый**, букв. "цвета корицы". Здесь кроется очевидное противоречие: "цвета корицы", но какой? **Корицы** как деминутива от **кора** (что нелогично с точки зрения семантики русского словопроизводства) или **корицы** как пряности (логично в плане словообразования, но не соответствует культурно-бытовым восточнославянским средневековым реалиям)? Впервые на это несоответствие обратил внимание проницательный В.Даль и зафиксировал его в своём словаре: **Коричневый**, *неправильно вместо коричный*, к корице относящийся. А правильно, по его мнению: "коряного цвета, цвета коры, корицы, бурый, рыжебурый" (Даль, т.2, с.161). Наши аргументы в пользу этимологии **коричневый** от **кора** следующие: а) рассматриваемое прилагательное распространено только на восточнославянских языковых территориях. Украинские формы **коричневий** и **коричньовий**, известные с 17 века, всегда чётко дифференцируются по смыслу с формой **коричний** -

⁸ В самом венгерском языке *barna* имеет широкую сочетаемость: **коричневый стол, бурый медведь, карые глаза, смуглое лицо, каштановые волосы, серый, чёрный хлеб**. (См. в этом же номере журнала статью Марии Янкович „Разные значения некоторых прилагательных в исходном языке и языке перевода“).

"коричный, относящийся к корице". Та же ситуация с белорусским **карычневы (руды)**, образованным от **кара**; б) нет логики в том, что восточные славяне, издревле заселявшие лесные и лесостепные территории, в обыденном словопроизводстве использовали не привычное **кора**, а название редкой по тем временам заморской пряности **корица**. Настой или отвар коры всегда имеет характерный коричневый цвет. Др.-русский контекст 16 века показывает, что современное **корица** тогда звучало и писалось по-иному: "...и овощи имуть смоквы, стапиды, **корку**, шафран, гвозды, мушкат, сахар ..." (цит. по изд.: Зиновий Отенский, Истины показание к вопросившему о новом учении. Казань, 1863, с.358).

Вопросы этимологической интерпретации слова **коричневый** не столь существенны. Значительно более важными были и остаются проблемы индивидуального опыта в "цветовой" коммуникации, адекватности и одинаковости "прочтения" слова-цветообозначения разными представителями одного и того языкового коллектива. Русское прилагательное **коричневый** в этом плане представляется весьма показательным. Исследователи сетуют на недостаточность и неопределённость его дефиниций в русских словарях, в частности, в авторитетном 4-х томном "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н.Ушакова (т.1, с.1467): **коричневый** - "имеющий тёмный буровато-жёлтый цвет". По этому конкретному случаю Р.М.Фрумкина пишет: "Поскольку мы условились, что оцениваем толкования субъективно, т.е. исходя из того, какую информацию для нас они несут о денотате соответствующего имени, то с этой точки зрения приведённое (см. выше - В.М.) толкование **коричневого** явно неудачно. Ведь по нему просто не догадаешься, о каком цвете идёт речь. Такое описание наводит на мысль о каких-то грязных неопределённых тонах: все оттенки **ярко-коричневого** типа **шоколадного, каштанового** и **светло-коричневого**, ближе к **бежевому**, сразу исключаются. Прочие толкования, осуществляемые по этому образцу, будут столь же неинформативны" (Р.М.Фрумкина, Цвет смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. Москва, 1984, с.17).

В этом конкретном случае логичнее идти не по пути описания имени цвета **коричневый** через другие цвета, а по пути указания на прототипический эталон, на характерный объект, имеющий заданный цвет и "узаконенный" языковой практикой типа *каштановый* или *цвета жареного кофе*. Можно также следовать совету А.Вежбицкой, которая предлагает „составлять” коричневый цвет как смесь красного, жёлтого и чёрного (А.Wierzbicka, *Lingua mentalis*. Sydney, 1980, p.43).

Красный - чаще в качестве компонента в сложных цветоименованиях. (Даль, т.2, с.188): (о масти) **краснобурый, искрасна-бурый,**

красновато-бурый, рыжебурый, а также (Даль, т.2, с.304): **Розовая** или **красносерая**, с **небольшой красниною**; **изабеловая**, **буланая** с **красниною**, **красногнедая**.

Крылатый - (Даль, т.2, с.305): "саврасый или каурый с тёмным оплечьем".

Муругий - у составителей русских толковых словарей нет даже приблизительного единства относительно качественной стороны этого обозначения масти, как нет единого мнения по поводу того, чья, каких именно животных, эта масть: а) в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н.Ушакова (т.2, стлб.281) специальное уточнение: **муругий** - (охот.). О собаках: рыже-бурой или буро-чёрной масти. О масти собак: рыже-бурый или буро-чёрный; б) 17-томный словарь (т.6, стлб.1376): 1. Буро-чёрный или рыже-бурый. О масти животных. "Встречная арба, запряжённая парой **муругих быков**, ...свернула с дороги". 2) *Обл.* Тёмный, мрачный. "Больно **ночь муруга!**"

В словаре Даля специальной словарной статьи нет, но в одном месте (т.4, с.108) есть упоминание о нём как о цветообозначении: "**муругий** то же, что и **рудой**".

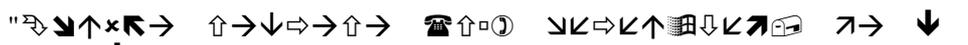
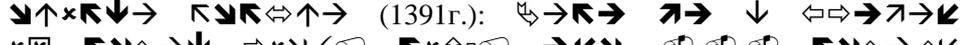
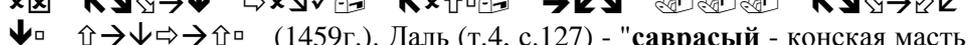
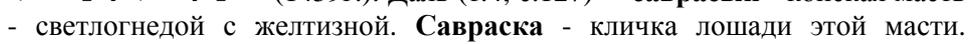
М.Фасмер (т.3, с.14) этимологии этого слова не даёт. **Муругий** у него: "пятнистый, полосатый (тёмный по цветному фону)".

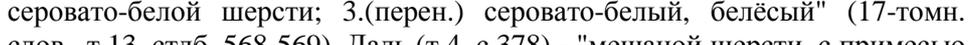
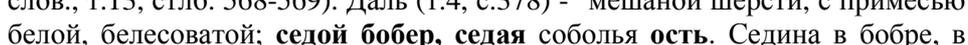
В.Махек (V.Machek, Etymologický slovník jazyka českého. Druhé vyd., Praha, 1971, s.377), опираясь на вост.-славянские диалектные формы с корневым **мур-** (ср. у него **муругий** - "пятнистый, полосатый"), предполагал для всего этимологического гнезда исходную основу **mur-** с преобразованием **mur-** > **mog-** по диссимиляции (Ср. две современные украинские формы **муругий** / **моругий** - В.М.). Однако, М.Фасмер (т.3, с.14) не исключает, что в русских словах "у" в корне вторично, возможно под влиянием формы **муравей** (?! - В.М.).

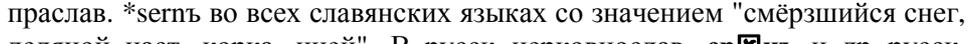
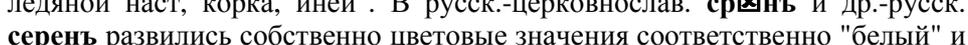
Данные других славянских языков и диалектов подтверждают широту распространения и древность этого общеславянского цветообозначения, и достаточно хорошо воспроизводят цветовые и "поверхностные" его характеристики. Л.В.Куркина отмечает, что "ареал одного из архаичных образований **maγ1γα/maγ1γ|* охватывает небольшую часть лехитской и лужицкой территории, а на юге - область словенского языка" (Л.В.Куркина, Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Люблина, 1992, с.120). Ср. в этой связи польск. *mogą* "тёмная полоса, полосатое животное" или *mogęowaty* - "полосатый (о масти животных)". (D.Hessen, R.Stypuła, Wielki słownik

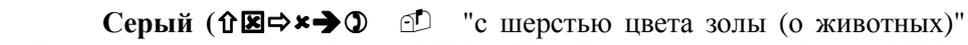
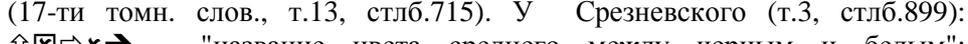
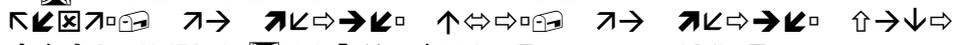
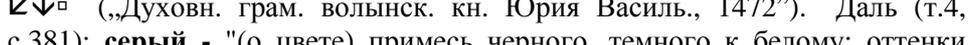
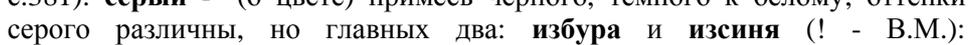
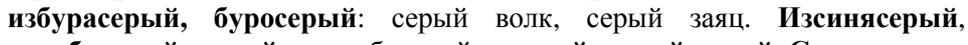
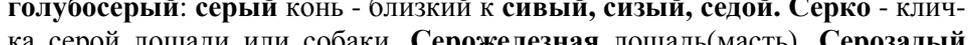
polsko-rosyjski. Warszawa-Moskwa, 1967. - Д.Гессен, Р.Стыпула, Большой польско-русский словарь. Москва-Варшава, 1967. с.439). Сюда же можно отнести словацкие *morózny* - "угрюмый" и *murín* (zastar.) - "мавр, арап" (D.Kollár, V.Doroťjaková, M.Filkusová, E.Vasilievová, Slovensko-ruský slovník. Bratislava-Moskva, 1976, s.209, 214) и ниже-лужицк. *mórg* - "лоскуток; пятно" (Е.Мукa, Słownik dolnoserbškeje řečy a jeje narěcow, T.1, Petrohrad, 1911, s.930), а также словенские диалектные: $\mu\alpha\rho 1\gamma\alpha$ - "пятно; помета" (ср. $\mu\alpha\rho\sigma\epsilon$ по $\omicron\beta\rho\alpha\zeta\upsilon$) или "корова пёстрой масти" (J.Šešelj, F.Ramovš, Narodno blago iz Roža.- In.: Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor, 1936-1937), *marogašca* - "белая овца с грязными пятнами на голове" (L.Pintar, Slovarki in besedoslovni paberki. - In.: Letopis Slovenske Matice, I, Ljubljana, 1895, s.121), *maróžiti* - "пачкать" (F.Bezlaj, Etimološki slovar slovenskega jezika, II, s.168), хорватское *mogo(g)* (ARj, VII, s.12) - "кличка собаки в Далмации и у хорватов-кайкавцев. Чтобы расширить географию, к этим примерам можно добавить чешские *morák* = *krocan*, *mogovatý hes*, *kocour* "индюк, пятнистый пёс, кот", *mogous* = *mougovatá kočka*, *mougovatý dobytek* "полосато-тёмносерая кошка, пёстрый (пятнистый) скот", *mogovatý* = *kropenatý*, *mougovatý* "в крапинку, пятнистый, полосатый", *mouřenín* - "негр, арап" (F.Trávníček, Slovník jazyka českého, s.947, 949), а также болгарское диалектн. **мара** - "прозвище неопрятной женщины", **марушка** - "веснушка, пятно на лице беременной". Здесь же и русское **марать** - "пачкать" и украинское **мароватий** - "нечистый" - как реминисценции праславянск. **mor-/*mar-* со значением цвета (см. также: E.Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I-II/1 A - mor | Heidelberg, 1908-1913, S.18; A.Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves. Vol.IV: La formation des mots. Paris, 1974, p.499; F.Sławski, Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. - In.: Słownik prasłowiański. T.I, Wrocław, 1974, s.67).

Мухортый - "гнедой с жёлтыми подпалинами. О масти лошадей. (17-ти томный словарь, т.6, стлб.1396). Там же: **мухортик** - (обл.) "малорослый и слабосильный человек". У Даля (т.2, с.363): **мухортый**, о лошади: гнедой, с желтоватыми подпалинами у морды, у ног и в пахах. **Мухортик** - мухортая лошадь. У Фасмера (т.3, с.19) сходное описание: **мухортый, мухрый** - "гнедой с большими белыми или желтоватыми пятнами около морды (о лошади)", а также "малорослый". Слово неясного происхождения. Интересна этимологическая гипотеза О.Н.Трубачёва, в соответствии с которой русское **мухортый** - это результат гаплоглозии первоначальной формы **мухо-хортый* - "светло-гнедой" (см. "Вопросы славянского языкознания", 1957, № 2, с.40). Ср. также в рамках балто-слав-

" (1391г.):   (1459г.). Даль (т.4, с.127) - "**саврасый** - конская масть - светлогнедой с желтизной. **Савраска** - кличка лошади этой масти. **Савраска** да **каурка** на два века." Достоверной этимологии этого цветообозначения пока нет (Фасмер, т.3, с.542).

Седой (- "2. с примесью серовато-белой шерсти; 3.(перен.) серовато-белый, белёсый" (17-томн. слов., т.13, стлб. 568-569). Даль (т.4, с.378) - "мешаной шерсти, с примесью белой, белесоватой; **седой бобер**, **седая соболя ость**. Седина в бобре, в соболе дорого ценится. **Седобурый**, **седорыжий** - чалый. **Седогривый** конь, **седобородый** козел; **серогузая** лиса - исчерна-рудожелтая, с седой остью на крестце и по гачам".

Сереный (- от праслав. *serъ во всех славянских языках со значением "смёрзшийся снег, ледяной наст, корка, иней". В русск.-церковнослав. **срѣнь** и др.-русск. **серень** развились собственно цветовые значения соответственно "белый" и "белой масти(о лошади)" (Фасмер, т.3, с.608). У Срезневского (т.3, стлб.339 и 484) **сереный** и "белый (о конской масти)", а также "белый, бело-серый(о конской масти)":

Серый ("с шерстью цвета золы (о животных)" (17-ти томн. слов., т.13, стлб.715). У Срезневского (т.3, стлб.899): - "название цвета среднего между черным и белым":   (1579г.). (Бахилина, с.104). Другие примеры: („Духовн. грам. волынск. кн. Юрия Василь., 1472"). Даль (т.4, с.381): **серый** - "(о цвете) примесь черного, темного к белому; оттенки серого различны, но главных два: **избура** и **изсиня** (! - В.М.): **избурасерый**, **бурасерый**: серый волк, серый заяц. **Изсинясерый**, **голубосерый**: **серый** конь - близкий к **сивый**, **сизый**, **седой**. **Серко** - кличка серой лошади или собаки. **Серожелезная** лошадь(масть). **Серозадый** (русак), **Сероплекий** голубь, гусь. **Серобурая** куропатка. **Сероклювая** утка. **Серогривый** мерин. **Сероморозная** смушка. **Серопепельный** кро-

В.Л. Сердюченко

ЗОНА Ш.

(Опыт литературоведческой фантазмагии)

О т автора: История литературного писательства знает немало примеров и случаев, не поддающихся окончательной логической расшифровке. Писания, проблема датировки и автора „Слова о полку Игореве”, загадка Шекспира, гоголевские мистификации собственной писательской (и человеческой) сущности, многовековой феномен литературного псевдонима и т.д. Подобные явления образуют особую, „паралогическую” зону литературной деятельности, требующую нетривиальных исследовательских подходов. Настоящая статья является попыткой именно такого рода. Конкретным материалом для её написания послужила длящаяся полвека дискуссия вокруг писательской личности Шолохова.

Авторство „Тихого Дона” - одна из самых интригующих филологических загадок XX века. Как только негласный запрет на критическое слово о Шолохове был снят, в печать хлынул поток разоблачительных антишолоховских публикаций. „Тихий Дон” перечитан сегодня с лупой в руках, из архивного небытия извлечен пласт интереснейшей довоенной и даже дореволюционной информации, сопоставляются факты, документы, тексты, спорщики сражаются друг с другом уже с помощью компьютеров¹, отысканы и свидетельствуют даже садовники Шолохова² - таков размах разгоревшейся дискуссии.

Однако, введя в оборот массу неизвестных ранее материалов, „новые шолоховеды” запутались уже на собственных основаниях. Их доводы и аргументы взаимно обесценивают друг друга: никакая точка зрения не предстает предпочтительной, и загадка Шолохова лишь набирает в загадочности.

От иных разысканий о Шолохове явственно пахнет серой. Например, некто Л.Колдный недавно потряс общественность заявлением о том, что черновики „Тихого Дона” существуют, и таким образом Шолохов

¹ См., напр., открытое письмо начальника сектора математического обеспечения ЭВМ Вычислительного центра Лесотехнической Академии им. С.М. Кирова Е.В. Вертеля норвежским ученым во главе с Г.Хьютсо, предпринявшими компьютерный анализ текста „Тихого Дона” („Вопросы литературы”, февраль 1991).

² О показаниях садовника, „15 лет работавшего в доме Михаила Александровича”, упоминает Рой Медведев („Вопросы литературы”, 1989, №8, с.151).

- это Шолохов, но тут же таинственное оборачивается вдвойне таинственным: „Если бы я был уверен, что в известную мне дверь, за которой находятся рукописи первых двух книг „Тихого Дона”, в наше тревожное время не постучат непрошеные гости, то я, конечно, сообщил бы читателям и другую интересующую их информацию относительно московского архива, которую пока вынужден опустить”³

Итак, черновики „Тихого Дона” существуют, но не могут быть обнародованы: их обладатель опасается за свою жизнь.⁴

Автор публикации сражает своим сообщением обширный корпус антишолоховских материалов, инициированных книгой „Стремя „Тихого Дона” (загадка романа)”, изданной в Париже в 1974 году. Кому принадлежит эта книга? Анониму Д. Почему анониму? Уж не по той ли причине, по которой обладатель рукописи Л.Колодный предпочитает держать её в тайнике, в подполье?⁵

Запомним это слово, „подполье”. Оно станет ключевым в наших дальнейших умозаключениях.

Следующая особенность околошолоховского пространства - его перенасыщенность всевозможными копиями и ссылками на „из неопубликованного”:

... „Воспроизводится по оригиналу письма, хранящемуся в частной коллекции. У автора имеется фотокопия”.⁶

³ Л.Колодный, Рукописи „Тихого Дона”. - „Вопросы литературы”, 1993, вып. 1, с. 300.

⁴ Эта тема роковой опасности. Возникающей вокруг каждого, кто слишком близко соприкасается с „тайной Шолохова”, звучит и у Роя Медведева” В феврале 1975 года в моей московской квартире был устроен обыск, значительная часть моего архива была изъята. Для меня было очевидно - и по характеру обыска, и по предупреждению Московской прокуратуры, - что именно работа над книгой о Шолохове была причиной интенсивного давления властей.” („Вопросы литературы”, 1989, №8, с. 149.).

Любители детективного литературоведения по достоинству оценят и пассаж некоего Бар Селлы Зеева, звучащий, как доклад по инстанции: „Сообщаем: истинный автор романа „Тихий Дон” нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в Московском Императорском университете, автор двух (кроме „Тихого Дона”) книг, расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове-на-Дону”. (Бар Селла З., „Тихий Дон” против Шолохова”. - „Даугава”, №12, с.82.). Однако, даже укрывшись в Израиле с его могущественной контразведкой „Моссад”, этот разоблачитель с именем библейского пророка почему-то предпочитает умолчать фамилию подлинного автора „Тихого Дона”.

⁵ Сейчас тайна анонима раскрыта. Якобы раскрыта. В интригующей детективной манере Н.Струве во „Взгляде из Парижа” сообщил через 16 лет со дня опубликования книги, что её автором является жена Б.Томашевского Ирина Николаевна, по первому мужу Андреева. („Литературная газета”, 2 мая, 1990 г.).

⁶ М.Мезенцев, Судьба романа. - „Вопросы литературы”, февраль 1991, с.44.

... „Из неопубликованного письма М.А.Шолохова к А.М. Горькому, 6 июля 1931 г., стан. Вешенская. Цитируется по копии письма, предоставленной нам И.Г.Лежневым.”⁷

А вот своеобразный рекорд „copy-right style”, практикуемый в нашем шолоховедении: „Цитирую по копии, предоставленной П.К.Луговым. Письмо М.А.Шолохова к П.К. Луговому от 13/V 1933 г. публиковалось в выдержках в очерке К.Приимы „Шолохов в Вешках” („Советский Казахстан”, 1955, №5), статье Н.Мара „У берегов Тихого Дона...” („Литературная газета”, 17 марта 1962 г.). По непонятным соображениям К.Приима умолчал о том, что текст письма предоставил ему П.К.Луговой. Он сочинил версию о якобы найденном им в Вешенской у какой-то старухи архиве П.К.Лугового, в котором будто бы и было обнаружено письмо М.А.Шолохова”.⁸

Уф... Читатель ещё не запутался в этой фантазмагории ссылок, копий, копий с копий, копий с неопубликованного, с неопубликованного и ненаписанного? Версии, тайники, старухи... Как-будто исследователи Шолохова разыгрывают им самим недоступные козыри, вводят в заблуждение других и самих себя, искренне веруя при этом в безусловную научную достоверность своих архивно-эпистолярных разысканий.

То же и с рукописями „Тихого Дона”. Здесь возникает мотив бомбы. Она появляется сжигающей точкой в белесом небе над Вешенской и, управляемая лукавой волей Шолохова, с математической точностью попадает в его писательский архив. Вопрос об авторстве снят и снят гениально. Никаких черновиков не только к „Тихому Дону”, но и к „Донским рассказам”, и к „Поднятой целине” нет и быть не может.

Но особенности „зоны Шолохова” таковы, что в ней все возможно. Разбомбленный архив, как феникс из пепла, вновь возникает в писаниях его исследователей. Он разбомблен, но не полностью.⁹ Он вообще не разбомблен, но утерян растяпами из НКВД: „Весь мой архив, а в том числе рукопись романа „Поднятая целина” - все пропало в годы войны, переписка со **Сталиным, Горьким** и другие ценные материалы мною были сданы в местный архив. Надеялся, что сберегут, а вышло - сдал им, как в пропасть кинул. Непостижимо, как они утратили этот архив... Рукопись **второй книги** „Поднятая целина” утрачена со всем архивом (выделено нами - В.С.)”.¹⁰

⁷ В.В. Гура, Жизнь и творчество М.А. Шолохова, М., 1960, с. 61.

⁸ Л.Якименко, Творчество М.А.Шолохова, М., 1977, с. 167.

⁹ Так, например, утверждает А.Хватов, ссылаясь на шурина Шолохова И.П.Громославского. - См.: А.Хватов, Художественный мир Шолохова, М., 1970, с. 300.

¹⁰ Эта версия более радикальна, поскольку „аннигилирует” вообще все, что могло принадлежать довоенной руке Шолохова и даже руке его высокопоставленных корреспондентов.

Но не верьте и этому. Ничего не разбомблено и не утрачено. Во всяком случае, черновики первой половины „Тихого Дона” целы и сберегаются на конспиративной столичной квартире, ведомой Л.Колодному.

Ещё загадочней выглядит биография Шолохова. Например, где он находился в годы войны? Что он делал в Англии, Болгарии, Германии, Голландии, Дании, Норвегии, Польше, США, Франции, Швеции, Японии? Кто организовал в начале 60-х гг. его встречу с внучкой Леонида Андреева, причастной к „голоушевской” версии авторства „Тихого Дона”?¹¹ Не можем удержаться от соблазна, чтобы не уточнить, что впоследствии именно О.Карлайл-Андреева становится западной литературной резиденткой А.Солженицына, автора разгромного антишолоховского предисловия к „Стремени „Тихого Дона””.¹²

И так далее, и все загадочнее, противоречивее, фантазмагоричнее. Как если бы рядом с Шолоховым работал мощночастотный генератор, подавляющий или искажающий любую информацию о нем.

Отвлечемся, однако, от этих интригующих несообразностей и вспомним, из-за чего, собственно, возникла волна антишолоховских высказываний в 70-80-е годы. Вот именно, из-за разительного несоответствия автора „Тихого Дона” - образу того Шолохова, каким он являл себя литературному миру послевоенных десятилетий. Олимпийский мудрец - и реакционер, черносотенец, требовавший революционной расправы над оппозиционными режиму писателями. Донской Гомер - и автор бездарных очерков о борьбе за мир. Непревзойденный мастер слова - и косноязычный запойный пьяница, гордившийся с трибун партийных и писательских съездов такую околесицу, что морщились даже его кремлевские покровители. Не будет преувеличением сказать, что в либеральных литературных кругах Шолохова **ненавидели**, и как только ситуация позволила, на его голову обрушились мстительные громы.

Остается, правда, невыясненным, сам Шолохов или К.Прийма откорректировал первоначальную и с нашей точки зрения более талантливую версию о бомбовом ударе по архиву. При чем здесь К.Прийма? При том, что именно ему поведал (якобы поведал) Шолохов, разумеется же, устно, нижеизложенную версию (см.: К.Прийма, Шолохов в Вешках. „Советский Казахстан”, 1965, №5.).

¹¹ Об этой встрече О.Карлайл-Андреева рассказала в талантливом очерке „Вы дома”, опубликованном в „Вопросах литературы”, май 1990 г.

¹² Ещё одна пикантная подробность, обнаруженная нами в обширной, растянувшейся на несколько книжек „ВЛ” публикации О.Карлайл-Андреевой о переправке рукописей А.Солженицына на Запад: „интервьюэрка” Шолохова и резидентка Солженицына вхожа, оказывается, в высшие политические круги Америки (см. описание её визита у семейства Кеннеди). Невольно приходит на память блистательная литературно-политическая авантюристка Мария Будберг-Закревская, и мы почему-то не думаем, что такое сравнение будет госпоже Ольге неприятным.

Отказав Шолохову в авторстве „Тихого Дона”, его недоброжелатели оказались, однако, перед кругом новых вопросов. Как тогда быть с „Донскими рассказами”, „Поднятой целиной”, „Они сражались за Родину”, „Судьбой человека”?

Более-менее единодушно было решено в том смысле, что с „Тихим Доном” они совершенно несопоставимы и заслуживают интереса лишь как беллетристические поделки большевизанствующего литератора.

Так ли это? Достаточно сравнить „Донские рассказы” с „Конармией” И.Бабеля, чтобы убедиться, что они этого сравнения не проигрывают, по крайней мере по отсутствию в них налета эстетизма, „художничества”, неуловимо присутствующего даже в самых жестоких сюжетах „Конармии”. Пафос новелл И.Бабеля - все-таки литературный пафос, в то время как действительность „Донских рассказов” внутренне сопряжена с прекрасным и яростным, „внелитературным” миром „Тихого Дона”. И, между прочим, совсем не большевистская правда торжествует в таких донских рассказах, как „Семейный человек”, „Чужая кровь”, „Обида”, „Ветер”.

О „Поднятой целине”. А.Солженицын оценивает её так: „...Впережку с последними частями „Тихого Дона” начала выходить „Поднятая целина” - простым художественным чутьем, безо всякого поиска, воспринимается: это не тот уровень, не та ткань, не то восприятие мира”.¹³

При всем уважении к маститому читателю рискнем все-таки утверждать, что его читательское чутье слишком политизировано, чтобы безусловно ему довериться. „Поднятая целина” - лучшее произведение о крестьянской действительности 30-х гг.¹⁴ Это самый жизнеспособный образец социалистического реализма. Один из безупречно выполненных социальных заказов эпохи. Имеет кто-нибудь что-либо возразить против этого?

Возражения имеются, но они лежат в иной, морализаторской плоскости: роман „Поднятая целина” плох потому, что Шолохов политический злодей, гений же и злодейство вещи несовместными; он ниже всякой критики именно потому, что он выше всякой критики как произведение социалистического реализма; роман бездарен, поскольку он воспекает советскую власть и т.д.¹⁵

¹³ Цит. по: „Вопросы литературы”, сентябрь-октябрь, 1991, с. 39.

¹⁴ „Дай-то, как говорится, Бог большинству нынешних знатоков советской деревни такого знания предмета и такого уровня письма...”. Это утверждает не какой-нибудь партийный борзописец, а покойный редактор „Континента” В.Максимов. („Континент”, №65).

¹⁵ В последнее время появились и иные, нетрадиционные трактовки романа. Так, В.Литвинов в статье „Уроки „Поднятой целины”” („Вопросы литературы”, сентябрь-октябрь 1991) обнажил массу негативных черт в поведении Давыдова со компанией и сделал вывод

Мастерской рукой написаны и „Они сражались за родину”, и „Судьба человека”. Не будем отрицать этого в угоду политической минуте. Не будем отрицать и того, что они написаны одной и той же, пусть постепенно славбеющей рукой. В них есть единство авторского почерка, „знака”, единство ощущения человека и его мира - и никакие компьютеры, ни Солженицын не заставят автора этих строк согласиться с обратным. Руководствуясь „простым художественным ощущением”, на чем настаивает А.Солженицын, автор считает, что если „Тихий Дон” гениальное, то „Поднятая целина” очень талантливое, а „Они сражались за родину” и „Судьба человека” просто талантливые произведения.

Но тогда... тогда невероятная эта история делается вдвойне невероятной и разрешить её с помощью здоровой логики становится вообще невозможным. Здесь необходим какой-то альтернативный, „неэвклидовый” угол зрения на проблему, и мы намерены предложить собственную, вполне сумасшедшую версию, рассчитанную, впрочем, на соответствующего редактора и читателя.

Исходная суть нашей гипотезы состоит в том, что человек по имени Шолохов **никогда не написал ни единой художественной строчки**. Не было **писателя** по имени Шолохов. Было нечто другое.

А именно редкостная, превосходящая всякое литературоведческое и не только литературоведческое воображение авантюра, условно обозначенная нами как „гений и бес”. Ревнителей здравого смысла просят из аудитории удалиться.

Представьте себе люмпенизированного деревенского парня, почти мальчишку с генетическим ощущением своей исключительности. Он физически тщедушен, застенчив, неуклюж, а вместе с тем не по возрасту проникателен, восприимчив и дьявольски честолюбив. Нравственные рецепторы изначально подавлены у него инстинктом самоутверждения, его

о намного более противоречивой позиции автора „Поднятой целины” по отношению к изображаемому, чем то представлялось её твердокаменным партийным комментаторам.

Ещё более интересной выглядит попытка И.Коноваловой увидеть в декорациях просоветского соцреалистического романа последовательно антибольшевистскую и антиколхозную эпопею. Экстравагантность подобного прочтения обеспечена, нужно признать, весьма убедительной аргументацией и во всяком случае выгодно отличается от школярского „солженицынского” разоблачительства. (см.: И.Коновалова, Михаил Шолохов как зеркало русской коллективизации. - „Огонек”, 1990, №25). С этой трактовкой корреспондирует мнение уже упоминавшегося В.Максимова: в романе рассказана беспощадная правда, „до какой (я на этом настаиваю!) не поднимался ни один её современный летописец. И кто знает, может статья, не в социальных максимах Давыдова и Нагульного, а в размышлениях Половцева по-настоящему выражена авторская позиция тех лет?” (В.Максимов, Человек и его книга. - „Континент”, №65). Мы бы в этом предположении заменили ортодоксального Половцева на философского Лягвевского. Но об этом несколько ниже.

мечты - мечты завоевателя, чемпиона, „первого”. Кругом неслыханные перемены, невиданные мятежи и „вакансии как раз открыты”, нужно только правильно выбрать. Он прекрасно усвоил призывы и лозунги большевистских газеток о том, что терять таким, как он, нечего, приобрести же они могут весь мир.

Покинув родительский дом, а, может быть, и изгнанный оттуда, он превращается в этакое донского Валета, блуждает по городкам и весям превращенного в революционный ад казачьего Юга, грабит награбленное в составе красноармейских продотрядов¹⁶, пока, наконец, судьба не сводит его с неким П.Я. Громославским. Этот Громославский темная личность. Он успел посидеть в тюрьме уже при советской власти, и отнюдь не за политическое, а за уголовное преступление.¹⁷ То ли бывший станичный атаман, то ли станичный писарь, то ли корреспондент „Донских ведомостей”, проводивший в последний путь самого Ф.Крюкова¹⁸, а в целом криминальный тип с уклоном в весьма своеобразно понимаемую литературную - и не только литературную деятельность. Новоявленные дружки, старый и молодой, находят общий язык друг с другом с полуслова. Оба они отчаянные прожектеры, оба безнравственны, но именно поэтому хорошо понимают, что революция - это их время, их шанс, тут в мгновение ока можно стать миллионщиком, полководцем, наркомом, отцом небесным. Скажут, это из Достоевского, что к Шолохову во всяком случае это не имеет никакого отношения - а почему, собственно? Жизнь сложнее литературоведения и наших кабинетно-гуманистических представлений о ней, а Наполеоны чаще рождаются именно в хижинах, а не в дворцах. В мирное время они там и остаются, но социальная смута на то и смута, чтобы выбрасывать на поверхность донный слой маргиналов, авантюристов, этических мутантов.

И тут - внимание! - на сцене появляется третий. Мы с некоторым трепетом приступаем к описанию этого главного персонажа нашего сюжета - так же и потому, что придется окончательно оставить территорию

¹⁶ На склоне лет Шолохов решил уточнить этот легендарный эпизод из своей „Автобиографии” следующим образом: „На этой земле семнадцатилетним юношей я командовал продотрядом в двести семьдесят (! - В.С.) человек”. Зачем ему это понадобилось? А неизвестно. Но скорее всего, чтобы мимоходом перепроверить свои представления о размерах человеческой глупости и в очередной раз убедиться, что они беспредельны: восторженные летописцы немедленно занесли эту фразу в шолоховедческие анналы (В.Осипов, Дополнение к трем биографиям, М., 1977, с. 43; А.Навозов, Шолохов в „Правде”, М., 1935.).

¹⁷ Государственный архив Ростовской области. Шахтинский филиал, ф.766, оп.1, д.208, л.28.

¹⁸ Мы намеренно не комментируем эти версии, потому что каждая из них начинается с излюбленного в шолоховедении „есть свидетельства”.

филологической учености и углубиться в малоосвещенные коридоры жизни.

Итак, однажды ночью на пороге громославского дома появляется некто гениальный и полубезумный одновременно. Он одержим всевозможными гоголевскими невротами, у него очередной психический кризис, его терзают метафизические ужасы и демоны всего мира, но прежде всего агорафобия, страх открытого пространства, где царит разрушение и смерть. Он умоляет оторопевшего хозяина спрятать, скрыть его в подполье, подвале, подземелье. Спрятать - и как можно реже о нем вспоминать.

Подвал у Громославского имеется. Не подвал, а настоящая гробница с каменными сводами. Там-то добровольный узник и поселяется. Через некоторое время он требует перо и бумагу. Почему бы и нет, тем более, что он расплатился за тайник такой суммой, которая сделала Громославского крезом. К тому же этот ненормальный - вроде писатель; странный, однако, писатель. Почитаешь - пустомеля, а занято: самое то, что творится сейчас на Дону.

Дальше - серия затемнений. Но можно предположить, что неугомонного Громославского вместе с его будущим зятем осеняет грандиозная затея. Они решают стать писателями! Большевикскую грамоту они научились читать между строк. В том числе и про то, что писателей сейчас набирают из рабочих и крестьян. Писательство - дело великое. Например, Льва Толстого даже цари боялись. Неужели ты, Мишка, не сможешь, как тот, в подполье? С твоей-то анкетой, чево там?

Так Шолохов, щедро финансируемый тестем, впервые появляется в Москве. На первых порах все складывается, как предполагалось. Безусые столичные литкомиссары только что не носят его на руках. Как же, из беднейшей крестьянской семьи, гонитель белоказачьих банд, гаврош донской революции. Немедленно в редакцию, в литстудию, твори, выдумывай, пробуй!

Увы, через некоторое время Шолохов с отчаянием обнаруживает, что он не может складно связать на бумаге двух слов. И научиться этому, оказывается (чертов тесть!), невозможно. Промаявшись в Москве около года и изобразив за это время три жалких фельетона, которые за ради его рабоче-крестьянского происхождения тиснули в „Комсомольской молодежи“, наш завоеватель бесславно возвращается восвояси.

Будущий тесть в ярости. Не может такого быть, чтобы его Мишка не пробился в большевистские генералы! Срочно оформляется брак 17-летнего юнца с перезрелой 25-летней невестой, и вот Шолохов с молодой снова в Москве. Снова бесплодные блуждания по редакциям, недавние

дружки косоротятся, жить негде, биржа для безработных... Очередное позорное возвращение в пенаты.

Подпольный гений раздражается все это время отрывками великолепной прозы. Это в конце концов начинает понимать даже Шолохов. И ведь как просто: рыбалка, Петьки с Таньками, мат-перемат, дед Гришака плетется с база, а читаешь - зареветь хочется.

„А про наших, про красных можешь?“ О, подпольный гений может все. Дрожа от надменного возбуждения, он в считанные дни создает целую гроздь поразительных по силе рассказов. Шолохов одним пальцем, без интервалов и абзацев перепечатывает их на той самой знаменитой машинке, и вот уже престарелый А.Серафимович поздравляет советскую литературу с рождением нового рабоче-крестьянского таланта.

Что дальше? Изнурительные бдения за столом убеждают Шолохова лишь в том, что он бездарен, бездарен, катастрофически бездарен. Так, как этот, под полом, писать он не может и вообще никак не может. Но внизу растут кипы рукописей. Судя по чадным заявлениям узника, он принялся за „Войну и мир“ двадцатого века. Авторство, слава, деньги для него звук пустой. Он тайнописец, слепой Гомер, повелитель слова - с него достаточно.

Шолохов решается. Первая, затем вторая книги „Тихого Дона“ уходят в московские редакции. Буря восторженных откликов, автора требуют немедленно на сцену, пред очи литературных вождей, в партийные хоромы РАППа.

... Но почему он так неуклюж, этот донской творец? Почему так скудны, беспомощны его речи? Что за нелепая кривая ухмылка, бегающие глаза, взгляды исподлобья? Почему он так позорно путается в собственных героях, собственной биографии и куда он все время исчезает?

Сады советской словесности не лирические тургеневские усадьбы, здесь рубят с плеча. Единодушно обласканный, Шолохов в считанные месяцы становится литературным изгоем. И особенно неистовствуют ростовские дружки, не пробившиеся во столицы. Вокруг Шолохова завязывается клубок завитки, подозрений, сплетен, и все это материализуется в статье „Эпопея под вопросом“ („На подъеме“, 1929, №1), где Шолохов открыто назван литературным вором, а затем следует новый удар: кто он такой, неизвестно, но такую вещь мог написать только белогвардеец.¹⁹

Переполошившиеся редакторы задерживают публикацию третьей книги „Тихого Дона“. Разгорается скандал. Делом заинтересовывается сам Сталин. От кого он мог бы получить объективную информацию на этот

¹⁹ К.Прокофьев, Творцы чистой литературы. - „Большевистская смена“, 8 сентября 1929 г.

счет? Пожалуй, только от Горького. Так вот, отправить Шолохова на литературно-психологическое освидетельствование в Сорренто.

Шолохов понимает, что началась настоящая игра. Никакая это не творческая командировка к патриарху пролетарской литературы. Он уже потерялся в коридорах власти, он знает их нравы, их методы увещевания. Горький наверняка его раскусит, это не лопухи из РАППа. Как избежать позора? А вот как: из Союза выехать, а до Горького не доехать. Причины? Э, бог не выдаст, свинья не съест. Додумаем по дороге.

Просидев две недели в Берлине и не выдумав ничего путного, Шолохов внезапно исчезает оттуда, чтобы объявиться в своей вешенской цитадели, отдаленной от Москвы тысячами километров, бездорожьем и отсутствием телеграфной связи.

Но Сталин ничего не забывает.

Мы вполне допускаем, что число читателей, принявшихся за чтение этой статьи, к настоящему времени уменьшилось наполовину. Что же, статья не для них и писана. Но те, кто сориентирован, так сказать, на дух, а не букву нашей версии, признают по крайней мере, что она покамест ни на йоту не отступила от того документированного минимума, которым располагает шолоховедение.

Попытаемся смоделировать первую встречу и первый разговор Шолохова со Сталиным.

Итак, вот они друг против друга, величайший властелин и величайший авантюрист двадцатого века. Сталин в большом затруднении. Недавно он начал строительство культурного фасада своей империи. Это должна быть великая культура. Способен ли РАПП создать такую культуру? Нет, РАПП такой культуры создать неспособен. Он способен лишь скомпрометировать первое в мире рабоче-крестьянское государство перед глазами просвещенного человечества. Все эти Либединские, Фадеевы, Фурмановы - это литература, писанная большевиками, о большевиках и для большевиков, нужны же Толстые. Одного такого Толстого он, Сталин, уже вернул России. Был граф Толстой, стал наш, советский писатель товарищ Алексей Толстой. Возвращается Горький. Обласкан Булгаков. Будет возвращен Куприн. Но они рождены не революцией. Важно же доказать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов советская земля рождать.

Теперь этот Шолохов. „Тихий Дон” - великое произведение. Кто написал это произведение? Простой трудовой казак. Разве это не доказательство главного - гуманистической жизнеспособности нового строя? Упустить это доказательство - поставить под сомнение судьбу культурной революции в СССР.

— Товарищ Шолохов, почему вы не выполнили указания Политбюро?

— Да вот, товарищ Сталин, правительство Муссолини две недели тянуло с визой. А у нас началась коллективизация и не сиделось в Берлине. Хотелось немедленно включиться в то, что делается сейчас дома, на Дону, одним словом.²⁰

Полагаем, двух-трех ответов подобного уровня было достаточно Сталину, чтобы понять, с кем он имеет дело. Но джин выпущен из бутылки. Слава о Шолохове несется по всему миру. Что же, он, Сталин, заставит его доиграть эту роль до конца. Помните, у Пушкина:

Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен же по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить.
Упорною, глубокой, вечной тайной.

И ему, Шолохову, в этом помогут. Отныне его имя будет защищено всей мощью тайной полиции государства. Вокруг него будет создана зона такой непроницаемой плотности, что сам Шолохов, даже если бы захотел, преодолеть её никогда не сможет.

— Товарищ Шолохов. Сила большевиков заключается в том, что они умеют каждого поставить на то место, где он может принести наибольшую пользу. Думаю, вам не следует заниматься практической организацией колхозов. Думаю, колхозник вы никудышный. Но ведь вы писатель... писатель? Очень хорошо. Партия поручает вам создать художественную эпопею о колхозном строительстве в СССР. Сталин почему-то уверен, что вы его не подведете.

И Шолохов с колотящимся сердцем возвращается в гостиницу. В **таких** переплетах он ещё не участвовал. Он попал в эпицентр могучих и загадочных кремлевских коловращений, высший смысл которых ему покамест непонятен, но ясны по крайней мере размеры грандиозного комплота, в котором он обречен отныне участвовать.

Не думаем, однако, что только страх владел Шолоховым в то время...

Что же наш гений? Он пребывает в усовершенствованной темнице новопостроенного шолоховского дома.

²⁰ Цитируем почти дословно по многочисленным записам этого исторического и почти гениального по бесстрашной беспардонности объяснения Шолоховым своего бегства из Берлина.

Шолохов уже научился разбираться в лабиринтах психики своего узника. Во-первых, он страдает тем, что Зигмунд Фрейд назвал бы „комплексом пещеры”. Физическое общение с миром ему невыносимо. Однако этот полусумасшедший представляет происходящее там, наверху, получше его самого, Шолохова! Он пожирает груды книг, газет, журналов, доставляемых хозяином из всех библиотек и книжных хранилищ области. Часами выслушивает косноязычно-ядренные рассказы Шолохова обо всем на свете, а потом превращает это в страницы такой дивной прозы, что Шолохов скрежещет зубами от злости, диктуя их машинистке, скорее всего супруге („Работать ты будешь только у меня!”²¹). Почему, ну почему он сам так не увидел, не уловил, не почувствовал?

„Комплекс пещеры” не единственная фобия Х. В нем живет сразу несколько переплетенных между собою существ, и одно из них хорошо знакомо Шолохову. Это демон честолюбия. Написать колхозный роман? О, этой новой литературной челяди и не снилось, какой роман можно создать на этом материале. Он покажет „им”, **что такое социалистический реализм, выполненный пером гения.** „С кровью и потом” - вот как он назовет эту колхозную шекспириаду, и пусть снимут шляпы критики всего мира.

Шляпы всего мира действительно были сняты. Новый роман начал победное шествие по свету. Величайший социальный эксперимент получился, так сказать, гуманистическую прописку в сознании не только отечественного, но и мирового читателя. Зачем лукавить: сегодняшние упражнения об ужасах коллективизации на несколько порядков ниже „Поднятой целины”, спрятавшей под благонадежным названием более сложную, „с потом и кровью” рассказанную правду. Если иным антишолоховцам угодно прочитывать „Поднятую целину” лишь как литературный документ сталинской политики, мы призываем признать только, что это гениальный документ жестокой и великой политики, а не конъюнктурная соцреалистическая поделка.

Наложница классового врага и жена коммуниста становится одновременно любовницей его товарища по партии - возможно ли такое в произведении социалистического реализма? Нет; но именно эта ситуация описана в „Поднятой целине”. Приблизимся, ещё приблизимся к тексту, и в нем откроется некоторый тайнописный, „масонский” пласт, диффузно переплетенный с большевистской правдой (См. И.Коновалову).

Кстати, обратил ли читатель внимание на мотив „подполья”, неуловимо присутствующий в романе? В тайнике, в некоем межстенном пространстве умирает голодной смертью, но одновременно от любви к

²¹ См.: В.Л.Котовсков, Шолоховская строка, Р/н/Д, 1988, с. 167.

своему заточителю мать Островнова. В таком же секретном тартаре пребывают на протяжении всего романа Половцев и Лятевский. Их нет, но они есть. Они за семью замками, но они знают все.

А вот, например, описание гомосексуального бреда Островнова. Читатель, разумеется, не помнит ничего подобного, но откроем вторую главу второй книги - и кто же предлагает Островнову, хозяину дома и тайника, стать его возлюбленным? Да обитатель этого тайника, Вацлав Августович Лятевский!

Ах, это опять из Достоевского. Вот именно, вот именно, дорогой читатель. Из Достоевского, а не из умозрительного филологического опыта...

И что интересно, все эти inferнальные эпизоды находятся во второй, вышедшей через двадцать лет и особенно изруганной книге „Поднятой целины”.

Вернемся, однако, к реальным персонажам нашего сюжета. Возникла ситуация, когда все трое - Сталин, Шолохов и подпольный гений - оказываются равно зависящими друг от друга. Ситуацией, как всегда, владеет Сталин. Она достаточно рискована, но для Сталина периферийна. Он **назначил** Шолохова автором „Поднятой целины” и „Тихого Дона”, он сделал его депутатом, лауреатом, миллионером, академиком, неприкосновенным советским гением - об остальном должен заботиться сам Шолохов.

И Шолохов заботится. К сожалению, иногда его заносит. Он имеет все - и ничего не умеет. Он бесплоден, безбытен, внутренне пуст. Дотошные шолоховеды установили даже его абсолютное равнодушие к поэзии земледельческого труда²². А вместе с тем он невероятно динамичен, целок, беспредельно самолюбив и пытается все-таки стать этаким вешенским Давыдовым, переступив тем самым пределы, раз и навсегда указанные ему железною волею вождя. Тут, как неожиданно хорошо сказано одним из шолоховских защитников, в очередной раз „серьезное литературоведение... обрывается, дальше - фантазмагория”.²³ Шолохов якобы посылает в Кремль телеграмму о колхозных перегибах на Дону, потрясенный Сталин якобы приказывает прекратить безобразие; из

²² Так, во всяком случае, утверждает Рой Медведев: „... Никогда не работал на земле, не пахал, не сеял, не косил сено, не собирал урожай, не ухаживал за скотом и конями. Да и позднее, став известным писателем, Шолохов не пристрастился ни к садоводству, ни к огородничеству. Многие из его посетителей и друзей писали о пристрастии Шолохова к рыбной ловле и охоте, но никто не видел его за возделыванием собственного сада и огорода. Значительная часть его окруженной высоким забором усадьбы в Вешенской просто заасфальтирована.” („Вопросы литературы”, 1989, №8, с. 61).

²³ Ф.Бирюков, Федор Крюков и Михаил Шолохов, - „Вопросы литературы”, февраль 1991, с. 61.

Москвы в Вешенскую мчатся тридцать пять тысяч курьеров, Шолохова пытаются арестовать, подписанты встречаются под забором Ростсельмаша, возникает какой-то, которому „прострелили ногу в годы гражданской войны”, кто-то, то ли сам Шолохов, ночует в подмосковных лесах...

Этот эпизод в различных модификациях присутствует почти у каждого из шолоховских биографов. Дыма без огня не бывает; скорее всего Шолохов действительно попытался заварить какую-то кашу в областных масштабах, за что получил взбучку от Сталина и с тех пор уже никогда не посягал на административно-политическое кормило.

Война. Шолохов в звании полковника оказывается на фронте. На фронте? Информация о фронтовой жизни Шолохова практически равна нулю. Предел достоверности - „В начале июля 1941 года Шолохова уже можно было видеть в окопах недалеко от Смоленска”.²⁴ Мы намеренно опускаем дальнейшую цитацию на эту тему, иначе пришлось бы исписать целые страницы почти фольклорной чушью, недостойной имени Шолохова и его самого. О, в его личном мужестве можно не сомневаться. В боевой обстановке Шолохов чувствовал себя, уж конечно же, намного увереннее, чем за писательским столом. Но он оказался отключенным от питающего его источника. В результате - четыре (!) беспомощные корреспонденции в „Правде” и „Красной звезде” за все годы войны. И это на фоне мощной военно-патриотической публицистики А.Толстого, Л.Леонова, К.Симонова, И.Эренбурга!

После войны Шолохов объясняет это удручающее безмолвие с присущей ему поразительной беспечностью: „По характеру не могу я скоро писать. Никакой я не газетчик... У меня потребность изобразить явление в более широких связях - написать так, чтобы написанное вызвало в читателе и думу”.²⁵

Но ведь непреложен тот факт, что с 1943 года в тех же „Красной звезде” и „Правде” громадными газетными подвалами начали печататься „Они сражались за родину”.

Но ведь столь же непреложным историческим фактом является то, что Обдонье почти два года являло собою как бы ничейное пространство, в

²⁴ А.Хватов, Художественный мир Шолохова, М., 1970, с. 287.

²⁵ Цит. по: И.Лежнев, Путь Шолохова, М., 1958, с. 383. Этот И.Лежнев - любопытная фигура из шолоховского окружения. Почти все, что сказал или якобы сказал Шолохов в дохрущевские времена, цитируется именно по И.Лежневу. При Хрущеве таким своеобразным пресс-секретарем при Шолохове становится К.Прийма. Именно они как бы управляли околошолоховским пространством, пресекая доступ туда слишком настырным ходакам по части „творческой лаборатории” писателя. И делали это - при очевидной литературоведческой малоодаренности - безупречно. Невольно приходит на ум Крюков при Горьком...

борьбе за которое изнемогали две величайшие армии мира. Советские, немецкие, итальянские, румынские войска наступали, отступали, разрушая все вокруг, и по этой ничейной территории бродили тысячи потерявших себя местных жителей.

Одним из них был Х. Война выгнала его на поверхность, его полубезумный зрак запечатлевал происходящее, которое вновь было кромешным, как двадцать лет тому назад. Когда Шолохов, наконец, попал в станицу, он узнал в оборванце, жавшемся к стенам его разрушенного дома, своего соавтора. Мы почему-то думаем, что они оба показались в эту минуту друг другу спасителями.

И все вернулось на круги своя. Написав Шолохову „Судьбу человека“²⁶ и не дописав „Они сражались за родину“, безвестный гений исчерпал себя, стал одним из многих. Постепенно он превратился в беспомощного, „просто сумасшедшего“ старца и, очевидно, в конце 40-х - начале 50-х годов скончался.

Но Шолохов продолжал жить. Случай, десница вождя, его собственная бесовская карма забросили его на такие орбиты, с которых он уже не мог спуститься. Тайные указы сталинской империи ковались на века и исполняли их не дилетанты. Шолохов перешел из сталинской эпохи в хрущевскую неразменной золотой монетой, священной коровой советского искусства. Но если провидческий Сталин запрещал, то эмпирический Хрущев поощрял выходы Шолохова на публику. Не обладая художественным чутьем Сталина, ни его изощренным культурно-политическим мышлением, Хрущев постоянно провоцировал Шолохова на поступки, недостойные мифа Шолохова. К сожалению, Шолохов этим искушениям поддавался, превращаясь из вешенского герменевта, небожителя, в заурядного идеологического кадровика. Он, так сказать, проигрывал судьбу, выигрывая придворные почести.

Освобожденное от опеки тайного гения, неугомонное шолоховское „я“ требовало своего собственного писательского продолжения. Это же требовала хрущовская литературно-партийная челядь. Не понимая драматизма проблемы и наталкиваясь на оскорбительное молчание, она временами даже вомущалась за спиной у мэтра: „Многих писателей и широкие читательские круги волнует судьба некоторых крупных художников слова,

²⁶ Между прочим, М.Мезенцев также рискнул усомниться в принадлежности „Судьбы человека“ перу Шолохова. („Вопросы литературы“, февраль 1991). Но сам же и обесценил свое дерзкое предположение, сведя его к „крюковской“ версии. Де, после Ф.Крюкова остались два очерка о „судьбе русского воина, совершившего побег из плена“, и вот из них-то сконтаминировал Шолохов свое произведение. Здесь интересно по крайней мере признание безусловной художественной ценности повести в отличие от удручающих заявлений о её полной бездарности.

таких, как Шолохов, который систематически пьет, серьезно подорвал свое здоровье и долгое время не создает новых произведений”. Это из записки в ЦК КПСС от Отдела культуры и науки при ЦК КПСС.²⁷

Итак, человек по имени Шолохов обязан был оставаться писателем Шолоховым. Этого требовало его окружение, этого хотел он сам. Ведь он так долго, так интимно близко находился у творящего источника, что (казалось ему), возьми он перо и из-под него потекут такие же божественные глаголы.

Один из шолоховских конфиденентов по своей наивности описал одну из таких попыток. Это описание, если вчитаться, звучит ужасно:

„Три года назад мне и моим товарищам довелось несколько недель ездить с Шолоховым по придонским станицам и жить в рабочих поселках строителей Цимлянского гидроузла. Каждый из нас должен был написать очерк о Волго-Донском канале, о том новом, что принесла в засушливую степь живительная вода созданного советскими людьми молодого моря. Днем Шолохов осматривал вместе с нами участки гигантского строительства, а по ночам писал. Он запирался в отдельной комнате, работал до изнеможения, вдруг будил нас среди ночи, просил, словно проверяя себя, послушать очередной вариант его очерка, сердито отмахивался от наших похвал, рвал написанное, нервничал, вновь запирался в душной, полной дыма комнате, а через час-полтора подходил к кому-нибудь из нас, с простодушной, виноватой усмешкой поднимал с постели и просил:

— Ну-ка послушай, по-моему, так будет лучше!

Эти поиски лучшего продолжались из ночи в ночь, замучили нас вконец, и мы только могли удивляться: откуда в этом человеке берутся силы и где предел его беспощадной требовательности”.²⁸

Очерк так и не был опубликован.

Наш сюжет исчерпан. Мы не настаиваем на его аксиоматической достоверности. Мы лишь утверждаем, что полностью, от „а” до „я”, загадку Шолохова можно объяснить лишь так - и никак иначе.

Автор этих строк был бы искренне огорчен, если бы кто-нибудь прочел их как очередное антишолоховское разоблачительство. „Зона Шолохова” - особая, внеморальная зона, некий мефистофельский андерграунд советской культуры, нравственные оценки тут вообще невозможны. Усредненно-гуманистическое, „солженицынско-сахаровское” прочтение феномена Шолохова даст нам лишь образ банального мошенника, а это не так. Шолохов сам достоин стать героем гениального романа.

²⁷ Цит. по: „Вопросы литературы”, 1933, вып. 11, с. 278.

²⁸ „Литературная газета”, 1955, 24 мая.

И последнее. Автор этих строк надеется, что близкие и родные Шолохова не воспримут его версию, как оскорбительную, и сумеют прочесть нечто между строк. Сказано туманно, но меня поймут.

George Thomas

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О РОЛИ ПУРИЗМА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ

Введение

Как известно, в течение 19-го века на территории Габсбургской империи возникло или восстановилось довольно много литературных языков - прежде всего, венгерский, словенский, хорватский, чешский, словацкий и, кроме того, украинский, румынский, сербский. Со времени публикации работы венгерского учёного Tolnai (1929) принято считать, что обновление (nyelvújítás) состоит из трёх различных, но тесно связанных между собой процессов: **стандартизации, обогащения и пурификации.**

Сегодня хотелось бы обсудить несколько проблем, касающихся **пурификации** центральных языков „австро-славянского субареала”, как назвал их украинский славист Моисеенко, - словенского, словацкого, чешского и хорватского. На сегодня, к сожалению, приходится оставить в стороне интересные для данной проблематики, но периферийные языки: украинский и сербский. Также не будем рассматривать несомненно плодотворные в этом отношении паралели между данными славянскими языками с одной стороны и немецким и венгерским с другой.

Пурификация связана, конечно с пуризмом, тем отношением к языку, которое принимает одни его элементы и отвергает другие в зависимости от их происхождения (Thomas 1988; 1991: 35). Суть пуризма состоит в **открытости** или же **закрытости** языка при вхождении в его состав каких-либо элементов (Wexler 1974). Таким образом, вполне логично считать начальным пунктом для типологии пуризма разделение всех потенциальных языковых единиц на **принятые** и **непринятые**. Хотя самой распространённой формой пуризма является лексическая, в принципе он может действовать на всех лингвистических уровнях. В состав принятых и непринятых элементов входят и внешние и внутренние по происхождению элементы, - внешние: интернационализмы, заимствования и кальки; внутренние: архаизмы, диалектизмы, неологизмы и нестандартные признаки. Для данных языков особое положение занимают слова славянского происхождения, которые порой воспринимались как родные слова (Thomas 1992), но при этом могли препятствовать максимальному

различению данного языка от конкурирующих славянских языков (Auty 1973). Эту проблему мы обсудим отдельно ниже.

Ориентационная типология

В зависимости от открытости/закрытости языка к определённым элементам можно установить следующие типы пуристической ориентации:

1. **Ксенофобия** - может быть обще; или направленной на элементы из определённого иноязычного источника. В данных славянских языках ксенофобский пуризм направлен прежде всего и с большим успехом на заимствования из немецкого языка и, с меньшей интенсивностью, на греко-латинизмы и элементы романского происхождения. Отношение к калькам немножко сложнее, его мы затронем отдельно. К тому же, в словацком и хорватском языках из-за угрозы „мадьяризации” наблюдается отрицательное отношение к венгерским элементам, особенно в графике и политико-юридической лексике. Но этот вопрос, как известно, до сих пор мало затронут в научной литературе. Кстати, хотелось бы воспользоваться сегодняшней возможностью, чтобы призвать венгерских коллег к сотрудничеству по этой немаловажной проблеме.
2. **Архаизация** - представляет собой моделирование современного языка по типу более раннего этапа литературного языка и осуществляется эксплуатацией архаизмов. Такая ориентация типична для литературного языка с прерывающейся традицией, как, например, чешский, где исторический пуризм сохранился до наших дней вопреки стремлениям функционалистов пражской школы. Она в меньшей степени наблюдается также в хорватском, где проявляется в склонности иллирцев к сохранению связи с языком далматинской литературы, Ренессанса и Барокко, и в словенском с ориентацией на язык протестантов 16-го века, как на образец. Такой архаизирующий пуризм также очевиден в работе хорвата Франа Курелца, представителя Риекской школы, который опирался на язык старых чакавских текстов и на церковнославянский. Его подход однако был крайне своевольным и безрезультатным для дальнейшего развития хорватского литературного языка (Vince 1968, 1978).
3. **Фольклорность** - влечение к материалу, сохраняющемуся лишь в диалектах, пословицах и народных поговорках. Такой пуризм особенно очевиден в словенском и словацком в идентификации исконности языкового материала (больше всего лексического, морфологического и фразеологического) на основе его употребления в живой речи.
4. **Элитарность** - сильная оппозиция к употреблению диалектных и просторечных элементов. Это характерный признак тех языковых ситуаций,

где сосуществуют два сильно отличающихся друг от друга кода, - т. наз. диглоссия. К этой проблеме мы вернёмся позже.

5. **Модернизация** - мотивирована прежде всего желанием очистить новый литературный язык от наслоений какого-либо неприятного прошлого. Среди наших языков самым ярким примером является чешский. Характерны негативные взгляды на период национально-культурного распада после сражения на Белой горе в 1620-м году. Она также мотивирована новыми общественными функциями литературного языка, например, в отношении Юнгманнской школы к консервативным Неедлму и Палковичу.
6. **Антипуризм** (Brozović 1970) - строгая, принципиальная оппозиция к пуристическим реформам. В чешском языке отождествляется с такими филологами, как Добровский, Неедлый, Палкович и Хаттала. Эти стремления однако остались безрезультатными.

Эти шесть ориентаций могут проявляться в отдельности, или чаще в совокупности. В самом деле, комбинаторные возможности этих ориентаций детерминируют характер конкретного случая пуризма.

Языковая ситуация

Пуризм следует всегда рассматривать в рамках конкретной социолингвистической ситуации. Среди решающих факторов отметим следующие:

1) Билингвизм

В течение 18-го века немецкий язык стал господствующим языком культуры Габсбургской империи. В результате практически все выдающиеся представители славянского национального возрождения писали, разговаривали и даже „думали” по-немецки, ср. научные работы и письма Добровского, немецкие песни Мажуранича и Прешерена, немецкую прозу Гая, Шафарика, Коллара и многих других. Это иллюстрируют в частности воспоминания чешского филолога Бартоша (Bartoš 1891: ix):

„[O] věcech školních byli jsme nucení rozmlouvati mezi sebou německy, neznajíce českého názvosloví... Ve školách německých odvykli jsme nejen mluvit, nýbž i mysliti česky... Takovým způsobem se stálo, že každý vzdělaný Čech, vyšlý z těch škol, má ve svém nitru jako dvojí klaviaturu, - vnitřní formu řeči. Jedné - české -, pocíťiv se na ní troch za dětského věku, nechal pak ležeti ladem; na druhé - německé vzdělával se na školách německých za dokonalého virtuosa. Když pak později, stav se „vlastencem”, na oné zanedbané a rozladěné klaviatuře

opět břinkati se jal, ký div, že se často přechytně a tako způsobuje muziku, jež jest vytřelému slavenskému uchu pravou kočičinou.”

В результате, огромное число оборотов и новообразованных слов, непосредственно калькированных по немецким моделям стали употребляться в научно-популярной прозе на данных языках (Prunč 1967, Reiter 1953, Rammelmeyer 1975). Такое культурное влияние немецкого языка ярче всего проявляется в чешском и словенском (ср. Таблицу №1). В хорватском немецкое влияние чувствуется лишь на лексическом уровне - несомненно благодаря введению „новоштокавщины” как литературного языка с её „чистым” диалектным синтаксисом и фразеологией - и кроме того, как неоднократно указывал венгерский учёный Nyomárkay (1976, 1982-3), в конкуренции с венгерскими словообразовательными моделями. В словацком немецкое влияние было намного слабее и к тому же возникло главным образом через посредничество чешского языка. Интересно, что чешские „брусичи” второй половины 19-го века часто обращали внимание на „чистоту” словацкого языка по сравнению с чешским в этом отношении. Поэтому неудивительно, что пуристическая реакция на германизмы развивалась сильнее всего у чехов и словенцев. Оппозиция к германизмам в чешском языке до Первой мировой войны подразделяется на три фазы: - фаза Добровского с его антипатией к ненужным неологизмам, рабски калькирующим немецкие слова. Например, по поводу неологизма **prstoun** „палец ноги” вместо обычного **prst** „палец” Добровский спрашивает иронически:

„Müssen die Böhmen zwischen den Fingern und Zehen, den Deutschen zu Gefallen, erst im 18ten Jahrhunderte einen Unterschied machen?” (Dobrovský 1780: 104)

Тем же самым образом он критикует **mořská řetkev** „хрен”, слово калькированное на немецком **Meerrettich**:

„Hier müsste der Leser nach der böhmischen Erklärung an ein wunderseltsames ausländisches Gewächs denken und würde es kaum ahnen, dass hier der böhmische kren, křen, ehemals chřen, wie bei den andern Slaven, zu verstehen sey.” (Dobrovský 1798)

На основе таких примеров Добровский приводит общее заключение:

„Wenn man so fortfährt, so wird man nicht mehr böhmisch sondern mit böhmischen Wörtern Deutsch schreiben.” (Dobrovský 1780: 100)

- фаза Юнгманнской школы, которая следовала среднему пути - с толерантностью к лексическим калькам (Jedlička 1948)б но беспокойством относительно немецкой фразеологии (Sychra 1821).
- фаза брусичей (с 1870 года), для которых германизмы представляли центральную проблему культуры речи. Исконность языкового материала они старались установить на основе: а) свидетельства чешских письменных памятников до 1620 года; б) живой речи чешского и словацкого народов; в) аналогии с другими славянскими языками. Но на самом деле исконность тех или иных слов или выражений доказать было трудно, и в результате стал развиваться патологический страх перед возможными германизмами. Многие из этих мнимых германизмов являлись на самом деле европеизмами и вопреки стремлениям пуристов большей частью употребляются и в наши дни (напр. **bezplatný (kostelnos), nadcenovati (überschätzen), panovati (herrschen), přemlouvati (überreden), zájmeno (Fürwort), nemám pojmu (keinen Begriff haben), dodnes (bis heute), olejomalba (Ölgemälde), povstání (Aufstand), slovosled (Wortfolge), maloobchodník (Kleinhändler), napadnout (einfallen), patřiti (gehören), během času (im Lauf der Zeit), předmět (Gegenstand)**).

Немецкий язык был также распространён и среди широких масс населения, особенно в городах. Таким образом, в городском просторечии - а у чехов и словенцев даже в деревне - употреблялись сотни немецких слов и выражений. В наши дни они являются частью повседневной речи жителей Праги, Любляны и Загреба (ср. Sgall/Hronek 1992, Toporšič 1981, Prunč 1967, Magner 1966). Однако благодаря стараниям пуристов, большинство такого языкового материала осталось вне кодифицированного литературного языка. Аналогичная ситуация сложилась с романскими элементами в речи далматинских хорватов (ср. Vidović 1958). В результате этого у чехов, хорватов и словенцев развился явный контраст между лексикой литературного языка с одной стороны и повседневной речью с другой (ср. таблицу №2).

2) Диглоссия

Этот лексический контраст - один из самых характерных признаков той диглоссии чешского, словенского и (в ряде случаев) хорватского языков, когда литературный язык выполняет лишь определённые общественные функции, по большей части письменные. Архаизация и элитарный пуризм сыграл при восстановлении литературного языка главную роль в создании и сохранении этого контраста между двумя кодами вопреки закономерной тенденции к взаимодействию (конвергенции). Такая ориентация была широко распространена в кругах интеллигенции и сохраняется

до сих пор, несмотря на усилия более рационального и толерантного поколения интеллектуалов.

3) Обособление национального языка

Центральная функция литературного языка - его обособление от конкурирующих кодов. Таким образом, кодификаторы словенского языка были вынуждены обособить его от хорватского; так же как словацкий надо было обособить от чешского. В случае словацкого дело осложнилось тем, что в течение многих веков чешский язык (с более или менее значительным словацким компонентом) играл для словаков роль культурного языка. Таким образом, по крайней мере лексический фонд чешского языка принадлежал и словацкому. Более того, много новых чешских заимствований и иных славянизмов вошли в состав словацкого литературного языка после штуровских реформ. В случае словацко-чешских, как и словенско-хорватских лексических отношений в течение 19-го века имела место сильная конвергенция (Thomas 1992). Пуристическая оппозиция к этим конвергентным тенденциям, которая в научной литературе обычно связывается с новым положением словенского и словацкого в Югославии и Чехословакии, где господствовали сербо-хорватский и чешский соответственно, начинается уже к концу 19-го века. Показательно в этом отношении введение в словацкий язык русских заимствований вместо чешских. Само Чамбел это сильно критикует, хотя сам не всегда был склонен пользоваться чешской лексикой. В словенской лексикографии и журналистике 80-90-х годов уже наблюдается критический подход к сербохорватизмам. О характере этого „антиславянского” пуризма ещё мало написано, но мне кажется, что дальнейшие исследования периода до Первой мировой войны принесут плодотворные результаты.

Подведём итоги. В этой статье я хотел указать на несколько параллелей и контрастов в развитии основных славянских литературных языков Габсбургской империи. По-моему, самыми характерными признаком „австро-славянского” пуризма является упор на следующие проблемы: 1) проблему германизмов при двуязычии интеллигенции; 2) проблему диглоссии; 3) проблему обособления. Нас не удивляет, что эта триада проблем, оставаясь актуальной в течение XX века, и сейчас не совсем утратила свой полемический характер в общественном самознании этих народов.

Таблица №1:

чешский	словенский	немецкий	значение
na každý pád	na vsak način	auf jeden Fall	во всяком случае
napadá mně co		es fällt mir ein	мне приходится в голову
zaviseti od něčeho	zaviseti od česa	von etwas abhängen	зависеть от чего-н.
míti smůlu	imati smolo	Pech haben	быть несчастлив
ne divu, že	ni čudo	kein Wunder, daß	неудивительно, что
skrz na skrz		durch und durch	совершенно
během času	v teku časa	im Lauf der Zeit	со временем
v špatném stavu		im schlechten Zustante	в плохом состоянии
dodnes		bis heute	до сих пор
za každou cenu	za vsako ceno	um jeden Preis	любой ценой
s jedné strany na druhou		von einer Seite zur anderen	со стороны на сторону
jak je star?	Kako je star?	Wie alt is er?	сколько ему лет?
držet slovo	držati besedo	das Wort halten	сдержат слово
těší mne	me veseli	es freut mich	очень рад(а) познакомиться
musí to být		es muß sein	должно быть
jedná se o tom	gre za to	es handelt sich darum	дело в том
s 20 lety		mit 20 Jahren	когда было 20 лет
s vlakem	s vlakom	mit dem Zug	поездом
nemám pojmu	nimam pojma	ich habe keinen Begriff	понятия не имею
hrat úlohu	igrati vlogo	eine Rolle spielen	играть роль

Синтаксические и фразеологические кальки с немецкого в чешском и словенском языках

Таблица №2

Obecná čeština	Spisovná čeština	Zagrebački kajkavski	Hrvatski književni jezik	Русский эквивалент
-----------------------	-------------------------	-----------------------------	---------------------------------	---------------------------

ajznboňák	železničář	ajznbaner	željezničar	железно- дорожник
paraple	deštník	ambrela	kišobran	зонтик
štrúdl	závin	štrudl	zavijača	штрудель
fach	obor	fah	struka	специальность
fajfka	dýmka	fajfa	lula	трубка
frajle	slečna	frajla/frajlica	gospođica	девушка
glanc	lesk	glanc	sjaj	блеск
grunt	základ	grunt	uzrok/zemljište	причина/ фундамент
ksicht	obličej	ksiht	lice	лицо
kšeft	obchod	kšeft	posao	бизнес
kvartír	byt	kvartir	stan	квартира
luft	vzduch	luft	zrak	воздух
mašinfíra	strojvedoucí	mašinfirer	vlakovoda	машинист
pech	smůla	peh	nasreća	несчастье
ruksak	batoh	ruksak	naprtnjača, ranac	рюкзак
šichta	sména	šihta	smjena	смена
špek	slanina	špek	slanina	бекон
štace	stanice	štacija	stanica, postaja	станция/ остановка
švindl	podvod	švindl	prijevvara	подделка
tringelt	zpropité	tringelt	napojnica	чаевые
furt	stále	fort/furt	uvijek/stalno	постоянно
sichr	jisté	ziher	sigurno	верно

Сопоставление некоторых лексических элементов в разговорной речи и литературном языке (на основе материала чешского и хорватского языков)

ЛИТЕРАТУРА:

- Auty, R.** 'The role of purism in the development of the Slvonic literary languages' (Slavonic and East European Review, LI (1973), 335-343).
Bartoš, F. Rukovět správné češtiny (Praha, 1891)
Brozović, D. Standardni jezik (Zagreb, 1970)
Czambel, S. Slovaci a ich reč (Budapest, 1903)

- Dobrovský, J.** Böhmisches und mährische Literatur auf das Jahr 1780 (Prag, 1780-4)
- Dobrovský, J.** Ankündigung eines deutsch-böhmischen Lexikons (Prag, 1798)
- Jedlička, A.** Josef Jungmann a obrozenská terminologie literárně vědná a lingvistická (Praha, 1948)
- Magner, T.F.** A Zagreb kajkavian dialect (University Park, Pennsylvania, 1966)
- Моисеенко В.Е.** Чешско-инославянские языковые связи эпохи национального возрождения (30-80 годы XIX века) (Автореферат докторской диссертации ЛГУ) (Ленинград, 1989)
- Nyomárkai I.** „Deutsche Lehnübersetzungen im Kroatischen und im Ungarischen” (Studia slavica academiae scientiarum hungaricae XXII (1976), 301-310)
- Nyomárkai I.** „Igrokaz od Schauspiel” (Jezik XXIX (1982-83), 89-91)
- Prunč, E.** Das innere Lehngut in der slovenischen Schriftsprache: Versuch einer Typologie der Lehnprägungen im Slovenischen (Diss. Graz, 1967)
- Rammelmeyer, M.** Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen (Beiträge zur Lexikologie und Wortbildung) (Frankfurt, 1975)
- Reiter, N.** Die deutschen Lehnübersetzungen im Tschechischen (Berlin, 1953)
- Sgall, P., Hronek J.** Čeština bez příkas (Praha, 1992)
- Sychra, M.J.** Versuch einer böhmischen Phraseologie (Brno, 1821-22)
- Thomas, G.** „Towards a Typology of Lexical Purism in the Slavic Literary Languages” (Canadian Slavonic Papers 30 (1980), 95-111)
- Thomas, G.** Linguistic Purism (London/New York, 1991)
- Thomas, G.** „Ján Kollár’s Thesis of Slavic Reciprocity and the Convergence of the intellectual Vocabularies of the Czech, Slovak, Slovene, Croatian and Serbian Standard Languages” (Canadian Slavonic Papers XXXIV (1992), 279-99)
- Tolnai, V.** A nyelvújítás elmélete és története (Budapest, 1929)
- Toporšič, J.** „Slowenisch-deutsche Sprachkontakte” In: Kulturelle und sprachliche Minderheiten in Europa. Akten des 4. Symposiums über Sprachkontakt in Europa (Tübingen, 1981), pp. 69-79
- Vidović, R.** „Kako se splitski govor oslobodio utjecaja taljanskoga leksika” (Mogućnosti V (1958), 386-90)
- Vince, Z.** „Kurelčeva puristička nastojanja” (Revija za književnost, kulturu i društvena pitanja XII (1968)
- Vince, Z.** Putovima hrvatskoga književnog jezika (Zagreb, 1978)
- Wexler, P.** Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840-1967) (Bloomington, Indiana, 1974)

В.А.Федосов

**ДИХОТОМИЯ "ПРАВДА - ЛОЖЬ" В РУССКИХ И
ВЕНГЕРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ**

Проблема истинности-ложности высказывания является одной из главных проблем логического синтаксиса, логической семантики, современной лингвистики. В науке эта проблема выступает в уже проанализированном виде: говорящий уже отделен от высказывания, истинность-ложность высказывания рассматривается отдельно от говорящего. В народной лингвистике истинность-ложность высказывания

(правда-ложь) выступает еще в органическом единстве с говорящим, с его поведением, намерениями, оценками и пр.

Ниже излагаются некоторые наблюдения над русскими и венгерскими пословицами на тему "Правда и ложь". Рассматривается около 110 русских пословиц и около 90 венгерских. Русские пословицы берутся из сборника В.И. Даля "Пословицы русского народа", а венгерские - из сборника О.Г.Надя "Венгерские поговорки и пословицы" (O. Nagy Gábor, Magyar szólások és közmondások). Автор благодарен своим венгерским студентам, с которыми на семинаре пришлось обсуждать эту тему. Автор благодарит также д-ра Кальмана Кишша, проверившего венгерский языковой материал в данной статье.

Правда и ложь. Правда - означает соответствие сказанного истине (истина - то, что есть); ложь - несоответствие истине, причем такое, которое является намеренным. Правда - главное понятие в противопоставлении "правда - ложь": только правдивое высказывание правильное взаимопонимание. Однако и ложь - тоже оказывается существенным понятием, присутствуя в практике общения, взаимодействуя, правда и ложь определяют друг друга: *Не будь лжи, не стало бы правды, Не солгать, так и правды не сказать, Ложь доводит до правды, Ritkán hazudik, ha igazat mond* (Редко врет, если говорит правду).

Правда - одна, она существует в одном варианте; ложь (то, чего нет) может существовать во многих вариантах: *Лжей много, а правда одна, Ложью как хочешь верти, а правде путь один, Száz hazugság se ér egy igazat* (Сто лжей не стоит одной правды), *Jobb egy igazság kettőnél* (Одна правда лучше двух).

Русские обращают внимание на то, что правда выражается кратко: *На правду мало (немного) слов: либо да, либо нет, Правда не речиста*; а венгры - на то, что правда выражается просто: *Nem sok mesterség kell az igazmondáshoz* (Не нужно много мастерства сказать правду), *Az igazságot a tyúk is kikaparja* (Правду и курица выцарапывает). В основном относительно того, что такое правда и что такое ложь, у русских и венгров имеется сходное представление.

Правда. У обоих народов пословиц о правде меньше, чем пословиц о лжи. Объясняется это тем, что свои суждения и русские, и венгры часто выражают методом "от противного". Вместо того, чтобы напрямую сказать: "Говори правду!", утверждают косвенно: "Какой плохой человек тот, который говорит ложь!" Этот прием народной педагогики действует эффективнее, чем прямые воспитательные призывы. У русских он используется чаще, вследствие чего у русских пословиц о правде еще меньше, чем у

венгров. Но пословиц о лжи больше также и потому, что оба народа обеспокоены этим отрицательным явлением ("У кого что болит, тот о том и говорит").

Приведем примеры русских и венгерских пословиц, в которых имеет место прямой призыв говорить (слушать) правду: *Правду говори, что дрова руби, Хлеб-соль ешь, а правду режь, Пей-ешь, а правду режь, Хлеб-соль кушай, а правду слушай, Правду не ситом сеять* (т.е. подавай всю, какова есть), *Szólj igazat, ne hazudj szóval* (Говори правду, не лги), *Első az igazság* (Во-первых - правда), *Fő az igazság* (Главное - правда).

На стороне тех, кто говорит правду, - одобрение людей и Бога: *Доброе дело - правду говорить смело, Нечего Бога гневить, надо правду говорить*. Народ не только одобряет, но и восхищается правдивыми людьми: *В этом человеке одна правда, Так и режет правду-матку*. В венгерских пословицах обращается внимание на то, что мир может стоять (держаться) только на правде, что другого, альтернативного мира, построенного на лжи, не должно быть: *Ha nincs igazság, vesszen a világ* (Если нет правды, пусть погибнет мир), *El kell veszni a világnak vagy győzni az igazságnak* (Надо погибнуть миру или победить правде), *Az igazmondónak fél lába kengyelvasban legyen* (Пусть хоть одна нога правдивого человека будет в стремени). Человек должен стремиться всегда говорить правду: *Дай Бог сказать, не солгать, Я до сих пор никого не обманывал, что вперед - Бог даст*.

Венгры сравнивают жизнь человека с путем, по которому человек идет. При этом правда помогает идти по этому пути: *Igaz embernek minden út egyenes* (Для правдивого человека всякий путь прямой), *Legtovább érne az igazsággal* (С правдой можно идти далеко), *Ki igaz úton jár, nem botlik* (Кто с правдой идет, не спотыкается), *Igaz ember nem jár a nyelve ellen* (Правдивый человек не идет против своего языка).

Однако жить по правде - трудно. Если судить по количеству пословиц, то венгры больше этим обеспокоены, чем русские: *Nehéz igazul élni, de jó* (Трудно жить правдиво, но - хорошо), *Legnehezebb az igaz szó* (Самое тяжелое - правдивое слово), *Igazság a bíróság* (Правда - это суд). Жить по правде - это значит иметь самые различные неприятности: *Говорить правду - терять дружбу, Правду говорить - никому не угодить, Mondj igazat, betörik a fejed* (Скажи правду - разобьют голову).

Чтобы сделать свою жизнь благополучной, люди скрывают правду. Поэтому в пословицах предупреждается, что не все то, что говорят люди, есть правда: *Не все то правда, что люди говорят (что говорится), Nem mind igaz, amit hisznek* (Не все то правда, во что верят), *Sok hazug ember innen és túl a Tiszán* (Много лгунов здесь и за Тиссой).

Люди понимают, что правда необходима (*Что ни говори, а правда надобна*), но, тем не менее, ее часто не высказывают: *Всяк правду хвалит (любит), да не всяк ее сказывает, Всяк правду знает, да не всяк правду бает, Всяк про правду трубит, да не всяк правду любит, Всяк правду хвалит, да не всяк правду хранит.* Когда начинают лгать очень многие, наступает момент, когда человек начинает оправдывать свою ложь (мол, другие тоже лгут) и даже сожалеть о том, что у него получается хуже. Таких пословиц больше у русских: *Люди врут, так и мы врем, Всяк человек ложь, и мы тоже, Люди лгут, а нам не велят, Люди лгут, только спотычка берет, а мы врем, что не перелезешь, Он-де, врет-де, а я-де, перевираю-де-де, Не хочешь слушать, как люди врут, ври сам.* Ложь от частого употребления начинает походить на правду: *Megrögzött hazugság idővel igazság* (Закоренелая ложь со временем правда). В итоге получается, что правду всегда говорит только ребенок, пьяница и дурак (на что обращают внимание венгры): *A bolond és a gyermek mondja meg az igazat* (Говорят правду дурак и ребенок), *Gyermek, részeg, bolond mond igazat* (Правду говорят ребенок, пьяный и дурак). Латинская пословица *In vino veritas* находит себе почву как у русских (*Истина в вине*), так и у венгров (*Borban az igazság*).

Таким образом, и русские, и венгры призывают говорить правду и только правду. При этом русские - восхищаются правдивым человеком, а венгры при этом подчеркивают, что на правде стоит мир. Те и другие сожалеют, что люди - лгут, при этом русские склонны иногда даже процать эту ложь.

Ложь. Почему люди лгут? Этот вопрос, по-видимому, больше интересует русских: у них больше пословиц на эту тему.

Человек лжет потому, что, благодаря этому, он приобретает для себя какое-либо материальное преимущество (за счет собеседника, слушателей): *Что полжешь, то и поживешь, Не соврешь, и зобу не набьешь, И враньем люди живут (да еще хвалятся).* Бедный человек подвергается большему риску солгать, чем богатый: *Бедность крадет, а нужда лжет, Нужда не ложь, а поставит на тож* (т.е. заставит солгать). Некоторые профессии, занятия, по мнению русских и венгров, имеют, с этой точки зрения высокую степень риска, например - торговля, коммерческая деятельность: *Не солгать, так не продать, Не я лгу, мошна лжет, Не душа лжет (солгала), а мошна, Богатый врет, никто его не уймет, Богатый хоть врет, и то впрок идет, Hazudik, mint a kalmár* (Лжет, как купец). Однако одной лжи недостаточно, чтобы обеспечить себе выгоду: *Обманом барыша не наторгуешь, Обманывает век, а живет э-к, То не обед, что соврешь в мясоед.*

Человек лжет и потому (чаще всего он в этом случае просто не говорит правды), чтобы дезинформировать собеседника (или просто не информировать его), представляя себя в выгодном свете: *Не всяку правду муж жене (жена мужу) сказывает (а сказывает, так обманывает), Не всяку речь (правду) сказывай!, Не всяку думку при людях думай!*

Нередко и сам собеседник не хочет, чтобы ему говорили правду: она ему не нравится: *Правда уши дерет, Правда глаза колет, Прямое слово что рогатка.* И говорящий идет ему навстречу - не говорит ему правды, даже лжет: *Всякая ложь лучше горькой правды.*

Таким образом, человек лжет потому, что это 1) приносит ему материальную выгоду, 2) создает для него выгодное мнение, 3) собеседник сам нередко хочет, чтобы ему не говорили правду. Во всех случаях выигрывает тот, кто лжет, а проигрывает тот, кто слушает.

Человек лгущий. Человек, который лжет, плохой человек, приносящий вред людям. Как в русских, так и венгерских пословицах лжец характеризуется резко отрицательно, причем - с самых различных сторон, и особенно выразительны характеристики лжеца в венгерских пословицах

Какого размера может достигать ложь у человека? *Olyat hazudott, mint egy ház* (Наврал с дом), *Olyat hazudott, mint a bécsi torony* (Наврал с венскую башню).

С какой частотой может исходить ложь из человека? *Ahány szó, annyi hazugság* (Сколько слов, столько лжи), *Amennyiszor száját tárja, annyszor hazudik* (Сколько раз рот открывает, столько раз врет), *Huszat szól, tizenkilenc szava hazugság* (Скажет двадцать слов, девятнадцать ложь), *Annyi benne a hazugság, mint koldus köpönyegén a folt* (Столько лжи в нем, сколько заплат на плаще нищего), *Akkorát hazudott, mint ide hat hét* (Наврал шесть недель), *Ritkán hazudik, de akkor nagyot* (редко врет, да много), *Még álmában is hazudik* (Еще и во сне врет).

С какой интенсивностью способен лгать человек? *Kihazudja a borjut az anyjából* (Он "выврет" теленка из коровы), *Olyat hazudott, hogy maga is elhült belé* (Такое соврал, что сам удивился), *Annyit hazudik, hogy elkopik a nyelve* (Столько врет, что язык изнашивается), *Letagadja a csillagot is az égről* (Отрицает и звезды с неба). У обоих народов ложь сравнивается с потоком воды: *Hazudik, mint a vízfolyás* (Врет, как вода течет), *Vret, как водой бредет.* Есть и другие сравнения с движением: *Лжет, как на салазках под гору катится.*

С какой убежденностью, увлеченностью, последовательностью способен лгать человек? *Úgy hazudik, mint más imádkozik* (Так врет, как другой молится), *Hazudik, mintha könyvből olvasná* (Лжет, как будто книгу

читает), *Akkor is hazudik, mikor gyón* (И тогда врет, когда исповедуется), *Ha néma volna, nem szólna* (Если бы он был немой, и тогда бы лгал).

Ложь ассоциируется у венгров с огнем, дымом, со световыми эффектами: *Hazudik, mint a tüz* (Врет, как огонь), *Úgy hazudik, mint a talpán égett ördög* (Врет, как черт, у которого горят подошвы), *Ha minden hazugság lángot vetne, nyelve régen megsült volna* (Если бы ложь горела, язык давно бы зажарился), *Füst az orrában* (У него дым в носу), *Hazudik, mint a holdvilág* (Врет, как лунный свет).

Есть у венгров и более "спокойные" сравнения: *Hazudik, mint a rossz tükör* (Лжет, как плохое зеркало), *Hazudik, mint a vénlány tükre* (Лжет, как зеркало старой девы), *Hazudik, mint a rossz óra* (Лжет, как испорченные часы).

Венгры характеризуют лгуна в основном с внешней стороны - сравнивая его с предметами, физическими явлениями; русские же (правда, как сказано, у русских таких пословиц меньше) - с точки зрения внутреннего психологического (и физиологического) состояния лгуна: *Врет - людей не видит, Врет - себя не помнит*.

Каково состояние слушателя, когда ему лгут? В русских пословицах это состояние характеризуется следующим образом: *Так врет, что уши вянут, Так врет, что с души прет*.

Ожидает ли лгуна какое-либо наказание за то, что он лжет? У обоих народов есть пословицы, в которых говорится о возможных неприятных последствиях для лгуна: *Врет на свою голову, Ложью свет пройдеши, да назад не вернешься, Пролгался - попался, Прврался - что в карты проигрался, A hazugot a föld is, a víz is kivetí* (Лжеца не примет ни земля, ни вода), *Hazugságból hamar kifogy az ember* (Во лжи кончается человек). Одно из наказаний для лгуна - возможная изоляция от людей: *С обманчивым человеком не водись, Лгать, так людей оизбегать*.

Однако призывов к физической расправе с лгунами в пословицах не выражается. Рекомендуется воспитывать лгунов. Во-первых, надо напоминать им о том, что завтра ему могут вообще не поверить: *Кто сегодня обманет, тому завтра не поверят, Раз солгал, а навек лгуном стал, Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают, Akkor se hisznek a hazugnak, mikor igazat mond* (Не верят лгуну и тогда, когда он говорит правду), *Hazugnak igaz szavát sem hiszik* (И правдивому слову лжеца не верят). Во-вторых, лгун должен "прилагать" (примерять) к себе тот вред, который он приносит людям, чтобы почувствовать, как это плохо: *Всякую ложь к себе приложь, Ко всякой лжи свое приложи*. В-третьих, лгуну, конечно, надо напоминать и Боге: *Бойся Вышнего, не говори лишнего, Бог правду видит, да не скоро скажет, От Бога дождь, от дьявола ложь, Ни*

Бог тебя, ни ты его не обманешь, Не с ветру говорится, что лгать не годится.

Таким образом, ложь, по мнению русских и венгров, - это отрицательное свойство, а лжец - отрицательный тип. Ложь не имеет оправдания, кто бы к ней ни прибегал - молодой или старый, богатый или бедный: *Молодому лгать вредно, а старому непотребно, Богатому красть, а старому лгать (одинаково).* Лгуна может ожидать наказание, но главное - лгуна надо воспитывать.

Разоблачение лжи. Как узнать, что тебе лгут? Как определить, что высказывание, которое ты слышишь, ложное?

Рекомендуется обращать внимание на говорящего - на его состояние, даже на его физический вид: *Ritka fog ritkán mond igazat* (С редкими зубами редко скажет правду), *Puha az orrod* (У тебя нос мягкий). Человек, который лжет, краснеет, моргает глазами, кашляет, поперхается, забывается. К сожалению, когда человек лжет постоянно, он уже может преодолевать эти состояния - и не выдавать себя: *Он лжет и не краснеет, Он врет, не кашляет, Врет, не поперхнет, Соврет - глазом не моргнет, Szemrebbenés nélkül hazudik* (Врет, глазом не моргнет).

Надо обращать внимание и на само высказывание. Если в нем много слов (если человек много говорит), то высказывание вполне может быть ложным: *Где много слов, там мало правды, Зерна мели, а много (лишнего) не ври, Врал бы, да меру знал, Aki sokat beszél, sokat hazudik* (Кто много говорит, много лжет).

Если части высказывания не согласуются, противоречат друг другу, то такое высказывание - ложное: *Врешь хорошо, да не в одно слово (т.е. путаешься)*

Если сказанное в другой раз, в другом месте о том же самом, оказывается иным по содержанию, то такое высказывание - тоже ложное: *Врал много, переверть не умеет.*

Если тот, кто говорит, избегает свидетелей, то он - лжет (*Хорошо врать на мертвого*). В русской пословице в шутку ему рекомендуется: *Ври не завирайся, назад озирайся.*

Тот, кто лжет, всегда стремится убедить слушателя в том, что он говорит правду. Лжец всегда рядится в одежду правдивого человека (на что обращают внимание венгры): *Aki sokat esküszik, kevés igazat mond* (Кто много клянется, тот мало правды говорит), *A hazug csakugyan hazug, ha igazmondó ruháját veszi is fel* (Лгун действительно лгун, даже если одевает одежду говорящего правду), *Szája sem áll arra, hogy az igazat mondja* (У него даже рот не так устроен, чтобы говорить правду), *Кто много врет, тот много божится.*

Как видим, существует довольно большой инструментарий, с помощью которого можно определять ложность высказывания. Тот, кто лжет, : 1) краснеет, моргает и т.п., 2) говорит много, 3) не согласует части сказанного друг с другом, 4) в другой раз говорит другое, 5) избегает свидетелей, 6) клянется, создает видимость правдивого человека.

Русские и венгры уверены в том, что лжеца всегда можно разоблачить: *Ложь не живуца, Ложь на тараканьих ножках (того и гляди подломится), Ложь до исправы, Ложь стоит до улики, A hazug embert hamar megfogják* (Лживого человека поймут скоро), *Nyelvén fogják a hazugot* (По языку поймут лжеца), *Hamarabb utolérik a hazug embert, mint a sánta kutyát* (Скорее догонят лживого человека, чем хромую собаку), *Nem lehet hazugsággal messze jutni* (Не далеко уйдешь с ложью),

У обоих народов существует много пословиц, в которых выражается надежда на то, что правда в конце концов восторжествует: *Придет пора, что правда скажется, Правда всегда наружу выйдет, Правды не переспоришь (не проведешь, не переможеешь), Мошенники повздорили, а правда наружу, Как ни жаться, а в правде признаться, От правды не спрячешься, Az igazságot nem lehet véka alá rejteni* (Правду не спрячешь под корзину), *Az igazság mindig kiderül* (Правда всегда выясняется)

Допущение лжи. Есть, однако ситуации, в которых, по мнению русских и венгров, разрешается сказать неправду. Это: *Ложь во спасение, Святая ложь, Умная ложь лучше глупой правды, Сладкая ложь лучше горькой правды, Tisztességes hazugság nem szégyen* (Честная ложь не позор). Например, не принято смертельно больному человеку говорить о том, что он скоро умрет (если он сам об этом не предполагает). Чтобы успокоит глубоко опечаленного человека, тоже часто не говорят ему правды, даже лгут. Однако, по большому счету, и эта ложь (против которой народ как будто бы не возражает) тоже вредная. В пьесе "На дне" М.Горький в образе Луки специально разоблачает эту "ложь во спасение". Современные врачи тоже считают, что умирающему человеку надо говорить правду.

Есть еще одна ложь, против которой люди не возражают. Она не вредит слушателю: он заранее знает, что это - ложь. Она не приносит особой выгоды и говорящему: он лжет ради самой лжи. Эта ложь у русских называется "ложью для красного словца". Она доставляет определенное эстетическое удовольствие обеим сторонам. Такая ложь в пословицах одобряется: *Красно поле рожью, а речь ложью (т.е. красным словцом), Без прикраски и слово не баско.* Участие в таком общении - добровольное как для говорящего, так и для слушателя: *Не любо, не слушай, а врать (лгать) не мешай, Было бы кому врать (лгать), а слушать станут.* В поэме "Василий Теркин" А.Твардовский положительно отзывается о своем

главном герое, который врет таким образом: "Хорошо, когда кто врет весело и складно". Собственно, всякое художественное (словесное) творчество (и в малых, и в больших жанрах), то, что придумано, составлено автором, по сути дела есть ложь. Выше уже было замечено, что правда - это соответствие слова истине (тому, что есть), а ложь - несоответствие тому, что есть. Надо добавить, что ложь - это соответствие слова слову, это смысловое согласование частей текста друг с другом, которое при выражении правды образуется само собой, а при выражении лжи должно находиться под контролем говорящего ("иначе не поверят"). Если это согласование - достигается, то получается ложь, обладающая правдоподобностью (в художественном творчестве это такие жанры, как сказка, миф, повесть, роман и т.п.); если же согласования нет, то получается абсурд (такие жанры в искусстве тоже есть, например роман абсурда, театр абсурда и т.п.).

Хотя народ не возражает против "красного словца" (даже приветствует эту ложь), он все-таки не придает этому важного значения. Простые люди считают, что согласовывать слова друг с другом (или, как сказали бы лингвисты, "порождать текст") - более простое и менее серьезное занятие, чем согласовывать слова с делом (т.е. говорить правду): *Врать что лыки драть (лыко за лыком тянется), Врать - не мякину жевать, не подавишься.*

Венгры, по-видимому, меньше внимания обращают на ложь "ради красного словца". Возможно даже, что это не считается у них ложью. Во всяком случае, пословиц на эту тему у них меньше. Любопытна одна пословица: *Hazudik, mint a borbély* (Лжет, как парикмахер). По-видимому, парикмахер врет не с той же самой целью, с которой врет, например, купец, так как никакой выгоды от своего вранья парикмахер скорее всего не имеет (врет, чтобы развлечь клиента). Наверное, это как раз тот случай, который называется ложью "для красного словца".

Получается, что как ни вредна ложь, она иногда все же бывает полезной: 1) если она - "во спасение", 2) если она - "для красного словца".

Итак, сравнительный анализ русских и венгерских пословиц на тему "Правда и ложь" показывает, что в области этих понятий у двух народов нет принципиальных расхождений. То, что правда - хорошо, а ложь - плохо, - это общечеловеческая ценность. То, что высказывание может быть - либо истинным, либо ложным, - это металингвистическая универсалия.

Расхождения имеются в форме выражения суждений. Как уже сказано, русские чаще, чем венгры, использует метод "от противного".

Большинство русских пословиц построено на использовании прямого смысла - без метафоры, без переноса. Всего метафорических выражений среди русских пословиц на тему "Правда и ложь" - 26 процентов. Напротив, большинство венгерских пословиц построено на переносе, на сравнении (51 процент): *Hazudik, mint az obsitos* (Врет, как отставной солдат). Среди венгерских пословиц есть и такие, которые целиком основываются на переносе, на иносказании - и должны истолковываться специально. Так, имея в виду ложь, венгры могут сказать: *Cigánysátorban árul* (Продает в цыганском шатре), *Budai méreggel fizet* (Будайским ядом платит), *Dudából hallotta* (Слышал из волынки), *Csütörtököt vetett a szája* (Рот сделал четверг), *Megállítja a Napot* (Остановит солнце), *Retket húz* (Тянет редьку), *Letér az útról* (Уходит с дороги), *Homok van benne* (Песок в нем), *Szalonnát evett, megcsúszott* (Съел сало и подскользнулся), *A varjún varjat fog* (Ловит ворону на вороне), *Ládát pakol* (Ящик упаковывает).

Есть расхождения и в использовании самого языка, тем более что с точки зрения грамматической типологии русский и венгерский языки существенно различаются (но это особая проблема).

И.Феньвеши

СОВРЕМЕННЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО СЛЕНГА

Русский сленг в нашем понимании - это лексика с высокой степенью непринужденности, относящаяся к области нонстандарда, которая состоит из случайно или намеренно измененных, переосмысленных или вновь созданных слов и выражений, усечений, аббревиатур, заимствуемых нередко из языка улицы, из городского просторечия, из арго, жаргонов, а также из других языков. Сленг не брезгает и обращением к словам грубым, а то и обценным. В сленг входят также слова разговорного языка, не нашедшие ещё кодификации в толковых словарях. Для сленга характерно пристрастие к свежим, экспрессивным, часто ироническим словам и выражениям. Сленговой лексике присуща постоянная изменчивость, хотя со временем некоторые, самые живучие из её слов могут приобретать характер нормативности.

Сленг - необретение 20 века. Эта ненормативная, эмоционально-экспрессивная лексика сниженного характера во все времена соседствовала с „официальным”, литературным языком „верхних” культурных слоев в качестве „смехового очеловечивания мира” (ЕЛИСТРАТОВ, 1994: 662).

В русской словесности первые следы сленга можно найти уже начиная с 12 века. С развитием литературы, по мере вливания в неё элементов живой повседневной речи, сленг стал все более заметным компонентом её языковой ткани. Толчок к началу его систематического собирания дал выход русского перевода книги J.Hotten „A dictionary of modern slang, cant and vulgar words” (1867). Неслучайно, что первый большой материал и в этой области собрал В.И.Даль, правда, опубликован он был лишь в 1990 году („Вопросы языкознания” № 1.).

В сфере „большой” науки тема была поднята Бодуэном Де Куртэнэ, написавшим рецензию на вышедшую в 1908 году книгу В.Трахтенберга „Блатная музыка”.

Начиная с 20-х годов под руководством Б.Ларина началось интенсивное изучение городского языка и т. н. социальных диалектов. Однако занявший командные посты в языкознании марризм, а вскоре и стремящийся к унификации мирозерцания тоталитаризм, отрицавшие даже существование ненормативной лексики (и стоящих за ней асоциальных групп и просто людей с самостоятельным суждением), именно за её „неконторолируемость”, т.е. за общественно-критическое звучание, на долгие десятилетия по существу приостановили изучение сленга. Насколько непозволительно было и его отражение в художественной литературе,

показывают гонения, напр., на В.Аксенова за употребление двух-трех десятков слов жаргона персонажами повести „Апельсины из Марокко” (1962). Даже чисто профессиональный интерес языковедов к жаргону был объявлен одним из проявлений политического инакомыслия (ЗЕМСКАЯ - РОЗИНА 1994: 98).

Тем отраднее, что - сначала за рубежом, а затем постепенно и в СССР/России - в последние полтора-два десятилетия выходят не только все более содержательные частные публикации, но уже и солидные монографии, посвященные этому „блудному сыну” русской филологии. Из них необходимо отметить теоретические статьи ГАЛЬПЕРИНА, ЕЛИСТРАТОВА, КОСЦИНСКОГО, КОЕСТНЕР-ТНОМА, ЛЕВИНА, ЛИХАЧЕВА, ОСИПОВА, статьи БЫКОВА, ГРАЧЕВА, КРЫСИНА, СКВОРЦОВА о жаргонизмах, КОВАЛЕВА, КОПЫЛЕНКО, ЛАПОВОЙ, ЛОШМАНОВОЙ, ШИНКАРЕНКО о молодежном сленге, БОРИСОВОЙ-ЛУКАШАНЕЦ, GORSKI, ДУБРОВИНОЙ, NILSSON, RUSIGNUOLO о студенческом сленге, ДЬЯЧКА о солдатском сленге, ROOM о жаргоне хиппи, SANCHEZ-PUIG о жаргоне наркоманов, а также книги ЕЛИСТРАТОВА, КОЗЛОВСКОГО, ПРОКУРОВСКОЙ, TIMROTH и многие другие.

Свою лепту в изучение русского сленга внесли и венгерские исследователи (JANKOVICS, JÓNÁS, MISKY, TOT).¹

И как бы в обобщение усилий по изучению русского сленга создано уже и до полусотни словарей, как одноязычных, так и двуязычных. Настоящая статья посвящена их краткому обзору с минимальной фактической характеристикой. Отметим, что по библиографиям нам известно о существовании и других словарей, изданных как ранее, так и в последнее время, однако здесь мы придерживаемся принципа ”de visu”. Параметры словарей отмечаются по классификации КИШа.²

1. Одноязычные словари

¹ Подробно об истории, терминологии и изучении русского сленга см. в нашей статье FENYVESI István: Az orosz szleng és kutatása. - A szlengkutatás útjai és lehetőségei. Szerk. KIS Tamás. (A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Magyar Nyelvtudományi Intézetének kiadványai. 70. szám). Debrecen, 1997. 179-228.

² KIS Tamás: A magyar szlengszótárak. - „Magyar nyelvjárások”. A KLTE Magyar nyelv-tudományi Intézetének évkönyve. Debrecen, 1995. 80-84.

1.1. **Краткий словарь современного русского жаргона.** Составили М.Б. и П.П. Крестинские. Посев, 1965. 31 стр.

Составители, включившие в словарь „жаргон в самом широком смысле слова”, от „уличных слов” до „новых слов, возникших в языке” (всего ок. 600 слов), явно были не филологами, что видно уже по расплывчатости вышеприведенной цели, и по предисловию, половина которого посвящена перечислению и мотивировке того, что (совершенно правильно) НЕ вошло. Среди сокращений в вводной части мы находим обозначения трех языковых пластов (воровской язык, ругательства, устарелый), однако, почти половина словника не относится к жаргону ни в каком его понимании, и содержалась уже тогда в советских толковых словарях или словарях сокращений. По своей функции он мог бы относиться к словарям толкового типа.

1.2. А.Флегон: **За пределами русских словарей.** (Дополнительные слова и значения с цитатами Ленина, Хрущева, Сталина, Баркова, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Солженицына, Вознесенского и др.). Flegon Press, London, 1973. 413 с.

Согласно предисловию, намерение составителя заключалось в „создании словаря лексических единиц, не включенных в современные словари”, словаря „живого русского языка, применяемого в настоящее время в СССР”. В ходе его реализации он „нашел 40.000 слов”, однако, из-за чрезмерного объема материала он решил печатать его „по темам”, т.е. в виде серии. Первой (и пока единственной) частью этой серии стал этот словарь. (Второй её частью должен был быть словарь сленга 1900-1970 гг., но о его выходе по сей день у нас не имеется сведений.)

Труд Флегона включает в себя „слова, связанные с понятиями *отец, мать, сын, дочь, дед, баба, муж, жена, самец, самка, любовник, любовница* и деятельностью этих лиц, направленной на воспроизведение человеческого рода”. Это, как сознает и сам составитель, „не покрывает всех слов, включенных в словарь, но дает идею его общего направления.” Входят сюда, в частности, и (более или менее) обценные ругательства и бранные слова, которые, как пишет составитель, „может быть, при коммунизме выйдут из употребления, но в настоящее время ни один нормальный русский не считает возможным построить коммунизм без ругательств.”

Почти половина 4-тысячного состава содержит достаточно полный арсенал обценной лексики, употребительной в живой языковой практике. Другая половина - из области просторечий, но много здесь и аргогического и чисто городского сленга. Ок. 95% словарных статей иллюстрируют значение слов с помощью литературных цитат, охваты-

вающих широкий временной диапазон - от фольклора до Солженицына и Вознесенского.

По функции это толковый словарь, хотя к нескольким десяткам (неизвестно, по каким принципам отобранным) слов дается и английский и/или французский перевод.

Отметим факт появления многочисленных его „пиратских изданий” в СССР и России.

1.3. Словарь блатного жаргона в СССР. Автор-составитель Александр Скачинский. Нью Йорк, 1982. 247 с.

В словарь не включены слова „уличных хулиганов” и „разных профессиональных жаргонов”, а обценные слова входят лишь в тех случаях, если они являются составными частями идиоматических выражений. В нем 1200 слов и выражений, пословиц и поговорок получают краткое объяснение.

1.4. Для удовлетворения растущего интереса к теме в годы перестройки начинает выходить большое число словарей аргю. Один из наиболее ранних из них - это **Словарь воровского жаргона** (Слова, выражения, жесты, татуировки). НИЛНО, (Тюмень), 1990. 170 с., изданный без указания автора, редактора и даже без выходных данных. Здесь мы находим ок. 10.000 слов, снабженных нейтральными синонимами. Значительная слабость словаря - безразборный конгломерат слов, отсутствие разграничения уже устарелых (начало 20 в., 20-е годы) от современных.

1.5. Жак Росси: Справочник по ГУЛАГу I-II. Просвет, Москва, 1991. 548с.

Двухтомный труд, вышедший после лондонского издания (Jacques Rossi: The GULAG Handbook. Overseas, London, 1987) и в Москве, составляет как бы переход между словарями подобного типа, изданными за границей и в России.

Автор родился в семье французов, его мать ещё до первой мировой войны вышла вторично замуж в Польше. В 19 лет он - член польской коммунистической партии, в 1936 г. едет в Испанию и руководит тайной радиостанцией в тылу войск Франко. После возвращения в СССР он на 22 года попадает в ГУЛАГ и лишь в старости обретает покой на земле своих предков.

В книге, составленной на основе как личного опыта, так и библиотечных изысканий, можно найти все, что нужно знать о ГУЛАГе. Интересующий нас лексический материал, собранный Росси в тюрьмах, лагерях и ссылках, составляет ок. 2000 слов.

Словарные статьи содержат толкование и примеры-предложения, а

также пометы относительно происхождения и употребления слов.

Указатель лиц и топонимов служит исходной точкой для дальнейших, только здесь находимых источников сленга, а тематический указатель обогащает наши знания главным образом сленговыми названиями народов и народностей, а также общих понятий.

- 1.6. **Толковый словарь уголовных жаргонов.** Под общей редакцией Ю.П.Дубягина и А.Г.Бронникова. Интер- „ОНИС” - „РОМОС, Москва, 1991. 207 с.”

Словарь, составленный юристами, выпущен для работников правоохранительных органов и содержит краткое, в одно-два слова, толкование ок. 10.000 слов.

- 1.7. Так же для служебных целей был выпущен в свое время изданный в 1991 г. факсимильным способом **Словарь жаргона преступников (блатная музыка).** Составил по новейшим данным С.М. Потапов. Москва, 1927. 196 с. В нем мы находим ок. 2800 слов с кратким, в несколько слов, толкованием.

- 1.8. А.Файн-А.Лурье: **Словарь „Всё в кайф”.** Санкт-Петербург, 1991. 197с.

Словарь, составленный молодыми филологами, является первым достоверным „моментальным снимком” сленга (ещё) ленинградской молодежи. За словником (ок. 2000 слов) следует краткий перечень „неофициальной топонимии” города (90 слов).

- 1.9. Д.С.Балдаев - В.К.Белко - И.М. Исупов: **Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы.** „Края Москвы”, 1992. 526 с.

Наиболее полный словарь русского арго - совместный труд криминалиста-художника и двух журналистов. Публикуемые ими 11.000 слов - в основном и поныне активный словарь, собранный на территории всего Союза в течение почти 40 лет. Основной, словарный раздел раскрывает значение слов через синонимы. Многогранна система отсылок. Уникален по отношению ко всем словарям блатного жаргона второй раздел (1. приложение), где основная часть словника дана в 94 „обратных” синонимических рядах. Приложение №2 содержит оригинальные документы (письма, записки, переданные нелегально из тюрем), служащие как бы естественным местонахождением многих слов словаря. В приложении №3 - почти сто пословиц и поговорок, рожденных в преступной среде. В 6-ом приложении публикуется сленговая топонимия Ленинграда (ок. 800 словоформ). Приложения №4 и 7 - это иллюстрации (татуировки и их тексты). В приложении № 5

препечатывается классическая статья Д.С. Лихачева „Черты первобытного примитивизма воровской речи” (1935).³

- 1.10. Лев Мильяненко: **По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира.** Редакция журнала „Дамы и господа”, Санкт-Петербург, 1992. 316 с.

Словарный состав и система толкований с некоторыми сокращениями (ок. 8.500 слов и выражений) во многом совпадают с предыдущим и - также сокращенно - содержит и сленговую топонимию Ленинграда. Здесь полнее показ и описание татуировок. Новым по сравнению с бадаевским является раздел о способах тайных контактов преступного мира.

- 1.11. М.Грачев: **Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь.** „Флокс”, Нижний Новгород, 1992. 207 с.

В словаре ок. 1200 словарных статей, содержащих грамматическую информацию, толкование и цитаты из литературных произведений, созданных в основном в последние десятилетия.

- 1.12. Согласно предисловию, частью готовящейся „Русской блатной энциклопедии” является книга - А.Сидоров: **Словарь современного блатного и лагерного жаргона (Южная феня).** Гермес, Ростов-на-Дону, 1992, 176 с.

- 1.13. И.Стренин: **Словарь молодежного жаргона.** М/п. „Логос”, Воронеж, 1992, 114 с.

Словарь содержит ок. 1.600 слов и их толкования, собранные студентами Воронежского университета. В предисловии подчеркивается региональный характер словаря.

- 1.14. Ф.И.Рожанский: **Сленг хиппи. Материалы к словарю.** Издательство Европейского Дома, Санкт-Петербург - Париж, 1992. 63 с. Книжка приводит материалы к теме из жизни Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других крупных городов. Содержащиеся в ней 600 единиц расположены гнездами, в словах английского происхождения указывается оригинал, каждое слово дано в контексте.

- 1.15. Вл. Быков: **Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов.** Траст - ИМАКОМ. Смоленск, 1993. 222 с.

Здесь мы находим 3.500 слов и выражений с основной грамматической характеристикой, кратким толкованием и с иллюстрацией из

³ Двухтомное издание, вышедшее уже под фамилией одного Балдаева (Д.С. Балдаев: Словарь блатного воровского жаргона. В двух томах. КАМПАНА”, Москва, 1997. 366 + 336 с.) содержит много нового в своем основном составе, а в приложениях находим, напр., точный текст воровского закона (54 пункта), а также список национальных прозвищ (в том числе и венгров).

художественного произведения или языка печати. Книга, по утверждению автора, является первой частью создаваемого двуязычного (русско-немецкого) словаря жаргона.

- 1.16. Ф.Н. Ильясов: **Русский мат. Антология для специалистов-филологов.** „Издательский дом Лада М”, Москва, 1994. 303 с.

Треть книги - словарь ключевых слов русского мата и их дериватов (342), а также синонимов (224) с их нейтральными эквивалентами. Остальные две трети - это антология произведений фольклора и авторов 19-20 вв.

- 1.17. В.П. Белянин - И.А. Бутенко: **Живая речь. Словарь разговорных выражений.** ПАИМС, Москва, 1994, 192 с.

Своеобразие книги (2.500 лексических единиц) в том, что это не слова в алфавитном порядке, а ставшие устойчивыми сравнения, пословицы, приветственные и прощальные формулы, ставшие крылатыми „бонмо” из популярных фильмов, литературных произведений, а также формы концовок анекдотов, ходящие по устах в трансформированном виде. Значение дается путем толкования ситуации.

- 1.18. И.Юганов - Ф.Юганова: **Русский жаргон 60-90-х годов. Опыт словаря.** Редакция АСМ, „Помовский и партнеры”, Москва, 1994. 318с.

В книге публикуется ок. 2.000 слов и выражений, собранных от московских, Санкт-петербургских и киевских респондентов, с толкованием в несколько слов или целое предложение. Все слова получают грамматическую и стилистическую характеристику. Словарь „двуязычен”: каждое сленговое слово включено и в алфавит нейтральных слов, и кроме того, в соответствующее место хорошо члененного тезауруса.

- 1.19. Е.И.Беглова - З.М. Дударева: **Жаргонизмы в русском языке.** Стерлитамак, 1994, 43 с.

Коллектив лингвистов пединститута уральского города приводит ок. 350 наиболее употребительных местной молодежью, в основном студентами, слов в тематических группах, с кратким толкованием.

- 1.20. В.С. Елистратов: **Словарь московского арга.** Русские словари, Москва, 1994, 700 с.

В течение 15 лет автор, как сам пишет, „подслушивал ... в общественных местах: в транспорте и на рынках, в столовых и пивных, в очередях и спортзалах и т.д.” Результатом этого - а также и серьезных теоретических изысканий - является созданный им наиболее полный и наиболее глубокий словарь живого московского сленга. По своему типу это академический толковый словарь, цель которого - фиксация не включенных ещё в нормативные словари элементов русской лексики. Он рассчитан на филологов и культурологов, социо-

логов и этнографов, политологов и психологов.

Около 8.000 словарных статей содержат более 20.000 лексических единиц (в том числе 3.000 идиоматических выражений). В каждой из них - толкование, грамматическая и ацентологическая информации, данные о сочетаемости, а также - и в этом уникальная особенность этого словаря - этимологическая справка.

Книгу включает стостраничное культурологическое эссе автора об онтологии сленга.

- 1.21. Василий Буй: **Заветная русская идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений.** Редакция АСМ, „Помовский и партнеры”, Москва, 1995, 336 с.

Книга содержит 1982 устойчивых выражений, содержащих одно из 6 обценных слов (хуй, пизда, жопа, блядь, ебать, яйца), их дериваты или стилистическая принадлежность и приводится иллюстрация из художественной литературы или из живой речи. Имеется подробная система указателей по синонимике, вариантам и эвфемизмам.

Словарь Буя - уникальный источник в данной теме не только по детальному истолкованию выражений, собранных с энциклопедической полнотой, но и по наличию грамматических и прагматических комментариев в словарных статьях.

- 1.22. В.М. Мокиенко: **Словарь русской бранной лексики (Матизмы, обценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями).** Dieter LENZ Verlag, Berlin, 1995. VI-XXI. + 151 s.

Русская пейоративная экспрессивная лексика - обценные слова и выражения, их эвфемизмы, а также собственно бранные слова - ни в одном из рассматриваемых нами словарей не дается вместе и с такой полнотой (4.000 словарных статей) и глубиной (напр., словарная статья „хуй” занимает 6, а его эвфемизм „хрен” 2 столбца, „мать” 6, „жопа” 3, „говно” и его эвфемизм „дерьмо” по 2 столбца и т.д.) и с такими основательными стилистическими и этимологическими комментариями. Библиография (почти 200 публикаций на русском и ок. 70 на других языках) превосходит даже список источников словаря Елистратова.

- 1.23. Н.П. Колесников - Е.А. Корнилов: **Поле русской брани. Словарь бранных слов и выражений в русской литературе (от Н.С. Баркова и А.С. Пушкина до наших дней).** Ростов-на Дону, 1996. 384 с.

Словарь содержит наиболее экспрессивный слой пейоративной лексики с примерами из художественной литературы последних двух веков. Словарных статей ок. 2.000, две трети состава - сленговые слова, каждое с кратким толкованием.

- 1.24. А. Коновалов: **Словарь афериста**. ДАР, Симферополь, 1996. 318 с.

Наиболее полное современное собрание южного арготического арела (свыше 4.000 словарных статей), включающий и здешний жаргон картежников и биллиардных игроков. После материала на каждую букву, как бы оправдывая заглавие, дается описание различных афер по сообщениям печати последнего десятилетия, где рассматриваемые слова как бы оживают в контексте.

- 1.25. Русский мат. Толковый словарь. Составитель Ахметова Т.С. „Глагол”, Москва, 1997. 304 с.

Своими 2.300 словарными статьями и десятками вариантов форм ок. 230 глаголов книга является, без сомнения, одним из наиболее полных источников по обозначенной в заглавии теме. В большинстве словарных статей, кроме толкования, имеются и иллюстративные примеры.

- 1.26. ТОМАС МАКЛОВСКИ - МЭРИ КЛЯЙН - АЛЕКСАНДР ШУПЛОВ: **Жаргон - энциклопедия московской тусовки**. Научное издание. ACADEMIA, Москва, 1997. 248 с.

Московский вариант книги, последовавший за лондонским изданием 1996 года, работы двух британских и одного русского автора по богатству материала может быть поставлен рядом лишь со словарем Елистратова. Он с поистине энциклопедической полнотой содержит арсенал игровых языковых средств, употребительных в своеобразной субкультуре общественной вертикали и возрастной горизонтали последних советских лет и постсоветского десятилетия - тогдашней и нынешней оппозиции, молодежных группировок, рок-фанатов, алкоголиков, наркоманов, артистов, писателей, журналистов, футбольных фанов, проституток, татуированных и т.д. Относительно небольшое число (1.243) словарных статей содержит как минимум в пять раз больше лексических единиц.

Из готовящихся словарей упомянем о пяти таких, подробные описания которых давались с образцами словарных статей. (Данные о них см. в Литературе.)

- 1.27. Елистратов В.С. **Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь**. Москва, „Русские словари”, 1997. 704 с.

Свой новый словарь автор выпустил как вторую (по хронологии материала - первую) часть „лексикографической дилогии”. В нем он дает уникальное, поистине энциклопедическое описание старомосковского быта и языка от начала 19 по двадцатые годы 20 вв. В 4000 словарных статьях нагляднейшим образом оживают реалии народной жизни (топонимы, наименования одежды, блюд, инструментов, транспортных средств и т.д.), жаргонизмы самых различных слоев, образцы

городской „уличной” риторики, типичные слова просторечия, имена и прозвища исторических личностей Москвы, ставших героями городского фольклора и многое другое. Словарная часть книги сопровождается культурологическими эссе „Евразийский Рим или Апология московского мещанства”, а также именованным указателем.

- 1.28. **Преступники и преступления. Законы преступного мира. - Обычай. Язык. Татуировки: Энциклопедия.** Сост. Кучинский А.В. Донецк. „Сталкер”, 448 с.

Раздел „словарь блатного жаргона” содержит ок. 6 тыс. слов в основном южного ареала. В разделе „Короли и пешки” - очерки о преступном мире, в которых многие слова словаря даются (курсивом) в живом контексте.

- 1.29. Книга крупнейшего историка русского сленга Кирилла Косцинского **Словарь ненормативной лексики** (25 тысяч словарных статей) составлялась как двуязычный энциклопедический толковый, и при этом диахронический словарь. Автор всю жизнь как бы подпольно собирал для него материалы в Ленинграде, но в условиях брежневского социализма никаких перспектив для его издания, разумеется, не могло и быть. В конце 70-х годов Косцинский эмигрировал в США. Последнюю свою статью, где он представлял свой труд, уже подписал как сотрудник Гарвардского университета, и вскоре после этого умер. Кроме этой статьи нам известна лишь одна частичная публикация материалов словаря. Относительно планов Гарварда на полное издание рукописи у нас имеется лишь устная информация.

- 1.30. Из статьи Г.Мижевской нам известно о планах создания **словаря неcodифицированной речи художественной литературы** на кафедре русского языка Одесского университета. Со времени сообщения, однако, нам неизвестно о выходе словаря.

- 1.31. Под редакцией З.Кестер-Тома готовится **словарь разговорной лексики русского языка**. Запланированная на четыре тома (ок. 20.000 словарных статей), работа охватывает разговорную речь в самом широком её понимании, включая городское просторечие, аргю, жаргоны, а также наиболее употребительные в печати и художественной литературе иностранные слова, профессионализмы и диалектизмы. Каждое слово планируется охарактеризовать со стороны грамматики, этимологии и словообразования, и давать в контексте.

- 1.32. **Словарь современного жаргона** Е.Земской и Е.Розиной будет базироваться на материале печати, радио и телевидения, а также на языке улицы, но без лексики отдельных субкультур. Словарная статья будет содержать, кроме денотативного значения и коннотаций, проис-

хождение слова и его ассоциативный круг, а также давать примеры его употребления.

- 1.33. Коллектив Л.Скворцова работает над **Словарем русских жаргонизмов**. Стремясь при этом к полноте в разработке жаргонного и арготического материала. В словарную статью будут включены буквальное и сленговые значения слов, его сочетаемость и фразеология, словообразовательные возможности, орфографические и произносительные варианты, а также этимология. Словарь черпает свою лексику и языкового материала сотни общественно-профессиональных групп (в том числе таких, ранее не изучавшихся, как, напр., проститутки и фанаты бегов, могильщики и полицейские и т.д.)

2. Двужычные словари

- 2.1. **Soviet prison Camp Speech. A Survivor's Glossary** [Язык советских лагерей. Лексика выживших]. Compiled by Meyer Galler and Harlan E.Marques. The University of Wisconsin Press 1972. 216 p. + M.Galler: Supplement. Hayward, California. 1977. 102 p.

Это первый серьёзный словарь языка советских лагерей, составленный на основе произведений художественной литературы (главным образом А.Солженицына, Е.Гинзбург, А.Марченко), а также большого количества мемуаров и статей. В нем свыше 2.000 словарных статей, в которых дан английский перевод слова, цитата из литературы или живого языка, а также её перевод.

- 2.2. Н.Vieth: **Sprache von Schülern und Studenten in der UdSSR in der Zeit nach 1945** [Язык учащихся в СССР после 1945 года]. Hamburger Beiträge für Russischlehrer. Band 14. Hamburg, 1979. 50 s.

В монографии публикуется ок. 500 слов с их немецкими эквивалентами по тематическим группам и в алфавитном порядке.

- 2.3. Soia Koesther - Elena Rom: **Vörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. Russisch-Deutsch** [Словарь современного разговорного языка. Русско-немецкий]. Max Hueber Verlag, München. 1985. 458 s.

Книга сотрудников Западно-Берлинского Свободного университета содержит ок. 5.000 слов разговорного и просторечного характера в виде толкового и переводного словаря. Среди них мы встречаем: а) разговорные слова, ещё не зарегистрированные в других словарях, б) новые значения известных слов, в) слова, перешедшие в разговорную речь из общеупотребительной и из архаической лексики, г) слова различных социальных диалектов.

В словарной статье мы находим немецкий перевод слова (по

возможности с помощью немецкого разговорного варианта), затем русский нейтральный эквивалент, и иллюстрацию из художественной литературы (ок. 150 произведений 70-х годов) и из печати, с обозначением источника.

Число сленговых слов составляет ок. 10% всего материала. Главное достоинство словаря заключается в выделении на первый план просторечий: слова этого обширного лексического слоя, соотносящегося со сленгом, здесь впервые получают такое широкое освещение.

- 2.4. Русско-английский разговорник бытовой лексики и слэнга.** Составители Геловани Г.Г. и Цветков А.М. Издано при содействии совместного предприятия Hi-Tech-Research, Москва, 1991. 54 р.

Словник, выпущенный для изучающих английский язык, содержит в тематическом порядке ок. 1.100 русских разговорных выражений и сленговых слов с их английскими сленговыми эквивалентами.

- 2.5. Международный словарь непристойностей.** Под ред. А.Н.Кохтева. „АВИС”, Москва, 1992. 97 с.

По теме выделено 138 русских слов. (Кстати, английский, немецкий, французский, итальянский и испанский разделы значительно меньше русского.) К каждому дается английский перевод и русское предложение, причем в большинстве их эти слова даны не в номинативной функции, а в сленговых ситуациях.

- 2.6. Irina H.Corten: Vocabulary of soviet society and culture** [Словарь советского общества и культуры]. Duke University Press, Durham & London, 1992. 176 р.

Книга американской исследовательницы не является словарем в строгом смысле слова: это алфавитное собрание советизмов постсталинской эпохи (1953-1991) для читателей-русистов. Три четверти материала (всего ок. 500 словарных статей), подробное толкование слов и предложения-примеры, однако, делают её частью нашей темы.

- 2.7. Русско-американский сленговый разговорник.** Изд-ви УСХА, Киев, 1993. 231 с.

Авторы книги, выпущенной „для функциональных нужд самых широких кругов читателей”, скрыты за анонимной формулой „коллектив ведущих специалистов вузов Украины при консультации профессоров Гарвардского университета”. В 1.800 словах и выражениях, включенных в 7 тематических групп, только американский языковой материал является действительно сленгом, в то время как русский - лишь в 10% случаев.

- 2.8. А.Волковым составлен** - как указывается - для переводчиков, студентов, специалистов по изучению фольклора и истории языка, а также

любителей **видеофильмов** **Англо-русский и русско-английский словарь табуированной лексики**. ПФК „Петит“, Минск, 1993. 126 с.

Здесь мы находим ок. 2.000 чрезвычайно активных в сленге обценных слов и выражений в алфавитном порядке, с английскими соответствиями.

- 2.9. **Краткий русско-английский словарь фамиллярно-обиходной лексики и фразеологии**. Составили Стивен М.Мардер и Владимир А. Хомяков [Пятигорск?] 1993. Без выходных данных. 96 с.

Книжечка является сокращенным вариантом (по словам авторов) „единственного в своем роде“ словаря данного профиля, изданного в Америке в 1992 году. Тот полный вариант нам неизвестен, этот же небольшой опус пятигорского и новозеландского авторов черпает лишь из самого верхнего, тонкого слоя указанной лексики, и по этой причине все то, что действительно характерно для русского разговорного стиля (не говоря о сленге, не представленном здесь ни одним словом), читателю продолжает оставаться неизвестным.

- 2.10. Em. Waegemans: **Russisch-Nederlands woerdenboek van bargoens en kamptaal** [Русско-голландский словарь воровского и лагерного языка]. De Slavistische Stichting te Leiden. 1994. 123 s.

Словарь, составленный профессором славистики Лейденского католического университета по произведениям А.Солженицына, В.Максимова и др., содержит 1.850 слов. В словарной статье имеются: грамматическая характеристика, краткое толкование на голландском языке, а также (всего в нескольких десятках случаев) предложения-контексты. Подбор слов несколько сомнителен из-за включения большого числа не сленговых слов (нарп. Терминов тюремно-лагерной администрации и др.)

- 2.11. Vladimir Shlyakov - Eve Adler: **Dictionary of Russian Slang & Colloquial Expressions**. Русский сленг. Barrons, New York, 1995. 253 s.

Лучший из кратких словарей этого типа содержит 4.500 слов и выражений. В каждой словарной статье - английский эквивалент, грамматические и стилистические пометы, предложения из живого языка с переводом.

- 2.12. Libor Dvořák: **Эй, чувак! Ruský slang aneb Český hambař jazyka ruského** [Русский сленг или Чешский мусоропровод русского языка]. Horizont, Praha, 1995. 185.

Ок. 700 слов современного сленга даны в 13 тематических группах (приветствия, алкоголизм, наркоманы, воровской язык, учащиеся, деньги, политика, полиция, солдаты и др.) С чешскими нейтральными (а иногда и сленговыми) эквивалентами.

2.13. В заключение - краткая характеристика заканчиваемого нами русско-венгерского словаря сленга. В его свыше 12 тыс. словарных статей заключены ок. 20 тыс. лексических единиц на основе репрезентативного выбора произведений художественной литературы всего 20 столетия и с относительной полнотой по живому языку и литературе последнего десятилетия. Слова даются с грамматическими стилистическими и социолингвистическими пометами и в контексте. Не менее чем три четверти слов получают и соответствия в венгерском сленге. Особо объясняются ок. 1.5 тыс. слов, созданных путем каламбура.

Основная современная литература по русскому сленгу

(В списке не указаны данные о словарях.)

- БОНДАЛЕТОВ В.: Социальная лингвистика. М., „Просвещение”, 1987.
- БОРИСОВА-ЛУКАШАНЕЦ, Е.: О лексике современного молодежного жаргона. - Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
- БЫКОВ В.: История и современность русского арго. - Русистика / Rusistik. Berlin. 1991. № 2.
- ГАЛЬПЕРИН И.: О термине „слэнг”. - „Вопросы языкознания”, 1956, № 6.
- GORSKII, Andrew: Словарь ленинградского арго, лето 1989 г. - Russian Language Journal, 1990., 44, № 147-149.
- ГРАЧЕВ М.: Как появляются арготизмы в нашей речи? - „Русская речь”, 1996, № 4.
- ДУБРОВИНА К.: Студенческий жаргон. - „Филологические науки”, 1990., № 1.
- ДЬЯЧОК, М.: Русское солдатское арго. Материалы к описанию. - Russian Linguistics, 14 (1990).
- ЕЛИСТРАТОВ, В.: Арго и культура. - Словарь московского арго. 1994. (стр. 592-647).
- ЕЛИСТРАТОВ, В.: Арго и культура. МГУ, 1995.
- ЖЕЛВИС, В.: Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. „Ладомир”, М., 1997.
- ЗЕМСКАЯ Е.А. - РОЗИНА Е.: О словаре современного русского жаргона: принципы составления и образцы словарных статей. - Русистика / Rusistik. Berlin, 1994, № 1-2.
- KOESTNER-THOMA, SOIA: Словарь разговорной лексики русского языка. - „Русская речь” 1992 № 6.
- KOESTNER-THOMA, SOIA: Сопоставительное исследование субстандартной лексики восточнославянских языков (На материале школьной лексики). - Русистика / Rusistik. Berlin, 1992, № 2.

- КОЕСТНЕР-ТНОМА, SOIA: Стандарт, субстандарт, нонстандарт. Русистика / Rusistik. Berlin, 1993, № 2.
- КОЕСТНЕР-ТНОМА, SOIA: Сферы бытования русского социолекта. - Русистика / Rusistik. Berlin, 1994, № 1-2.
- КОВАЛЕВ, А.: Молодые о молодежном жаргоне. - „Русский язык за рубежом”. 1995, № 1.
- КОЗЛОВСКИЙ, В.: Арго русской гомосексуальной субкультуры. (Материалы к изучению). Chalidze Publications, Benson, Vermont, 1986.
- КОПЫЛЕНКО, М.: О семантической природе молодежного жаргона. - Социально-лингвистические исследования. под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. М., 1976.
- КОСЦИНСКИЙ, К.: Существует ли проблема жаргона? - „Вопросы литературы”. 1968, № 5.
- КОСЦИНСКИЙ К.: Ненормативная лексика и словари (К постановке вопроса). - Russian Linguistics, 1980. vol. 4 № 4.
- КОСЦИНСКИЙ К.: Словарь русской ненормативной лексики (краткий проспект). - Russian Linguistics, 1980 vol. 5., № 2.
- КРЫСИН, Л., Социоллингвистические аспекты изучения русского языка. М., 1989.
- КРЫСИН, Л.: Эвфемизмы в современной русской речи. - Русский язык в конце XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е.А. Земская. „Языки русской культуры.” М., 1996.
- ЛАПОВА, Е.: О молодежном жаргоне. - Русский язык. Межведомственный сборник. Вып. 10. Университетское изд., Минск, 1990.
- ЛЕВИН, Ю.: Об обценных выражениях русского языка. - Russian Linguistics, vol. 10. № 1.
- ЛИХАЧЕВ, Д.: Арготические слова профессиональной речи. - Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- ЛИХАЧЕВ, Д.: Черты первобытного примитивизма воровской речи. - См. в словаре, указанном под № 1.9.
- ЛОШМАТОВА, Л.: К вопросу функционирования жаргонных и жаргонизированных лексических единиц в речи молодежи. - Вопросы лексикологии и синтаксиса русского языка. Смоленск, 1975.
- МИЖЕВСКАЯ, Г.М.: О словаре неcodифицированной лексики художественной литературы. - „Русское языкознание”, Киев, 1985. № 11.
- МОКИЕНКО, В.: Из истории жаргонной лексики и фразеологии. - Русистика / Rusistik. Berlin, 1991, № 1.

- МОКИЕНКО, В.: Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Русистика / Rusistik, Berlin, 1994, № 1.
- ОСИПОВ, Б.: Заметки по поводу отражения табуированной лексики в бодуэновских изданиях „Толкового словаря живого великорусского языка” В.И.Даля. - *Dissertationes Slavicae, Sectio Linguistica*. Szeged, 1991. XXII
- ПРОКУРОВСКАЯ, Н.: Город в зеркале своего языка (На языковом материале г. Ижевска). Изд. Ижевского Гос. Университета, Ижевск, 1996.
- SANCHEZ PUIG, M.: Описание способов приема наркотических веществ в лексике русскоязычных наркоманов. - Русистика / Rusistik, Berlin, 1991, № 1.
- SANCHEZ PUIG, M.: Торч - ломка - недобор. Лексические способы выражения состояний на жаргоне русскоязычных наркоманов. - *Rusistica española*, Madrid, 1991, № 1.
- SANCHEZ PUIG, M.: Специфика деноминации потребителей наркотических средств. - *Russian Linguistics*, 1992. vol. 16.
- SANCHEZ PUIG, M.: Деноминация лиц, участвующих в процессе поставки, приготовления и потребления наркотических средств в лексике русскоязычных наркоманов. - *Studia Russica*, Budapest, 1990-94. XIV-XV.
- СКОВОРЦОВ, Л.: Об оценках языка молодежи (Жаргон и языковая политика). - *Вопросы культуры речи*. М., 1964. Вып. 5.
- СКОВОРЦОВ, Л.: Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. - *Литературная норма и просторечие*. М., 1977.
- СКОВОРЦОВ, Л.: Экология слова или Поговорим о культуре русской речи. М., „Просвещение”, 1996.
- ТИСОЦКИЙ, Ч.: О словарном составе лагерного языка. - *Nemzetközi Szlavisztikai Napok, IV*. Szombathely, 1991.
- ТИСОЦКИЙ, Ч.: Обценные элементы лагерной лексики. - *Studia Slavica Savariensia*, 1991. № 2.
- ТОТ, С.: К вопросу о составлении словаря жаргона русского языка. - *Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования и преподавания. (Тезисы Докладов и сообщений VIII Международного конгресса МАПРЯЛ.) „Русский язык”*, М. 1990. Т. 1.
- ШИНКАРЕНКО, Ю.: На палубе „Арго”, или Поход за властью. Из новейшей истории фаргонного языка подростков. - „Урал”, 1997, №2.
- JANKOVICS Mária: *Diáknyelv: magyar-orosz változatok*. [Язык учащихся: венгеро-русские варианты] - *Nyelvinfó*, 1996. 3. sz.

JÓNÁS Erzsébet: Adalékok a magyar és az orosz diáknyelvhez. [Данные к венгерскому и русскому языку учащихся] - Acta Academiae Pedagogicae Nyíregyháziensis. Rusistica. 1977. t. 7/H.

MISKY György: Az orosz diákzsargon tanításának néhány elvi-metodikai kérdése. [Некоторые теоретико-методические вопросы обучения русскому ученическому жаргону] - A korszerűbb orosznyelv-oktatásért. JPTE, Pécs, 1984.

NILSSON, Nils Ake: Soviet student Slang. [Советский студенческий сленг] - Scando-Slavica, 1960. t. VI.

PÉTER Mihály: Szleng és költői nyelvhasználat. [Сленг и поэтическое словоупотребление языка] - Magyar Nyelvőr, 1980. 104.

ROOM, Adrian: Russean hippie jargon in the 1980s. [Жаргон русских хиппи в 80-е годы] - Journal of Russian Studies (Nottingham), 1989. 55.

RUSIGNUOLO, Luca: Indagine sul linguaggio giovanile in Russia. [Изучение молодежного языка в России] - Rassegna Italiana di Linguistica Applicata, 1993. XXV/1.

TIMROTH, W. von: Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargon, Slang und Mat). [Русская и советская социолингвистика и табуизированные варианты русского языка (Арго, жаргон, сленг, мат)] Verlag Otto Sagner, München, 1983.

TÓTH Szergej: A Gulag nyelve. [Язык ГУЛАГА]- Új Tükör, 1989. 43. sz.

Мария Янкович

РАЗНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИСХОДНОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

лементы двух языков, функционально соответствующие друг другу в пределах данного контекста, выступают в качестве эквивалентов, используемых при переводе. Но даже в том случае, когда данное слово в исходном языке (ИЯ) имеет единое значение, при переводе возникает целый ряд вопросов, связанных с различиями между лексическими системами ИЯ и ПЯ.

Сопоставим группу русских прилагательных /или же согласованных определений/ с их венгерскими эквивалентами. Это сопоставление соответствующих слов показывает, что в некоторых случаях в ПЯ слово может иметь более узкое значение, а в других случаях - наоборот, более широкое. Венгерское слово "barna", например, в зависимости от определяемого слова в русском языке имеет следующие эквиваленты: коричневый стол, **бурый медведь, карые глаза, смуглое лицо, каштановые волосы, серый, чёрный хлеб**. А русское слово "глубокий" в зависимости от определяемого слова на венгерский язык переводится как: **nagy, súlyos** hiba (глубокая ошибка), **késő** ősz (глубокая осень), **mély** meggyőződés (глубокая вера), **magas** hó (глубокий снег), **találó** megjegyzés (глубокое замечание), **mélyenszántó** gondolat (глубокая мысль), и т.д.

Значение одного слова всегда реализуется в связном тексте. Без учёта узкого или широкого контекста иногда трудно понять данное слово, поэтому при переводе всегда должно рассматриваться целое словосочетание (узкий контекст), или всё предложение, весь абзац или даже всё произведение (широкий контекст). Часто для понимания значения слова и выбора его эквивалента достаточно посмотреть одно лишь словосочетание.

Рассмотрим такие отдельные словосочетания, состоящие из основного члена (имени существительного) и его определения (имени прилагательного).

Необходимость такого анализа объясняется тем, что для переводчиков иногда очень трудно выбрать подходящий эквивалент данного слова в ПЯ, не зная его синонимов и правила их употребления.

Рамки этой работы не позволяют представить полную картину собранного нами материала и поэтому ниже презентуется лишь небольшая группа прилагательных и их эквивалентов в ПЯ.

Русское прилагательное **глубокий** при переводе употребляется в прямом значении: глубокая яма = mély gödör, или же в значении "огромный, серьезный, если речь идёт об ошибке: **глубокая ошибка** = nagy, súlyos hiba, в значении "огромный" если речь идёт об осени: **глубокая осень** = késő ősz, "высокий", говоря о снеге: **глубокий снег** = magas hó, "точный", говоря о замечании: **глубокое замечание** = találó megjegyzés.

Прилагательные **высокий** кроме прямого значения (высокий рост = magas termet) употребляется и в следующих значениях: "богатый" в словосочетании со словом "урожаем": **высокий урожай** = gazdag, bő termés, "великий", говоря о награде: **высокая награда** = nagy jutalom, "быстрый", если сочетается со словом "темпом": **высокий темп** = gyors ütem, "отличный" если говорится о качестве чего-то: **высокое качество** = kiváló, remek minőség, "величественный", в связи с "целью": **высокая цель** = magasztos cél, "торжественный, возвышенный" со словом "стилем": **высокий стиль** = emelkedett, ünnepélyes stílus, "хороший" о мнении: **высокое мнение** = jó vélemény, "почётный, говоря о звании: **почётное звание** = megtisztelő név, "высокопоставленный", говоря о госте: **высокий гость** = előkelő vendég.

Прилагательное **низкий** употребляется также в самых разных значениях: "низкий", говоря о росте: **низкий рост** = alacsony termet, "маленький", говоря о давлении: **низкое давление** = kis nyomás, а также о воде: **низкая вода** = sekély víz, "плоский", говоря о месте: **низкое место** = lapos, sík hely, "слабый, плохой", если речь идёт о качестве: **низкое качество** = gyenge, silány minőség, "народный, разговорный", говоря о стиле: **низкий стиль** = népies stílus, "глубокий", говоря о звуке: **низкий звук** = mély hang.

Прилагательное **большой** в прямом значении употребляется, например, со словом "дом": **большой дом** = nagy ház, но встречается также и в других значениях, а именно: в значении "хороший", говоря об аппетите: **большой аппетит** = jó étvágy, "много", говоря о деньгах: **большие деньги** = sok pénz, "широкий", говоря о связи: **большие связи** = széles(körű) kapcsolatok, "близкий", говоря о друзьях: **большие друзья** = kebelbarátok, "значительный" об уступке: **большая уступка** = jelentős engedmény, "умный" со словом "ум": **большой ум** = okos.

При переводе прилагательного **тонкий** различаются следующие значения: прямое значение "тонкий", говоря, например, о слое: **тонкий слой** = vékony réteg, "нежный" говоря о белье: **тонкое бельё** = finom fehérnemű, "спортивный" о фигуре: **тонкая фигура** = karcsú alak, "лёгкий", говоря об ужине: **тонкий ужин** = könnyű vacsora, "тщательный, говоря о знатоке: **тонкий знаток** = alapos ismerője, "умный", если говорится о шутке: **тонкая**

шутка = szellemes vicc, "необидный", говоря о намёке: **тонкий намёк** = gyengéd célzás, "трудный", говоря о вопросе: **тонкий вопрос** = fogas kérdés, "хороший" о вкусе: **тонкий вкус** = kifinomult ízlés, "острый", говоря о слухе: **тонкий слух** = éles hallás, "остроумный", если речь идёт о критике: **тонкий критик** = éleseszű kritikus, "неглубокий", говоря о сне: **тонкий сон** = éber álom, "хитрый" если говорится о политике: **тонкий политик** = ravasz politikus.

Прилагательное **сухой** употребляется в следующих значениях: "невлажный" со словом "воздух": **сухой воздух** = száraz levegő, "несвежий" в словосочетании: **сухие фрукты** = fonnyadt gyümölcs, "нежидкий" со словом "молоко": **сухое молоко** = tejpor, "тонкий" со словом "человек": **сухой человек** = szikár ember, "скучный", говоря о рассказе: **сухое изложение** = unalmas, színtelen elbeszélés, "недружеский" со словом "приём": **сухой приём** = rideg fogadtatás, "безалкогольный" со словом "закон": **сухой закон** = alkoholtilalom.

При переводе прилагательного **мягкий** необходимо вспомнить следующие его значения и выбрать подходящий эквивалент в зависимости от того, с каким из следующих слов оно сочетается в данный момент: в значении "свежий" сочетается со словом "хлеб": **мягкий хлеб** = friss kenyér, в значении "нетвёрдый" со словами "шляпа": **мягкая шляпа** = puha kalap, "мебель": **мягкая мебель** = párnázott bútor, "железо": **мягкое железо** = lágyvas и со словом "звук": **мягкий звук** = szelíd hang, в значении "несуровый" сочетается со словом "зима": **мягкая зима** = enyhe tél. В значении "приятный" оно сочетается со словом "полумрак": **мягкий полумрак** = kellemes félhomály, "1-го класса" с "вагоном": **мягкий вагон** = 1. osztály (párnás kocsi), "нерезкий" со словом "свет": **мягкий свет** = tompa fény, "тихий" со словом "поступь": **мягкая поступь** = csendes járás, а также в значении "негрубый": **мягкий характер** = szelíd természet.

Слово **прямой** относится также к группе тех прилагательных, при переводе которых часто затрудняется даже опытный переводчик. Ведь и оно употребляется в нескольких значениях. Например: в значении "прямой" со словом "линия": **прямая линия** = egyenes vonal, "непосредственный" со словом "сообщение": **прямое сообщение** = közvetlen járat, "открытый" со словом "вызов": **прямой вызов** = nyílt kihívás, в значении "конечный": **прямая кишка** = végbél, в значении "точный": **прямое попадание** = telitalálat, "чистый" со словом "убыток": **прямой убыток** = tiszta veszteség, "90°-ый" со словом "угол": **прямой угол** = derékszög, "настоящий" в сочетании со словом "смысл": **прямой смысл** = feltétlen szükségszerűség.

Значения прилагательного **свободный** составляют многочисленную группу. В неё входят следующие: "независимый" со словом "страна": **свободная страна** = független ország, "бесплатный" со словом "вход":

свободный вход = ingyenes belépés, "лёгкий" в сочетании со словом "обращение": **свободное обращение** = fesztelen, könnyed bánásmód, "спокойный" со словом "дыхание": **свободное дыхание** = nyugodt légzés, "быстрый, беглый" со словом "чтение": **свободное чтение** = folyékony olvasás, "пустой" со словом "трамвай": **свободный трамвай** = üres villamos, "удобный", говоря о костюме: **свободный костюм** = kényelmes öltöny, "лишний" о деньгах: **свободные деньги** = fölösleges pénz, "выходной", говоря о дне: **свободный день** = szabadnap.

Прилагательное **пустой** также встречается в нескольких значениях: прямом со словом "ящик": **пустой ящик** = üres doboz, в значениях "голодный" со словом "желудок": **пустой желудок** = éh(es)gyomor, "незначительный" в сочетании со словом "место": **пустое место** = jelentéktelen ember, "несодержащий ничего", говоря о супе: **пустой суп** = tartalmatlan leves, а также в значениях "только" со словом "угроза": **пустая угроза** = puszta fenyegetés, "чепуха" со словом "дело": **пустое дело** = semmiség, "напрасный" со словом "надежда": **пустая надежда** = hiú remény, и "неограниченный" со словом "порода": **пустая порода** = meddő kőzet.

Значение прилагательного **свежий** во многом зависит от того с каким словом оно сочетается. Сочетаясь со словом "хлеб", оно имеет прямое значение "свежий": **свежий хлеб** = friss kenyér, со словом "лицо" значение "молоденькое": **свежее лицо** = üde arc, со словом "капуста" носит значение "неквашенный": **свежая капуста** = nyers káposzta, со словом "воздух" имеет значение "чистый": **свежий воздух** = tiszta levegő, со словом "идея" значит "новый": **свежая идея** = új ötlet, а сочетаясь со словом "краски" оно получает значение "неблэклый": **свежие краски** = élénk színek.

Довольно широк круг значений прилагательное **чистый**. Употребляется оно в следующих значениях: в прямом со словом "вода": **чистая вода** = tiszta víz, в значениях "свободный" со словом "воздух": **чистый воздух** = szabad levegő, "абсолютно концентрированный - 98°" со словом "спирт": **чистый спирт** = abszolút alkohol, "приведённый в порядок, убранный" со словом "комната": **чистая комната** = rendez szoba, "невинный" со словом "дитя": **чистое дитя** = ártatlan gyermek, "чистый", говоря о деле: **чистое дело** = becsületes dolog, "парадный" со словом "крыльцо": **чистое крыльцо** = elülső tornác, "открытый", говоря о поле: **чистое поле** = nyílt, sík mező, "пустой", говоря о странице: **чистая страница** = üres oldal, "тщательный", говоря о работе: **чистая работа** = gondos munka, "первоначальный" со словом "вид": **чистый вид** = eredeti forma, "полный" со словом "ложь": **полная ложь** = merő hazugság (с отрицательным оттенком), а также в значении "полный", но с положительным оттенком со словом "правда": **чистая правда** = színtiszta igazság.

Представленные выше прилагательные с различными значениями отражают лишь небольшое количество трудных случаев, встречаемых при переводе. Все они могут поставить в трудное положение даже профессионального переводчика, если он не имеет в своём активе всех перечисленных эквивалентов значений. Чтобы подобные вопросы решались по возможности без труда любым переводчиком, необходимо в совершенстве владеть обоими языками, знать все оттенки и нюансы как исходного языка, так и языка перевода. Причём, это лишь одно из основных требований к хорошему переводчику.

Использованная литература:

1. Hadrovics - Gáldi: Orosz - magyar szótár. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971.
2. Hadrovics - Gáldi: Magyar - orosz szótár. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971.

РЕЦЕНЗИИ:

Snježana Kordić

Rec.: **Milka Ivić**, *O zelenom konju: Novi lingvistički ogledi*, Slovoграф - Biblioteka XX. vek, Beograd 1995, ss. 334.

Prošlo je preko 40 godine od kada je objavljena prva knjiga Milke Ivić *Značenja srpskohrvatskog instrumentala i njihov razvoj*. Od tada do danas Milka Ivić je objavila više knjiga i mnoštvo članaka, kojima je svima zajednička crta da se odlikuju izuzetno visokom znanstvenom razinom i da korespondiraju s najnovijim istraživanjima u svjetskoj lingvistici. Zbog toga se za autoricu može reći da već desetljećima kontinuirano zauzima mjesto vodećeg sintaktičara u serbokroatistici. To potvrđuje i njena najnovija knjiga *O zelenom konju: Novi lingvistički ogledi*.

Radi se o knjizi u kojoj su prikupljeni neki od radova koje je autorica posljednjih petnaestak godina objavljivala u domaćim i inozemnim lingvističkim časopisima. Kao i u njenim prethodnim knjigama tako i u ovoj predmet istraživanja jesu neke potpuno zapostavljene jezične teme u serbokroatistici, a koje su u zadnje vrijeme aktualne u lingvistici u svijetu. Time knjiga ne samo da nudi zanimljive pojedinosti o konkretnom jeziku nego daje vlastiti doprinos i suvremenim tipološkim istraživanjima. Tu se u prvom redu radi o istraživanjima naziva za boje u jeziku, čemu je posvećen prvi dio knjige s naslovom *O nazivima boja*. Taj dio obuhvaća četiri teksta. Prvi je *O razlikovanju ljudi po boji*, u kojem se analizira upotreba pridjeva *smeđ, plav, riđ* u njihovoj sintaktičko-semantičkoj ulozi kolorističkih determinatora ljudi. Drugi tekst je *O glagolima izvedenim od naziva "ljudskih boja"*, u kojem se konstatira da se suvremeni inventar glagola za oznaku nanošenja boja na čovjeka razlikuje od onoga u 19. stoljeću utoliko što ga više ne čine samo takve leksičke jedinice koje ujedno i identificiraju boju. U tekstu *Plava boja kao lingvistički problem* uspoređuju se izrazi za označavanje plave boje u slavenskim jezicima i opisuje upotreba pridjeva *plav* u srpskohrvatskom jeziku. Autorica dolazi do zaključka da je taj pridjev zanimljiv s teorijske i općelingvističke strane jer pokazuje kako je moguće da "ljudi, čak i kad dođe do sasvim drastičnog konflikta između principa logičkog rasuđivanja i određenog organizacionog principa delotvornog unutar datog jezičkog mikrosistema, lako žrtvuju logiku samo zato da bi delotvorni jezički princip ostao i dalje 'na snazi'" (str. 82). Dio knjige Milke Ivić koji se bavi bojama završava tekstem *O zelenom konju*, gdje autorica zaključuje da je južnoslavenska leksičko-semantička tvorevina *zelen konj* nastala na Balkanu pod utjecajem nekih neslavenskih modela koji su bili aktualni u vrijeme dolaska Slavena na Balkan i da stoga problem te konstrukcije ne pripada toliko domeni slavistike koliko balkanologije.

Drugi dio knjige nosi naslov *Rod i broj u jeziku*, a obuhvaća četiri teksta. Prvi je *O rečima koje iskazuju ljudski stvor u najneodređenijem smislu*, u kojem se analizira upotreba riječi *čovjek, ljudi, pojedinac, osoba, lice, ličnost*. Za imenice sa značenjem 'osoba', 'lice' autorica zapaža da ne mogu funkcionirati na sintaktičkom planu bez odredbe, što je još jedan doprinos saznanjima o tzv. obaveznoj determinaciji, čijim fenomenima se autorica bavila i u svojoj knjizi

Lingvistički ogledi 1983. Nakon teksta *O gramatičkom razlikovanju neudatih ženskih osoba od udatih u nekim poljskim dijalektima slijede Neka zapazanja o broju i rodu*, posvećena imenicama koje označavaju ljudsko biće a imaju naspramne deklinacijske oblike za razlikovanje množine od jednine, npr. *majka* u: *Tada su mnoge majke zaplakale, Tada je mnoga majka zaplakala*. Dio knjige o rodu i broju završava radom *Neki problemi kvantifikacije sagledani iz vizure srpskih (a donekle i šire slovenskih) jezičkih datosti*. U njemu se navodi čitav niz tema iz kvantifikacije u slavenskim jezicima kojima opća lingvistika dosad nije posvetila potrebnu pažnju i čije istraživanje u slavenskoj kontrastivnoj gramatici zato tek predstoji.

Treći dio knjige ima naslov *O značenjskom i obličkom ustrojavanju jezičkih jedinica*, pod kojim je okupljeno četrnaest tekstova. U prvom od njih, *Semantika predloga u izrazima tipa "sedeti na suncu / sedeti u hladu" i sl.*, opisuje se jedan gramatički model spoja imenice s prijedlogom. Drugi tekst bavi se tzv. *dekomponiranim predikatom*, temom koju je 1977. u serbokroatistiku uveo i najiscrpnije opisivao Milorad Radovanović. O temi sljedećeg teksta autorica kaže kako u lingvistici dosada nije bila obrađivana: radi se o posebnim jezičnim sredstvima za *razlikovanje načelnog od konkretnog* poimanja izvjesnih pojava koje imenuje rečnični predikat. Tu pripadaju konstrukcije poput *biti na večeri / odlaziti na večere*. Zaključak je da se konkretno od načelnog predikatskog saopćenja može razlikovati sljedećim gramatičkim sredstvima: vidsko-vremenskim oblikom glagola (*On je odsjeo u hotelu / On odsjeda u hotelu*), načinom strukturiranja predikatske jedinice (*On je na zimovanju u Austriji / On zimuje u Austriji*) i padežnim oblikom predikatske odredbe (*Ona dolazi u četvrtak / Ona dolazi četvrtkom*). Opisujući upotrebu glagola *dolaziti / odlaziti* u takvim konstrukcijama Milka Ivić otkriva još jedan tip modalne rečenice: *On dolazi na nastavu* znači da je i govornik sudionik u onome što je imenovano predikatom, a *On odlazi na nastavu* znači da govornik nije sudionik u onome što je imenovano predikatom. Dva teksta u knjizi posvećena su riječi *jedan*: *O nekim gramatičkim fenomenima uslovljenim empatijom; Srpsko "jedan" / bugarsko "edin" u ulozi odredbe predikatske imenice*. O pojedinim tipovima odredaba govori se u još nekoliko radova u knjizi, npr. *O odredbama kategorizovanja, O "denotativnom" i "konotativnom" karakterizovanju, Odredbe "dodatnog komentara", O priložima "za način", O determinaciji po kriteriju 'poznat u javnosti'*. Svim tim radovima je zajedničko da ih odlikuje uspješan spoj semantičke, sintaktičke i pragmatičke analize.

Knjiga *O zelenom konju: Novi lingvistički ogledi* pokazuje da je i izborom tema za svoja istraživanja i njihovom razradom Milka Ivić zadržala svježinu mladog sintaktičara znatiželjnog da pronikne u fine nijanse sintaktičko-semantičke strukture jezičnih jedinica. Egzaktno pisanje, korespondiranje sa stranom literaturom, originalna rješavanja lingvističkih problema obilježavaju

ovu knjigu i daju joj onu prepoznatljivu kvalitetu koju nose i prethodne knjige potpisane imenom Milke Ivić.

Арпад Орос

Рец.: **Теория функциональной грамматики.** Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. Персональность. Залоговость. Спб., 1991.
под ред.: А.В.Бондарко

Рвтор настоящей рецензии не претендует на полный или исчерпывающий анализ данной коллективной монографии, состоящей по 1996-й год из четырёх томов, а ставит более скромную цель: обратить внимание на оригинальности этого труда, охарактеризовать общие принципы, изложенные в нём, а также остановиться на некоторых отдельных, частных вопросах.

Издавна существуют два подхода к описанию языковой системы. Можно исходить из формально-грамматической характеристики языка и рассматривать, какие элементы грамматики передают какие значения в языке. В области морфологии эти элементы называются морфемами, тогда как в синтаксисе объектами изучения являются глагольная валентность и порядок слов. Само собой разумеется, что эти грамматические элементы выражают грамматическое значение. Другой подход исходит из строрны означаемого, и анализирует различные способы выражения конкретных значений.

Русский язык изобилует различными морфологическими (как формообразующими, так и словообразовательными) маркерами, поэтому в нём выделяются многочисленные морфологические категории разных частей речи, обладающих, в свою очередь, самостоятельным морфологическим оформлением. Итак, было бы чрезвычайно нелёгким заданием дать перечень всех грамматических значений, передаваемых определёнными морфемами. Лингвисты в последние десятилетия поставили перед собой такую цель: описать язык со стороны значения, рассмотреть, какими грамматическими средствами выражается данное значение. Иными словами, они прибегают к своего рода индуктивному описанию языковой системы. Встаёт вопрос, почему можно считать этот подход приемлемым, не искажающим языковую действительность? Ведь можно было бы подумать, что категории, предполагаемые в языке, отражают только внеязыковую реальность, и, следовательно, имеют лишь косвенную связь с категориями данного языка. Ответ на этот вопрос заключается в полевой структуре проявления грамматических категорий. Вслед за исследователями других наук, и лингвисты начали рассматривать языковые явления в рамках полевой теории. Те элементы, для которых в большей или меньшей мере характерно некоторое общее значение, воспринимаемое как семантическое, называются полем этого семантического значения. Поле охватывает разнородные взаимодействующие языковые средства. Структура функционально-семантических полей (ФСП) характеризуется членением "центр–периферия". В центре поля находится грамматическая категория со специальными формальными (материальными) показателями и со специальной функцией. Существование именно этого центра, вокруг которого группируются менее грамматизированные и менее специальные выраже-

ния данного значения, даёт основу для того, чтобы можно было говорить о данной категории как языковой.

Следует ещё разграничить понятия "значение" и "функция". Первое непосредственно связано с семиотикой, оно связывает план содержания и план выражения, в то время как понятие функции сочетается с понятием цели. Функция является более широкой по отношению к значению, их отношение является инклюзивной, иначе говоря, какое-либо значение всегда может быть представлено как функция, но не наоборот. Как само название показывает, теория ФСП исследует, какие функции имеются в речи вне языка, она ориентирована не только на семантику но и на типичное употребление отдельных элементов. Например, в области темпоральных функций различаются настоящее сценическое и настоящее репортаж, в случае которых нельзя говорить о каком-либо значении. Конечно, существуют и такие ФСП, в центре которых выступает не морфологическая категория. Речь идёт, например, о категориях субъектности и объектности.

ФСП актуализируются в процессе речевой мыслительности, поскольку говорящий знает, как выразить содержание определённого поля или микрополя, различаемого внутри данного поля. Тот или иной член оппозиции (та или иная граммема) определённой категории, находящейся в центре ФСП, вписывается в ситуацию, обозначаемую предложением, поэтому можно говорить о категориальной ситуации предложения. (О ситуации, определяющей какую-либо категорию.)

Сотрудники Института Языкознания Российской Академии Наук начали издавать работу в нескольких томах, в которой трактуются отдельные функционально-семантические поля под общим заглавием "Теория Функциональной Грамматики". Первый том, вышедший в свет в 1987-м году, посвящён ФСП аспектуальности, временной локализованности и таксису. Второй том, в котором изложены ФСП темпоральности и модальности, появился в 1990-м году. В третьем томе, появившемся год спустя, трактуются ФСП персональности и залоговости. В последнем томе, не вышедшем до сих пор в свет, говорится о субъектности и объектности. Редколлегия, работающая под руководством А.В.Бондарко, планирует продолжить издавать дальнейшие тома "Теории Функциональной Грамматики" (ТФГ). Описания понятия ФСП находятся во всех томах, и заглавия разделов соответствуют отдельным ФСП. Эта работа является синтезом лингвистических традиций и различных мнений, в котором вычленяются наиболее бурно оспариваемые вопросы языкознания. Тем не менее, можно встретить и такие моменты, когда авторы лишь выдвигают проблему, не упоминая о решениях, предложенных другими исследователями, ограничиваясь изложением своего решения. Так, например, обстоит дело с сопос-

тавлением пассивных и неопределённо-личных предложений В.С.Храковским в третьем томе. Достоинством работы является, что авторы не ограничиваются ссылками на отечественных языковедов, а привлекаются и результаты зарубежных лингвистических школ. При трактовке некоторых понятий, авторы прибегают к внелингвистическим источникам. При истолковании потенциальности, например, А.В.Бондарко опирается на понятие возможных миров, взятое из области модальной логики. Правда, при описании явлений, связанных с модальностью, большинство лингвистов пользуется понятиями и категориями логики. Наблюдается стремление авторов дать исчерпывающий перечень явлений, связанных с определёнными семантическими полями, но эти явления не всегда описываются и освещаются достаточно обстоятельно. Нередко встречаются в работе, даже в одной и той же главе, примеры расхождения взглядов соавторов. Так, категория субъекта, являющаяся совсем нестойкой в языкознании, трактуется скрыто совсем по-разному в главе, посвящённой залоговости. Большинство авторов считает понятия субъекта и агенса равнодопустимыми. В отличие от их мнений, А.В.Бондарко полагает, что понятие субъекта шире понятия агенса. (Само понятие "агентивное дополнение" в пассиве тоже внушает совместимость вышеупомянутых терминов.) Ввиду того, что первичным критерием активности является совпадение субъекта с подлежащим, различные понимания термина "субъект" могут привести к разным анализам конкретных предложений с точки зрения категории залога.

Примеры в работе даются в курсиве в случае тех языков, которые пользуются кириллицей, тогда как примеры на иностранных языках с латинским письмом не выделены в курсиве. Различаются примеры и по следующим критериям: Если приводятся примеры в качестве просвещения элементарных понятий и отношений, когда нет надобности доказывать достоверность примеров, примеры придуманы авторами. Например: "При определенных условиях речевой ситуации (например, в условиях непосредственного наблюдения: *Посмотри...* и т. п.) предложение *Коровы едят траву* обозначает актуальное настоящее, действительно включающее момент речи" (том 3, с. 31). Если примеры иллюстрируют специальные семантические отношения, или индивидуальные лексические единицы, встречающиеся в предложении, и способствуют более яркому проявлению грамматического содержания, то они приводятся из литературных произведений искусства ради достоверности. Например: "Равным образом отсутствует значение отнесенности именно к настоящему моменту в любых других высказываниях, обозначающих ситуации, не локализованные во времени. Ср.: *Чем развитее человек, чем больше он размышляет и вдается в тонкости, тем он нерешительнее и тем с большей робостью*

приступает к делу (А.Чехов)– вряд ли имеют смысл экспликации типа «и сейчас, в данный момент действительно это свойство развитого человека»" (том 3, с. 30).

Само собой разумеется, что поля пересекаются. Это свойство вытекает из характера полевой структуры. Например, таксис, темпоральность и аспектуальность очень тесно взаимосвязаны, и эта взаимосвязь анализируется, в частности, в подразделе "Абсолютное/ относительное время" в разделе "Темпоральность". Взаимосвязь ФСП залоговости с другими семантическими полями наблюдается в довольно широком кругу явлений, поэтому она трактуется более обстоятельно в разделе "Залоговость". Этот раздел написан Ю.Л.Пупыниным, опытным специалистом данной проблематики, исследующим уже много лет связь аспектуальности и залоговости. В упомянутом разделе автор дальше развивает свою теорию, и приходит к заключению, что только предельные глаголы могут подвергаться пассивизации. (Раньше он высказывал такое мнение, что глаголы в страдательной форме всегда приобретают предельную интерпретацию.)

В этой работе даётся очень широкий диапазон тех языковых категорий, которые оказывают влияние на выражение трактуемых семантических категорий. Так, в разделе "Персональность" детально анализируются вопросы неопределённости и обобщённости. Зато в подразделе, посвящённом вопросу о нулевом подлежащем, следовало бы упомянуть хотя бы коротко о понятии пустых категорий, настолько распространённом в теории управления и связи. Тем не менее, нельзя не признать, что встречается довольно много ссылок на иностранных лингвистов и на работы, вышедшие в свет за рубежом. Структура данного ФСП даётся только в случае семантических полей с меньшим объёмом, например, в случае темпоральности и персональности.

Настоящая работа отличается и тем, что в ней разграничиваются случаи системной и нормативной неграмматичности. Это также объясняется тем, что ТФГ ориентирована на сторону обозначаемого, поэтому необходимо выходить за пределы системно-грамматических ограничений.

Рассматриваемая работа "Теория Функциональной Грамматики" представляет собой чёткий семантический анализ микрополей отдельных ФСП. Из возможных примеров здесь я укажу лишь на анализ рефлексивных и взаимных конструкций внутри объёмного и разноуровневого комплекса залоговости. Даются и типологии упомянутых конструкций, и авторы этих подразделов (Э.Ш.Генюшене и В.П.Недялков) рассматривают проявление данных категорий на материале нескольких языков. В разделе "Залоговость" сопоставляются канонические и неканонические средства

выражения пассивности в русском и немецком языках. Автор этого подраздела немецкий специалист Р. Леч.

В работе, рассмотренной мною, детально изучаются средства выражения определённых семантических категорий, авторы стремятся к исчерпывающему анализу функционально-семантических полей. Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что эта серия свидетельствует о высоком уровне развития функциональной грамматики в рамках полевой теории. Более того, настоящая работа заставляет читателя трактовать языковые явления комплексно, в их сложной иерархии и взаимодействии и в других – в данной монографии не затронутых – областях русской грамматики.